

100

ЛЕТ БЕЗ ЛЮБВИ

Надежда Волгина

SHOUT
SHARE **IT**

Annotation

Я нашла дома брошь. С виду совершенно обычную, хоть и старинную. Но так ли это на самом деле? Я влюбилась в парня, с которым познакомилась случайно при довольно нелепых обстоятельствах. Но случайна ли наша встреча, и почему мне кажется, что ведет он себя как-то странно? Я должна спасти нас и нашу любовь. Теперь я точно знаю, что все зависит только от меня! Но чем мне придется пожертвовать?

- [Надежда Волгина](#)

- [Часть 1. Непрощенные](#)

- [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)

- [Часть 2. Разделенные](#)

- [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)

■ Глава 6

■ Глава 7

■ Глава 8

○ Эпилог

Надежда Волгина
100 ЛЕТ БЕЗ ЛЮБВИ

Часть 1. Непрощенные

Пролог

У обочины дороги стояли две женщины. Одна крупная, статная, в богатых одеждах и золоте. Ее огромные черные глаза выделялись на смуглом красивом лице. Она смотрела на дорогу, явно кого-то поджидая. Другая намного моложе — невысокого роста, худенькая. Одета она была скромнее первой, без единого украшения. Русые волосы распущены по плечам и лицо пугающе бледное и очень грустное. Ветер трепал полы ее сарафана и, казалось, продувает ее насквозь. Она обхватила себя руками, то ли в попытке согреться, то ли чтобы защититься от кого-то или чего-то. Она тоже смотрела на дорогу, и глаза ее блестели нездоровым блеском.

— Не бойся, нас не увидят, — сказала старшая. — Я прочла заклятье.

Младшая не ответила, продолжая внимательно вглядываться куда-то.

— Не видишь его? — снова заговорила старшая. — Вон он, в кустах прячется. — Она указала рукой на куст Волчьего лыка на противоположной стороне дороги.

Девушка повернула голову и только тогда заметила мужчину цыганской наружности. Он уже даже не прятался, а стоял возле живой изгороди, сжимая в руке нож. Мужчина тоже кого-то поджидал, при этом выглядел довольно решительно. Возможно когда-то он был красивым, а сейчас лицо покрывала нездоровая серость, глаза ввалились, и под ними залегли темные круги.

На дороге показалась телега, запряженная двумя лошадьми. Старшая женщина разом подобралась и принялась что-то бормотать шепотом. Мужчина вышел из кустов и преградил путь телеге. Тот, что в последний момент натянул вожжи, смотрел на него с испугом. Маленькие глазки часто моргали на веснушчатом лице. Рот кривился и подергивался, словно он пытался что-то сказать и никак не получалось.

Цыган молча запрыгнул в телегу и занес над несчастным нож. Он сказал всего одно слово «Мечь» и резко опустил руку. Дальше произошло все стремительно. Старшая женщина сделала движение руками, словно отталкивая от себя кого-то, и цыган полетел кубарем в кювет. Рябой со всей дури хлестнул лошадей, и телега помчалась вперед, оставляя за собой пыльный след. Только его и видели.

— И что теперь? — спросила младшая у старшей.

— Все. Нож убийцы не коснулся жертвы. Можешь быть спокойной, проклятие не действует.

— А как же он? — Младшая кивнула на цыгана, который лежал возле кустов и не подавал признаков жизни.

— В его жизни ничего не изменится. Сегодня же тот подаст на него в полицию, а дальше суд и каторга, как и должно быть. Он сам выбрал свой жизненный путь. Да и Ганс долго не протянет. Не от ножа, так в вонючей канаве сгинет. Пьянка его погубит.

Молодая медленно кивнула и равнодушно отвернулась от дороги. Все это ее уже не касалось, потому что это были последние отголоски ее прошлой жизни, в которой она умерла.

Глава 1

Рабочий день закончился. Я слышала, как народ расходится по домам, веселится в предвкушении выходных. Машинально отвечала на дежурные «пока» или «до понедельника», а сама бесилась, что не могу последовать их примеру. Агенты, как с цепи сорвались, решили за один день перевыполнить недельный план. Заявки все не заканчивались.

Около семи я, наконец-то, провела последнюю заявку и выключила ненавистный компьютер. Голова гудела, а перед глазами мелькали колонки цифр. Работа оператора — конвейер, где ты, как робот, зацикливаешься на одном и том же. К концу рабочего дня чувствуешь, как из тебя вытягивают последние силы, словно это веревочка, намотанная на катушку, конец которой кто-то удерживает и уходит все дальше и дальше. А когда ее остается совсем немного, выдергивает силой. И вот какое-то время пустая катушка внутри тебя вращается, создавая бесполезный шум, а потом замирает, и наступает опустошение, близкое к отупению.

Офис давно опустел. Я прислушивалась к своим шагам в пустом коридоре и пыталась побороть усталость. За год работы я научилась быстро переключаться. Достаточно представить, что идешь в тяжелой шубе, которая давит тебе на плечи и сгибает спину. Позвоночник «трещит», поясницу ломит. И вот ты ее скидываешь, одним движением сбрасываешь с плеч. Не оборачиваешься — идешь дальше, ощущая легкость во всем теле. Это работало, нужно только включить воображение.

Улица встретила порывом ледяного ветра и темнотой. Пальцы окоченели, пока я закрывала тяжелую металлическую дверь и запирала замок. Фонари не горели — вот почему мне показалось темнее обычного.

Начало ноября — не зима еще и уже не осень, ни то, ни се. Воздух морозный, а снега нет. Я застегнула куртку доверху, натянула капюшон и потуже намотала шарф, чтобы не дать ветру ни малейшего шанса добраться до моего тела. Живу я совсем рядом — два двора, и мой дом. Улица пустовала. Народ попрятался в домах, спасаясь от почти зимней стужи. Редкие прохожие спешили куда-то по делам, кутаясь в воротники и капюшоны.

Мой район самый старый в городе, недалеко от автовокзала, рядом с лесом. Половина домов здесь предназначены под снос уже лет десять как. А пока городским властям не до них, там живут люди. И у нас с бабушкой квартира на втором этаже

двухэтажного дома барачного типа.

Я очень люблю свой район! И не потому, что родилась здесь и выросла. Хотя, привычка срабатывает тоже. Тут уютные небольшие дворики. Нет супермаркетов и торговых центров, зато в маленьком магазинчике тебя встретят, как родную, поздороваются, спросят, как дела. О том, что рано или поздно, когда власти доберутся и до нас, придется куда-то переезжать, стараюсь не думать. Зачем портить себе настроение раньше времени.

Я прибавила шагу — прошла всего ничего, а замерзла, как цуцик.

Квартиру эту получил мой дед, когда они с бабушкой только поженились. Там родилась моя мама, вышла замуж за папу, схоронила его, а потом и сама умерла от горя, когда мне было четыре года. У бабушки осталась только я. Дед еще в молодости подался на Север на заработки, да так и остался там. Говорят, у него даже семья есть, если, конечно, он сам еще жив. Я его видела только на фотографии.

Я подошла к дому, не чувствуя пальцев ног. Нужно было обувать зимние сапоги, а не эти на тонкой подошве. «Все бы тебе форсить!» — как ни скажет бабушка.

Странно, свет на кухне не горит. Обычно в это время бабуля стряпает и ждет меня. Нехорошие предчувствия кольнули душу, когда я не уловила запаха готовящейся еды возле двери. Только бы с бабулей все было в порядке, твердила я, отпирая замок дрожащими пальцами.

Телевизор не работал — в квартире стояла могильная тишина. Паника накатывала волнами, заставляя руки трусливо дрожать. Хотелось закричать, позвать бабулю, но я боялась, что вопль повиснет в пустоте и останется без ответа. Наконец я справилась с молнией на сапогах, отшвырнула их в сторону и, не раздеваясь, побежала в спальню.

Бабушка лежала в кровати, до подбородка укрытая одеялом. Лицо ее пылало, и с губ срывалось хриплое дыхание.

— Что случилось?

Ноги мои словно приросли к полу. Вдруг стало так страшно — что если она сейчас умрет?

— Заболела я, Женечка, кажись. Совсем худо...

Ну конечно! В этот момент я готова была растерзать себя или запытать до смерти. Видела же, что ей нездоровится, кашляет несколько дней и на слабость жалуется. А я, эгоистка, не придавала этому значения, думала само пройдет.

На негнущихся ногах я подошла к кровати и пощупала ее лоб.

— Господи, да ты же огненная! Температура высоченная!

— Дышать больно...

Только тут я заметила, что губы у бабули синевато-фиолетовые. Такого же цвета тень, только светлее, залегла вокруг губ.

— Нужно звонить в скорую...

Я побежала в коридор за телефоном. Бабуля пыталась протестовать, но я ее не слушала. Ставшими вдруг ватными пальцами набирала номер скорой. Никогда раньше не видела свою горячо любимую бабушку в таком состоянии. Если с ней что-нибудь случится, я останусь совсем одна. Даже представить себе не могла, как буду жить без нее. Она — это все что у меня есть. Сейчас мне казалось, что не станет ее, перестану существовать и я.

Минуты, что превратились в вечность, пока ехала скорая, я сидела возле бабушки, как была — в пальто, и держала ее горячую руку. Говорить я ей запретила, боялась, что не смогу отвечать спокойно, прорвется та паника, что переполняла меня. Едва сдерживала слезы, так мне было ее жалко.

Первое, что сделала врач скорой помощи — вколол ей какой-то укол.

— Похоже на воспаление легких, — заключила она, прослушав бабушку. — Госпитализируем, — кивнула санитарам.

Я даже сообразить ничего не успела, как в комнате появились носилки. Два санитары переложили на них бабушку. Домашнее одеяло осталось на кровати, а ее накрыли больничным. Я только и успела, что подоткнуть одеяло со всех сторон, как бабушку уже выносили из квартиры.

— А можно мне с вами?

— Не нужно! — сказала, как отрезала, врач. — Сегодня мы поместим вашу бабушку в реанимацию. Понаблюдаем... Бог даст, сможете навестить ее завтра.

И я осталась одна в пустой квартире. По-моему впервые за всю мою сознательную жизнь. Никогда до этого бабуля не лежала в больнице, не выходила из дома дольше, чем на пару часов, не бросала меня...

Минут пять я стояла в коридоре, глядя на кухонное окно. Голые раскидистые ветки черемухи били по стеклу под шквалом ветра. В темноте они казались костлявыми лапами чудовища. Холодок пробежал по спине. Одинокая струйка скатилась меж лопаток. Только тут я сообразила, что до сих пор в пальто.

Страшно поворачиваться к врагу спиной. А черемуха за окном казалось именно такой — чудовищем, что только и выжидает время, чтобы напасть на меня. Впереди чернеют не менее жуткие проемы в зал и спальню. Дверей у нас никогда не было. Дом

спроектирован так, что коридор плавно перетекает в кухню. Из него же через арки проходишь в зал и бабушкину спальню. Есть еще одна комнатка, которая считается моей. В нее попадаешь уже из зала через такую же небольшую арку. И раньше я никогда не задумывалась, хорошо или плохо отсутствие дверей. А сейчас за пределами коридора, в темных углах, мне чудились монстры, что покинули столетние норы и поджидают меня — невинную жертву.

От страха я покрылась липким потом и чувствовала себя больной. Каждый шаг давался с трудом. Умом понимала, что нахожусь дома — в самом безопасном месте, где все знакомо и привычно с детства, но что-то случилось с моей психикой, вдруг сделав ее неустойчивой. Одна мысль сверлила мозг — случись что с бабушкой, я останусь совсем одна.

К тому моменту, как я добралась до шкафа, свет уже горел в кухне, зале и бабушкиной спальне. Страх немного отступил, и я смогла раздеться. Не успела я подумать, чем же занять себя, чтобы отвлечься от грустных мыслей, как раздался громкий стук в дверь. Вторил ему голос подруги детства, живущей подо мной, Наташи:

— Женька, открой! Ты вызывала скорую? Что случилось? — спросила она, вбегая в квартиру.

— Бабушка заболела.

— Что-то серьезное? Ее увезли?

— Говорят, воспаление легких. Мне не разрешили поехать...

Тут я почувствовала, как предательские слезы застилают глаза. Отвернувшись и пошла в комнату, предоставив Наташу самой себе.

— Эй, ты чего? — опустилась она рядом со мной на старый скрипучий диван. — Воспаление легких — не конец света. Вылечат...

— А возраст? — шмыгнула я.

— Да у тебя бабуля еще совсем не старая. Сколько ей — шестьдесят?

— Шестьдесят пять.

— Все равно еще не старая и довольно крепкая. Поправится. Завтра вместе навестим ее.

Наташа обняла меня за плечи и ждала, пока я успокоюсь. Хорошая она, верная. Мы дружим с самого рождения. Вместе ходили в ясли, потом детский сад. Потом одиннадцать лет в школе. В прошлом году она поступила в политех на строительный факультет, а я пошла работать, чтобы помочь бабушке. Учиться решила заочно, только не определилась пока, кем бы хотела стать.

Нас с Наташей еще здорово сближало то, что обе мы считали себя сиротами. Она жила с отцом. Мать ее давным-давно погибла — ее сбила машина прямо возле нашего дома. Отец Наташи почти все время пропадал на работе. Поэтому у нас она бывала чаще, чем дома, и я по праву считала ее членом нашей семьи.

— Ты ужинала? — спросила Наташа, когда поток моих слез иссяк.

Я помотала головой.

— Тогда пошли... буду кормить тебя.

Наташа по-хозяйски доставала из холодильника масло, колбасу, сыр... Я с тоской наблюдала за ней и думала, что ни разу еще не было такой пятницы. Обычно бабуля меня ждала с чем-то вкусненьким — или беляшей моих любимых нажарит, или драников натрет... А иногда она по пятницам закатывала настоящий пир — пекла пироги с разными начинками, а потом мы с ней вместе пили чай с пирогами и говорили много-много, обо всем. От бабушки у меня не было секретов, она — мой самый любимый человек и лучшая подруга.

— Тут пельмени есть, будешь? — спросила Наташа, выныривая из холодильника.

Я, хоть и знала, что нужно поесть, но аппетита не было. Поэтому от пельменей отказалась.

— А я поем, можно? Бабуля твоя их мастерски лепит...

Засиделись мы допоздна. Наташа рассказывала о своем новом ухажере и как у них все хорошо. У нее вообще талант знакомиться с парнями. И все они в нее влюбляются. Правда, она через какое-то время начинает находить в них недостатки. Поэтому романы ее не длятся долго. Пару месяцев и смена кавалера. Наверное, когда-нибудь она встретит своего принца и будет жить с ним долго и счастливо. А пока ищет...

У меня все не так. В девятом классе мне предложил встречаться Сергей Банчев — рослый мускулистый парень. Мы даже несколько раз в кино сходили, и целоваться он лез настойчиво. А через какое-то время я увидела его с Лидкой Вертинской — первой красавицей нашего класса. В одиннадцатом классе я познакомилась с первокурсником нашего политеха. Вроде как у нас закрутился настоящий роман. Но студент оказался таким нудным и жадным, что роман не продлился и двух месяцев. Я просто решила, что без него мне интереснее, чем с ним. А сейчас мне и некогда крутить амуры — работа отнимает много времени. А может, я тоже жду своего принца, а пока наслаждаюсь свободой.

Проводив Наташу, я постелила себе на диване в зале, включила телевизор и забралась под одеяло. Паника, наконец,

отступила, спасибо Наташе. Я поняла, что не все так страшно, как мне кажется. Бабушка обязательно поправится, и заживем мы как раньше, а то и лучше. И нечего придаваться мрачным мыслям и накручивать себя.

Только сон вот не шел. Обычно я люблю засыпать под телевизор. И в пятницу меня смаривает быстрее всего. А тут ни в одном глазу.

Я ворочалась с боку на бок. Телевизор выключался несколько раз. Через время снова включала и ставила на выключение. Но заснуть не могла.

Почему-то вспомнилось детство и любимая кукла, с которой я практически не расставалась — и купалась, и ела с ней, и каждый вечер клала ее с собой в постель. А где она, эта кукла сейчас? Наверное, в бабушкином сундуке — больше ей негде быть.

Прямо возле входной двери в нашей квартире имелась просторная ниша, которую занимал старинный бабушкин сундук. Она туда складывала лоскуты ткани, старые вещи, которые выкинуть жалко. Там же хранились мои игрушки. В детстве мы с Наташей обожали играть на этом сундуке. Ниша отгораживалась от коридора занавесками, и нас там никто не видел. Мы наряжали кукол в бабушкины лоскуты и просиживали там целыми днями.

Сейчас мне сундук и ниша не казались такими большими, как в детстве. Да и лоскуты ткани не выглядели по-королевски красивыми. Но запах неизменно рождал воспоминания о тех счастливых и беззаботных днях.

Я распахнула сундук, забралась в него и принялась искать свою любимую куклу, аккуратно перекладывая вещи. Маленькая бархатная коробочка сразу привлекла мое внимание. Раньше я ее здесь не видела. Внутри была брошка. Я сразу поняла, что она очень старинная и, наверное, жутко дорогая. Хотя я и не разбираюсь в камнях и драгоценных металлах, но не сомневалась, что брошь сделана из золота и усыпана не цветными стеклышками или самоцветами. Крепление у броши было сломанное — ушко, куда должна входить игла, отсутствовало. Интересно все-таки, откуда она тут взялась. Про куклу я забыла, а брошь взяла с собой и положила в сумочку. Решила, что покажу ее завтра бабушке и расспрошу.

В тот вечер никакое шестое чувство мне даже не намекнуло, что с появлением этой броши изменится вся моя жизнь. Но именно тогда все и началось.

Глава 2

Мы прятались в тальнике. Это было нашим местом. Ветки ивы скрывали нас со всех сторон от посторонних глаз. Озеро заросло камышом и больше напоминало болото, поэтому редко кто забредал сюда. А мы любили тут бывать.

— Я завтра еду на ярмарку, в город, — сказал Иван, прижимая меня к себе и целуя в макушку.

По коже пробежали мурашки, а в сердце закралась грусть.

— Надолго?

— С неделю пробуду там.

— Так долго...

— Не печалься, мое сокровище. — Иван поцеловал меня в щеку, стирая след от одинокой слезы. — Отец приболел, так бы он поехал. Значит, нужно мне, больше никому. Вот вернусь и зашлю сватов.

— Остановишься у дядьки?

— А то ж. Чать, не чужой. Примет.

Иван взял меня за руки и заглянул в глаза. Какие же они у него темные, почти черные. Смотришь в них и боишься, словно в омут засасывает. А когда он злится, глаза становятся словно у зверя дикого — горят, того и гляди искры посыплются.

— Вер, ты мне так и не ответила — хочешь ли моей стать?

Хочу ли я? Да вот уже полгода, как я ни о чем больше и мечтать-то не могу. Все мысли заняты тобой, Ваня. Как приехал ты к нам в деревню, увидела тебя впервые, так и потеряла покой. Грежу тобой, ночами ты мне снишься.

— Вань, давай потом поговорим... Вот вернешься и поговорим. Мне домой надо, мать злиться будет.

Я убежала, пока он не сказал что-нибудь. Не хотела видеть обиду на его лице.

— Где тебя носит, деваха ты бестолковая? — встретила меня мать словами.

Она колготилась на кухне, обед готовила. Щи уже томились в остывающей печи. Жара стояла невыносимая. Мать покраснелась, пот струился по шее и голым плечам. Сегодня был хлебный день. Она встала в три утра, чтобы замесить тесто и напечь хлеба на неделю. Печь чаще летом не представлялось возможным, дом нагревался, как сковородка на углях, дышать становилось нечем. Была бы воля батца, заставлял бы он мать напекать хлеба на две недели впрок. Только не выдерживал он так долго — портился. Тогда бы батя убил мать за расточительство.

— На речку бегала испугнуться, — ответила я и уже хотела

было прошмыгнуть мимо нее.

— А ну стой! — прикрикнула мать, вытирая лицо фартуком и из-под бровей глядя на меня. — Опять со своим цыганом виделась?

— Он не цыган.

— Ишь, засопела, — буркнула мать, стараясь говорить тише, как бы батя не услышал. Он хоть и отсиживался в сарае, но все равно не далеко, может услышать. Тогда, не миновать беды. — Черный он, как смоль, вылитый цыган. Не пара он тебе, уясни уже. Не пара. Зачем время на него тратишь, коль не бывать вам вместе?

Что я могла ответить? Что люблю его больше жизни? Что минута без него равняется часу? Мать не поймет, а батя и вовсе пришибет.

Немцы мы, чистокровные. Немца мне и в женихи следовало выбирать. К тому же зажиточные у меня мать с отцом, а я у них единственная дочь. Они уже и Григория, урожденного Ганса, присмотрели мне в соседней деревне. Рябого, худого... но зато богатого и тоже чистокровного.

— Делом займись! — зло зыркнула мать. — Спозаранку корыто замочила. Поди, все скисло...

Я и забыла, что собиралась белье стирать. Как услышала Ванькин позывной — свист, так и умчалась на крыльях любви.

Мыло загустело, белье покрылось склизким киселем. Поборов отвращение начала выуживать его из корыта, стараясь не думать, как же это противно. Мысли витали далеко. Ваня, Ваня, что же нам делать? Не бывать нам вместе, не позволят родители. Не смотреть мне в твои черные очи и не целовать шелковистые кудри.

* * *

Проснулась я, когда на улице уже полностью рассвело. Сидя в кровати, пыталась осознать, что же не так. Почему не покидает чувство, что я изменилась?

Выспалась я, как никогда. И аппетит разыгрался нешуточный. Налила себе кофе и соорудила неприличных размеров бутерброд с колбасой. Сейчас позавтракаю и отправлюсь к бабуле.

Наташа пришла, как и обещала.

— Встала? — заголосила она с порога. — Вот и отлично! А то думала, будить тебя придется.

По выходным я любила поваляться в постели. Могла даже затащить с этим делом. Тогда бабушка ворчала, что все нормальные люди уже обедают, а я только завтракаю. Но, не виновата же я в том, что сова. Для меня в будние дни вставать в

половине седьмого было настоящим испытанием. И я склонялась к мысли, что привыкнуть к этому невозможно.

Наташка же, напротив, была жаворонком. И частенько, когда мы с ней планировали что-нибудь на утро выходного, не срывалось задуманное только благодаря ей.

Оставив вещи в гардеробе приемного покоя и купив там же бахилы, мы поднялись на четвертый этаж. Медсестра на посту равнодушно поинтересовалась, к кому мы, и сообщила, что бабушку перевели из реанимации в палату интенсивной терапии. Я так обрадовалась, что опять едва не прослезилась.

— Неудобно, приперлись с пустыми руками, — сокрушалась Наташа, на пути к палате.

— Мы же не знаем, что ей можно. Сейчас разведем, а потом я наготовлю и принесу.

Я знала точно, что бабушка поймет правильно и не обидится.

Палата была двухместной. Наверное потому, что интенсивной терапии. В тринадцать лет я целых три дня лежала в больнице с подозрением на аппендицит. Воспоминания сохранились кошмарные. Ряды коек с панцирными сетками, между которыми вдвоем не разминуться. Нестихающий шум, детский плач, духота... Я думала, что везде так. А тут тишина, стерильная чистота... В общем, я была приятно удивлена.

Бабуля казалась такой бледной и хрупкой на огромной кровати с поднимающимся верхом, что я почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы. Но когда увидела улыбку на ее лице и что-то похожее на румянец, успокоилась. Вечно я все драматизирую.

— Баб Маша, ну вы нашли время болеть!

— Тише ты, оглашенная! — шикнула на Наташу бабуля, кивая на соседнюю кровать. Впрочем, поздно. Девушка — соседка уже проснулась и сонно таращила на нас.

— Ой, простите, — без тени раскаяния в голосе проговорила Наташа и бодро затопала к единственному в палате стулу.

Мне ничего не оставалось, как присесть на краешек кровати.

— Как ты? — спросила я, с опаской поглядывая на тоненький проводок капельницы, тянувшийся от бабулиной руки к штативу.

— Гораздо лучше, температуру сбили. Вот, капают все время... — Бабуля улыбнулась, и у меня на душе сразу потеплело. — Я бы хоть сегодня отсюда сбежала, да врачи говорят, что лечить будут неделю.

— Чего это ты придумала? Лечись, сколько положено.

— Ты ж там совсем одна.

— И мне не десять лет, — погладила я морщинистую руку.

— Я за ней пригляжу, баб Маш, — хохотнула Наташа из

своего угла. — Баловаться не разрешу.

— А за тобой-то кто приглядит?

— Да, все нормально, баб Маш, справимся, — успокоила ее Наташа. — И вам тут скучать не дадим.

— Что тебе принести? Кормят нормально? — снова спросила я.

— Да, ты знаешь, — встрепенулась бабушка. — На завтрак давали очень даже приличную запеканку и какао. У меня даже аппетит разыгрался. Так что, ничего не нужно.

— Ладно, сами разберемся, — кивнула я. — Бабуль, я тут вещицу одну нашла...

И достала из сумки коробочку с брошью.

— Не знаешь, что это? И главное, откуда?..

— Ничего себе, красотища! — материализовалась за спиной Наташа.

Лицо бабули вытянулось от удивления. Казалось, она не верит своим глазам.

— Где ты это взяла?

— Нашла в твоём сундуке.

— Что, вот так спокойненько она там лежала?

— Ну, в общем-то, да... Я вчера искала куклу, ту мулатку, помнишь? Ну, и наткнулась на эту брошку.

Бабуля молчала какое-то время. Она взяла брошь и разглядывала ее, аккуратно поглаживая граненую поверхность камней. Мы с Наташей не нарушали повисшую тишину, даже девушка на соседней койке, казалось, боится пошевелиться, искоса поглядывая в нашу сторону.

— Словно вестник прошлого, — проговорила наконец бабушка.

— Это твоя брошь? — рискнула спросить я.

— Наша, семейная, — все так же задумчиво ответила она. — И давно потерянная. Вот уж не гадала, что найдется когда-нибудь...

— Баб Маш, расскажите, интересно же, — заканючила Наташа.

Бабуля очнулась и посмотрела на нас отчего-то повлажневшими глазами. И столько в них было грусти, словно картины прошлого, что промелькнули сейчас в ее памяти, были безрадостными, трагичными. Ее грусть передалась мне. И даже Наташа принялась смущенно рыться в сумке, проникаясь общим настроением.

— Можно сказать, что эта брошь — семейная реликвия, — вновь заговорила бабушка. — Сколько себя помню, она все время была у нас. Пока не потерялась во время переезда. Где мы только

ее не искали... а она, оказывается, все время преспокойно лежала в сундуке.

— Переезда? Это ж сколько лет она считалась потерянной?

Я подсчитала в уме. Получалось больше сорока лет, потому что последний переезд был в ту квартиру, где мы сейчас живем. Бабуле тогда едва исполнилось двадцать. Она только вышла замуж, и молодой семье выделили отдельное жилье.

— Мама еще была жива. Она и отдала мне эту брошь, а я ее потеряла. По крайней мере, я так считала все эти годы. А она... ну надо же!

Бабуля протянула мне коробочку:

— Положи ее куда-нибудь, раз уж нашлась.

Как-то все было странно. Не заметила я радости в бабушкиных глазах от находки давно потерянной и дорогой сердцу вещи.

На обратном пути Наташа спросила:

— Не хочешь отнести брошь в ювелирку? Починить застёжку?

— А зачем? Можно подумать ее кто-то будет носить. Она, конечно, красивая. Но как-то слишком... Да и страшно таким себя украшать, согласись.

— Дорогушая, наверное, — размышляла Наташа. — Интересно, сколько бабок можно за нее получить?

Почему-то думать об этом не хотелось. Из головы не шло бабушкино поведение. Какая-то странная реакция. Вроде должна радоваться находке, а такое впечатление, что бабушка даже расстроилась. О чем она думала, когда рассматривала брошь? Нужно будет расспросить поподробнее.

Дома я долго думала, куда бы положить вновь обретенную брошь. Решила не мудрствовать лукаво и спрятала коробочку в сахарнице от немецкого чайного сервиза. Он был такой тонкой работы и тоже достался бабушке от матери в качестве приданного, что служил для украшения — стоял в серванте. Во время генеральной уборки с него стиралась пыль, и он снова занимал свое почетное место. Я решила, что раритету самое то находиться в себе подобном.

Глава 3

К концу недели выпал снег. Да сразу так много, что стараниями дворников образовались сугробы. Редко когда зима ложится за одну ночь. Обычно, как преддверие ее, промозглый слякотный период, который я терпеть не могла. Вроде бы и снег идет, но температура не достаточно низкая, чтобы он не таял. Приходится обувать резиновые сапоги, чтобы не ходить с мокрыми ногами. И длится это не один день. В этом году природа преподнесла мне сюрприз. И, хоть огородники говорят, что для урожая плохо, когда снег ложится на сухую землю, я была этому рада.

На работе началась запарка. С ноября торговым агентам резко увеличивали планы. Заявок сыпалось столько, что каждый день приходилось задерживаться. По прошлому году помнила, что закончится это только ближе к апрелю, после всех праздников. Оставалось запастись терпением и трудиться, трудиться...

В пятницу после работы я пошла напрямиком в больницу. Лечащий врач накануне сообщил, что продержит бабулю еще не меньше недели. Нужно было подпитать ее сердце, которое оказалось не такое крепкое, как мы думали. И узнали-то об этом, когда ей сделали кардиограмму. Как говорится, нет худа без добра — не попади бабуля в больницу, вряд ли бы прошла обследование. А там ей проверили все. Врач, конечно, успокоил меня, сказал, что для своего возраста она достаточно крепкая. Но с сердцем посоветовал не шутить и периодически проверяться.

От бабули я возвращалась поздно. Выйдя из больницы, остановилась на крыльце зачарованная. Показалось, что попала в сказку — снег валил крупными хлопьями в абсолютном безветрии. Он переливался в свете фонарей и приятно хрустел под ногами. Захотелось насладиться этим подольше, и я решила пройти пешком.

Магазины еще работали. Во многих уже по-новогоднему украсили витрины. Яркая мишура, гирлянды и елочные игрушки создавали атмосферу праздника, хоть до него еще и далеко. Как же я любила начало зимы! Когда снег еще девственно белый, морозы не успели стать трескучими, а ветры не гнали пургу. Я вспомнила, как в детстве мы с Наташкой делали ангелов на снегу. Ложились на спину и разводили в стороны ногами и руками. Оставался след, похожий на ангела. Представляю, что бы обо мне сейчас подумали, проделай я такое. Я рассмеялась подобным мыслям и тут же стала, как вкопанная, услышав рядом визг

тормозов.

— Ты в своем уме?! Прешься через дорогу и по сторонам не смотришь! — услышала я грубый мужской голос, а потом и увидела его обладателя.

Парень выскочил из машины, громко хлопнув дверцей, и подлетел ко мне.

— Суицидница что ли? — проорал он мне в лицо.

Вообще-то, я очень аккуратно перехожу дорогу. Как-то в детстве меня чуть не сбила машина, когда я вышла из троллейбуса и обходила его спереди, а не как положено сзади. С тех пор я не теряю бдительности и даже немного побаиваюсь проезжей части. Поэтому была не меньше шокирована собственной беспечностью.

— Ты немая что ли? — не унимался парень. — Я же мог сбить тебя!

— Но не сбили же, — только и нашлась я, все еще находясь в состоянии легкого шока.

— Точно дура... Врезать бы тебе как следует. Не была бы бабой, так и сделал бы...

Терпеть не могу, когда на меня орут, а тем более оскорбляют. Говорят, я обладаю редким тембром голоса. В спокойном состоянии он у меня невыразительный, глуховатый. Но в моменты эмоционального накала, я могу говорить очень громко и отчетливо.

— Не надо на меня орать. Я не глухая и не суицидница. Просто задумалась. Я напугана не меньше вас, неужели не заметно? А вы ведете себя, как дикий бабуин, разве что с кулаками на меня не бросаетесь, — все это я выпалила на одном дыхании. Даже жарко стало от возмущения.

Парень потерял дар речи на долю секунды. Впрочем, этого хватило, чтобы он перестал орать.

— Садись, подвезу, — уже спокойно сказал он, кивая на машину.

— Спасибо, я пешком.

— Садись, кому говорят, иначе, точно кого-нибудь до тюрьмы доведешь сегодня.

Наверное, порция адреналина, что я хапнула, оказалась великоватой. Я вдруг поняла, насколько устала, замерзла и хочу спать. Салон машины манил теплом. Спорить хотелось все меньше — до дома оставалось приличное расстояние, и автобуса неизвестно сколько ждать в это время. Пусть предложение этого грубияна и не очень галантное, но точно своевременное.

— Куда едем? — спросил парень, заводя машину.

Я назвала адрес, а сама украдкой его рассматривала.

Конечно, с бабуином я перемудрила, но что-то от обезьяны в его внешности все равно было. Скорее от гориллы. Наверное, широкоплечая коренастая фигура и глубоко посаженные серые глаза рождали подобное сравнение. Хотя, надо признаться, что выглядел он довольно симпатично. И мощная энергетика, исходящая от него, внушала спокойствие. А еще, приглядевшись, я поняла, что он уже далеко не юноша. Возраст его я бы оценила ближе к тридцати.

— Как тебя зовут? — вновь заговорил парень.

— Женя.

— А меня Захар.

— Не назвала бы наше знакомство приятным, — буркнула я, все еще не в силах побороть обиду на его грубость.

— Да уж, — усмехнулся он. — Красотки еще ко мне под колеса не бросались.

За красотку спасибо, конечно. Первое приятное слово за последние полчаса, пусть и грубовато высказанное.

— Ты чем занимаешься? Работаешь, учишься?

Зачем ему это знать, если, скорее всего, мы больше никогда не увидимся? Нездоровое любопытство?

— Работаю. А ты?

— Я ювелир — золотых дел мастер, — насмешливо произнес Захар.

Не удержалась и бросила на него любопытный взгляд. Вот уж не такими представляла себе ювелиров. Какими, не знаю, но точно более утонченными и деликатными. Этот же больше смахивал на тренера по какой-нибудь вольной борьбе.

— Не похож? — правильно прочитал он мои мысли.

— Не очень...

Ответ мой остался без комментариев.

Вскоре он остановился у моего дома. Я уже собиралась поблагодарить и удалиться, когда он снова спросил:

— А правда, что в этих домах стены картонные?

Я поняла, о чем он говорит. Не знаю, из чего сделаны стены в нашем доме, но если постучать по ним, то звук получается, словно стучишь по картону. Мне это даже нравилось. И точно стены выполнены из чего-то теплоудерживающего, потому что зимой у нас было очень тепло, а летом достаточно прохладно. Но объяснять все это новому знакомому я не собиралась, поэтому ограничилась вежливым:

— Не знаю.

Поблагодарив его и пожелав всего хорошего, я отправилась домой.

Мать чесала мне волосы и приговаривала:

— Какая же ты у меня ладная получилась! Вон глазищи-то — как два синих озера. А губы, словно сочные ягоды. И щеки...

— Мама, перестаньте! — перебила я. — Зачем вы все это говорите?!

— Как зачем? Положено так — на смотрины тебя обряжаю.

Издевается она что ли? Ну, точно! И голосок такой елейный. Мол, ты хоть обрыдайся тут и исстрадайся, а замуж я тебя все равно отдам за того, кого выбрали тебе.

Еле сдерживалась, когда мать сплетала волосы в тугую косу. И не потому что больно... Сердце кровью обливалось. Ваня, Ваня, пока ты там на ярмарке своей, меня готовят к позору — оглядывать будут со всех сторон, словно кобылу племенную. Все уже будет решено к твоему возвращению-то.

— Надевай сарафан, да платок не забудь повязать, — мать положила гребень и с довольной улыбкой рассматривала мою прическу. — Красотища!

Она уже ушла, а я все никак не могла заставить себя встать. Григорий с родителями вот-вот заявятся, а я в одной сорочке еще.

Сарафан мне мать выбрала голубой с выбитыми на нем золотыми цветами и косынку золотую — в тон.

— Этот цвет идет к твоим глазам. Они начинают сверкать, словно сапфиры, не раз приговаривала мать.

Она и ленты мне вплела в косы золотые. Примерно так я и чувствовала себя сейчас — как драгоценный камень в богатой огранке. Вот меня выкладывают перед купцом и ждут, когда назначат хорошую цену.

— Пора, гости ждут! — вбежала мать. — Вера, ну в гроб же краше кладут! Ну-ка щеки пощипай!

Не дожидаясь, когда яотреагирую, она больно ущипнула меня за обе щеки, так что они загорели, словно меня отхлестали как следует. А потом схватила за руку и потащила из комнаты.

— Глаза опусти долу, бестыжие они у тебя, — велела мать.

Первым бросился в глаза Гриша. Ну, почему он всегда так смотрит? Словно и не видит ничего вокруг? Лицо все сплошь рябое, нос великоват, а губы тонковаты... Совершенно ты некрасивый, Григорий. Но, какие же добрые у тебя глаза! Добрые и наивные, как у малого дитя. Почему-то всегда в душе рождалась жалость, глядя на него. Становилось стыдно, что он ко мне с чистыми помыслами, а я люблю другого, хоть и не бывает нам вместе.

То ли дело его родители. Осматривают, прицениваются, словно на базаре. И лица такие подозрительные, точно товар им

бракованный подсунуть хотя бы. От возмущения и стыда меня начало подташнивать.

— Пройдись, красавица, чтобы мы тебя как следует рассмотрели. Да платокними — покажи косу...

Не похож Гриша на своего отца, который командовал сейчас, что делать мне. Здоровенный такой рыжий мужик, с густой бородой и усами. Сын, видать, в мать пошел — такой же бесцветный и забитый.

Я посмотрела на своего папу. Развалился на лавке, довольный. Неужели до такой степени мечтает сбыть с рук свою единственную дочь? Мать ладно, боится, что в девках засижусь, все-таки семнадцать годков уже стукнуло. Но папаша-то...

Кажется позор мой подошел к концу, потому что отец Григория довольно потер руки и крикнул зычным басом:

— Неси, хозяйка, мед! Праздновать будем...

Надежды, что Гриша пригубит кружку и отставит, не было. Руки его дрожали, а мед стекал по подбородку, когда он торопливо его заглатывал. Он не остановился, пока кружка не опустела, а потом демонстративно перевернул ее вверх дном.

— Ждите сватов, хозяева, — снова заговорил отец Григория. — Думаю, через недельку...

— А сейчас отведайте нашего угощения, не побрезгуйте. — Мать пригласила гостей к столу.

Меня посадили рядом с Григорием. Я видела его тонкие, беспокойные пальцы, чувствовала, как он норовит прижаться ко мне плечом, и не могла побороть отвращение. Господи, дай мне силы пройти через это достойно!

* * *

В субботу потеплело. И сразу же началась весна — с крыш активно капало, потекли ручьи, и даже птицы защелкали радостно и по-весеннему. Не хватало только солнышка, которое захватили в плен темные осенние тучи. Не успела я подумать, что надо бы сходить в магазин, чтобы пополнить съестные припасы, как поднялся сильный ветер и повалил мокрый снег. Облом, так облом. Идти куда-нибудь сразу же расхотелось. Как представила себе все это мокрое великолепие, как оно будет облеплять мне лицо и таять, стекая неровными струйками за воротник пальто, так сразу же почувствовала болезненный озноб. Обойдусь, значит, тем, что осталось в холодильнике.

Бабуля мне строго настрого запретила в выходные приходить к ней в больницу. Велела отдыхать и даже грозила, что обидится,

если я ослушаюсь. А раз так, то имею полное право бездельничать. Даже диван решила не убирать — останусь в пижамах и буду валяться перед телевизором.

Ближе к обеду, когда за просмотром скучного реалити шоу меня уже почти сморил сон, в дверь позвонили. С мыслью, что пришла Наташка, отдохнешь тут, как же, поплелась открывать дверь. Каково же было мое удивление, когда предо мной предстал вчерашний знакомый — Захар.

— Симпатичная пижама, — разулыбался он, стряхивая с куртки снег.

— Ой! — метнулась я в комнату.

Как можно быть настолько беспечной — открывать дверь, забыв, что на тебе пижама в зайцах. Хотя, что тут странного, мужчины к нам с бабушкой ходят редко. Вернее, не считая отца Наташи и деда Васи — соседа снизу, они не ходят к нам совсем. Мы даже дверь с бабулей частенько забываем запирать.

Занятая мыслью, что бы надеть на себя поприличнее, и не придумав ничего лучше махрового халата, я совершенно забыла про элементарную вежливость. Впрочем, гость мой не растерялся — мало того, что зашел в квартиру, так и еще решительно направился в комнату — именно ту, где я решила проваляться всю субботу.

Возмущению моему не было предела, когда я, выйдя из ванной, обнаружила его посреди комнаты, увлеченного разглядыванием моих разбросанных по креслу вещей и разобранный кровати, с остатками еды на подносе.

— Голливуд отдыхает, — ухмыльнулся Захар, посмотрев ни куда-нибудь, а на торчащие из-под халата штанины пижамы в зайцах, будь они неладны.

— Пошли на кухню, — приказала я и, не дожидаясь, первая вышла из комнаты.

Меня распирала злость. По-хорошему, указать бы ему на дверь, да посоветовать выучить правила поведения в гостях. Но не хватало смелости. А вдруг он маньяк какой и ничего лучше не придумает, как зарезать меня в моей же квартире. Эта мысль рассмешила — вовремя же сработало чувство самосохранения.

— Чаю, кофе?.. — предложила я, когда гость, опять же по-хозяйски, расположился на бабушкином стуле.

— Я бы перекусил чего-нибудь, пожалуй. С утра мотаюсь по делам, жутко проголодался.

Наверное, у меня отвисла челюсть, раз он так развеселился, что сидел лыбился, не скрываясь. Вот это наглость! Он сюда поесть пришел, что ли?

— Холодильник у меня пустой, и желания готовить нет, — я

решительно села на стул за противоположным концом стола и закинула ногу на ногу.

— Что, совсем пустой? — удивился он. — Может, тогда, картошечки пожаришь?

— Пусть тебе жена жарит картошечку, — передразнила я.

— Жарила бы, если бы имелась...

— Твои проблемы!

Всем своим видом я пыталась изобразить недовольство, показать, что он мне в тягость, настроить его на мысль как можно скорее убраться восвояси. Очень неудобно было сидеть перед ним в халате. Кроме того, становилось жутко жарко. Я почувствовала, как лицо начинает пылать.

— Грубятина, — совершенно не обиделся он, судя по тону. — Тогда, собирайся...

— Что?

— Собирайся, говорю. Поехали куда-нибудь, поедим.

— Вот еще! Я не голодна.

— Я голоден. Составишь мне компанию.

Странный он какой-то. Другой бы на его месте и не вспомнил обо мне на следующий день, а этот, мало того, что не забыл вчерашнюю встречу, так еще и запомнил адрес, приперся и качает права.

Может, нужно было ему заплатить вчера, — осенила меня внезапная мысль. Я поспешила ее озвучить, недолго думая.

— По-твоему, я пришел требовать плату за проезд? — лицо Захара стало пугающе серьезным. Глаза потемнели и смотрели угрожающе.

— А что?..

Я уже поняла, что сморозила глупость, но признаваться в этом не собиралась. Потому что вообще-то я терялась в догадках, зачем ему понадобилась. Хоть убейте меня, в любовь с первого взгляда не верила, никто и никогда в меня так не влюблялся.

— По-твоему, я нуждаюсь в деньгах? — снова спросил он, не меняя выражения лица. Впрочем, к серьезности добавилась толика презрительности, что здорово меня задело.

— По-моему, ты вообще никто и звать тебя никак. А еще ты самый наглый тип, с которыми мне только приходилось встречаться.

Я просто мечтала, чтобы он поскорее убрался. Никуда идти с ним не собиралась. Пот струился по мне, и от жары начинала раскалываться голова. Я уже не понимала, что говорю, и мне было плевать на то, каким тоном я это делаю.

Кажется, он, наконец-то, понял. Решительно встал из-за стола и направился в коридор. Вот и слава богу! И то, что не посмотрел

на меня, даже хорошо. И вообще, меня не волнуют всякие там грубияны, врывающиеся без приглашения и требующие, чтобы их накормили.

Когда хлопнула входная дверь, я первым делом сняла ненавистный халат и вдохнула полной грудью. А потом мне стало стыдно. Не так меня воспитывала бабушка. Что бы она сказала, знай, как я обошлась с гостем. Подумаешь, явился без приглашения. Что-то же ему от меня было нужно. А я его практически вытолкала за дверь. И не вернешь, уехал уже. В этом я убедилась, выглянув во двор и не обнаружив его машины. У меня даже телефона его нет, и где живет не знаю...

Мучимая угрызениями совести, я вернулась в комнату и посмотрела на разруху, царившую в ней, глазами недавнего гостя. Да уж. Представляю, что он обо мне подумал. Грязнуля! Не мешкая, я принялась за дело, больше, чтобы отвлечься от самокопания, чем из желания стать чистоплотнее. Убрав остатки еды, я застелила постель. Разгребла вещи на кресле. Надо же, даже пальто валялось тут же, а не на вешалке в коридоре, как положено. Достав пылесос, я прошла с ним по всем комнатам. А потом даже вымыла полы.

Через час с уборкой было покончено. Все еще в пижаме, но в чистой квартире, я с удовлетворением распласталась в кресле, чувствуя, как возвращается хорошее настроение, и уходят негативные мысли.

Бабушку выписали, как и обещали, через неделю. И снова мы зажили с ней вместе, как раньше. Разве что за здоровьем бабули теперь я пристально следила — заставляла теплее одеваться и пить таблетки для поддержания сердца, что прописал врач. А она меня снова начала баловать разными вкусностями.

К концу ноября на работе началась настоящая запарка. Я не справлялась, засиживалась допоздна, приходилось брать работу на дом.

Зима уже вовсю хозяйничала в городе. Снега навалило столько, что дворники не успевали его разгрести. По утрам городские власти пускали снегоуборочную технику, чтобы не создавались заторы на проезжей части. Мороз постепенно крепчал, и все говорило о том, что зима в этом году будет суровой.

Как-то я задержалась на работе дольше обычного. Еще и замок на входной двери решил повыпендриваться и никак не закрывался, пока я не предприняла несколько попыток. А потом случилось и вовсе непредвиденное. Кто и, главное, зачем убрал с крыльца резиновую дорожку, так и осталось для меня загадкой. Заметила я это, когда поскользнулась на верхней ступеньке и пересчитала их все пять. Приземлилась вовсе неудачно, подвернув под себя ногу. От боли потемнело в глазах. Я не могла пошевелиться, не то чтобы встать. Каждая попытка высвободить ногу, отдавалась резкой болью.

Как же теперь быть? И как добраться до дома, если я даже пошевелиться не могу? Рядом, по проезжей части проносились автомобили, но ни я их, ни они меня не видели за высокими сугробами. Как назло, улица словно вымерла — ни единого пешехода.

— Сиди, не двигайся. — Голос я услышала раньше, чем увидела, как он вынырнул из-за сугроба — никто иной, как мой недавний знакомый Захар, про которого я успела забыть.

Я бы и рада подвигаться, да не могу. От боли и злости слезы выступили на глазах. Давненько я не ощущала себя настолько беспомощной.

— Встать можешь? — спросил Захар, подходя вплотную.

Я даже посмотреть на него не могла, потому что это значило пошевелиться. Помотала головой, продолжая пялиться на его ботинки.

— Так, давай-ка попробуем... Наверное, будет больно, так что потерпи.

Захар подхватил меня под мышки и потянул вверх. Боль прострелила такой силы, что, кажется, я потеряла сознание. Правда, совсем ненадолго. Как он брал меня на руки, я уже чувствовала, хоть и сквозь призму боли.

В ушах шумело и кажется я стонала, когда Захар меня усаживал на переднее сидение.

— Едем в травпункт...

Мне было все равно, куда ехать, лишь бы поскорее престало болеть. Следующие полчаса я помню смутно. До травпункта было рукой подать, и на машине мы туда домчались минут за пять. Так же на руках Захар меня внес в теплое приемное помещение и аккуратно посадил на диван. Потом он, вроде, с кем-то спорил или ругался, куда-то бегал и привел с собой дядьку в белом халате.

Местами я, все-таки, проваливалась в обморок, потому что только помнила себя на диване, как обнаружила уже без колготок в каком-то кабинете, где мою ногу, по всей видимости, сканировали, ну или делали рентгеновский снимок. Захара, слава богу, рядом не было. Еще не хватало, чтобы он видел меня с задранной юбкой.

— Ну что голубушка, — обратился ко мне врач, которого я не сразу заметила. Он сидел перед монитором и что-то рассматривал, наверное, снимок моей ноги. Кроме него и меня в палате находилась еще медсестра, как я догадалась. Она гремела чем-то за небольшим столиком. — Перелом голени у тебя. Болеть перестало?

Я прислушалась к себе. А ведь и правда, не болит.

— Значит, укол подействовал, — удовлетворенно кивнул врач. — Дома кто-нибудь умеет делать уколы?

Сразу же подумала о Наташе. Даже если она не умеет, научится, как пить дать.

— Первое время будет болеть и нужно колоть обезболивающее, — продолжал врач, а я слушала так внимательно, будто от его слов зависела моя дальнейшая жизнь. — Сейчас наложим гипс, и ходить тебе с ним месяц, голубушка. Столько же будешь сидеть на больничном. А потом еще два месяца будешь делать физпроцедуры, чтобы уж точно поправиться. Повезло еще, что без смещения костей обошлось. Упала ты неудачно уж больно, как рассказал нам твой спаситель...

Целый месяц в гипсе?! До этого я всего раз сильно ушибала локоть. Тогда мне наложили лангетку на неделю. Как же у меня все зудело. Так лангетку можно было хоть снять, а потом опять вернуть на место. А тут гипс... Как же я буду мыться? И смогу ли

я выходить на улицу?

Оказывается, медицина успела шагнуть вперед, и мои теоретические знания явно отставали. Гипс мне наложили не обычный, а косметический, как, смеясь, пояснил врач. В нем можно было купаться. Он не делал ногу намного толще. Конечно, сапоги не поносишь, но в ботинок она явно поместится.

Обработав ногу чем-то резко пахнущим и обернув какой-то пленкой, медсестра принялась ее обматывать чем-то типа эластичного бинта, предварительно вымочив его в каком-то составе.

— Ты только смотри, не пинай никого. Через несколько минут гипс затвердеет и станет как пластик, только очень крепкий. Если по нему сильно ударить, ноге твоей ничего не будет, а вот у ударившего могут быть проблемы, — пояснял врач, наблюдая, как медсестра накладывает гипс. — Через две недели придешь на рентген — посмотрим, как срастается.

В коридор, где ждал меня Захар, я выходила краше не придумаешь — одна нога в сапоге, а вторая — свежезагипсованная по колено и обмотанная марлей внизу, чтобы не замерзла. Зато хоть болеть перестала, но это, как я догадывалась, временно.

— Как ты? — сочувственно поинтересовался Захар, подходя ко мне и обхватывая за талию. — Обопрись, не стесняйся. Наступать на ногу можешь?

— Нормально, жить буду, — буркнула я. От всего случившегося настроение у меня было отвратительное. — Сколько времени?

— Половина десятого.

Какой кошмар! Бабуля, наверное, места себе не находит. Уже, поди, всех обзвонила и на работу сбегала. Я ведь ей даже не позвонила.

— Отвезешь меня домой?

— Нет, тут брошу, — обиделся Захар. — Поехали уже, хватит глупые вопросы задавать.

До машины он меня донес на руках. Всю дорогу до дома я молчала. Злилась на себя — растяпу и судьбу в целом, что преподносит такие неприятные сюрпризы. До самого Нового года теперь просижу дома. Не то чтобы я до такой степени рвалась на работу, но месяц без нее грозил серьезной брешью в бюджете. Только мы с бабулей немного вздохнули, как я закончила школу и пошла работать. До этого влачили жалкое существование на ее пенсию. Правда, она подрабатывала гардеробщицей в местном ТЮЗе, но и там платили копейки. Да и уставала она здорово.

На зарплату оператора, конечно, тоже не пошикуешь, но все

же стало полегче, да и бабуля смогла уволиться. А тут такое, да еще и перед самыми праздниками.

— Не дуйся, могло быть хуже, — заговорил Захар, когда остановился возле моего дома. — Ты в отпуске давно была?

Ни разу, если быть точной. Отработав больше года, я еще не использовала положенные мне дни отпуска.

— Вот и отдохнешь, а заодно подлечишься.

Понимал бы ты чего-нибудь!

— Давай, я сама, — оставила я его реплику об отпуске без комментариев, открыла дверцу и уже хотела выйти из машины.

— Слушай, ну не выпендривайся, а? — Захар схватил меня за руку. — Сиди смирно. Я сейчас...

Он вылез, обошел машину и помог выбраться мне. Потом привычно подхватил на руки и понес в подъезд.

— А батюшки!.. — запричитала бабушка, открыв дверь. — Женечка, что же это?..

— Все нормально, бабуль, — поспешила успокоить я, выдавливая улыбку. — Растяпа я у тебя.

— Да, не разувайтесь, молодой человек! Несите ее на диван.

Бабуля раздела меня, устроила в подушках и укрыла пледом. Сразу так легко и уютно стало на душе. И даже посторонний вид Захара, стоящего тут же рядом и не собирающегося уходить, не смущал.

— Пойду, поставлю чайник, — спохватилась бабуля, когда поняла, что какое-то время мы все неловко молчим и друг на друга смотрим.

Она ушла суесться на кухню. Наверное, болеутоляющее сыграло не последнюю роль, потому что я, сама от себя не ожидая, широко зевнула. Захар очнулся от задумчивости и посмотрел на меня.

— Поздно уже, пора и честь знать, — сказал он.

— Что, и чаю не попьешь?

Ну что я за человек? И почему так взъелась на него? Должна же быть благодарна — не окажись его рядом, не известно, что бы со мной стало. А я туда же — язвлю. Стыдно было и неприятно от собственного поведения, но больше всего на свете я сейчас хотела, чтобы Захар ушел и оставил нас с бабушкой вдвоем. Только с ней я хотела попить горячего чаю и уснуть. А обо всем остальном я лучше подумаю завтра, на более трезвую и менее сонную голову.

— Прогнала гостя, да? — Бабушка смотрела осуждающе, но не строго.

— Бабуль, я так устала, что сил нет.

— Ладно, чего уж там... Просто неудобно перед человеком...

— Нормально.

Сама себя не понимала. Почему меня уже во второй раз, при встрече с Захаром, не покидает мысль, что обиженной должна чувствовать себя я. Неужели срабатывает природная вредность?

* * *

— Ты не можешь выйти за него!.. — кричал Иван.

Ветер гнул деревья до самой земли, поднимая в воздух пыль и сухие листья. На небе собирались грозовые тучи. Все чаще мелькала молния, и резко похолодало. Я куталась в шаль, но ноги словно приросли к земле и не пускали домой.

— Могу, Ваня. Я уже его невеста. Пока ты был в городе, меня сосватали.

— Ты моя! — Иван схватил меня за плечи. Руки его прожигали одежду, но не согревали. Глаза лихорадочно блестели на бледном уставшем лице.

Как же мне было погано! Надо бы оттолкнуть его, уйти, не вселять надежду. Но не могла я... еще хоть немного побыть рядом, поглядеть на такого родного, любимого...

— Пойдем со мной. Вера, ты слышишь меня?

Иван встряхнул меня и заглянул в глаза. Он принялся осыпать поцелуями мое лицо, стирая следы слез, шептать на ухо слова любви, опаяя горячим дыханием. Голова кружилась все сильнее, а в мозгу билась единственная мысль: «Нельзя! Нельзя!..»

Я принялась вырываться, упираясь ему в грудь.

— Пусты, Вань, мне пора... Пусты, говорю!

— Не могу.

В порыве отчаяния он с такой силой прижал меня к себе, что нечем стало дышать.

— Я жить без тебя не смогу. Мне уже сейчас воздуха не хватает.

С неба начали падать крупные капли. Того и гляди ливанет.

Я высвободилась из его рук, заметив, как безвольно они упали, и голова свесилась на грудь.

— Прости меня, Вань. Не пойду я против родительской воли.

Обратной дороги я не видела. Слезы и дождь застилали глаза. Не забыть мне его лица, никогда. Он смотрел с недоверием, растерянно... и где-то глубоко зарождалась ненависть. Ее я не видела, но чувствовала всем своим существом.

Дома я заперлась у себя и не выходила до ночи, как мать ни звала. Даже если отец прикажет, все равно не выйду. Пусть двери ломает.

Я все думала, как оградить Ваню от себя, сделать так, чтоб не видеться даже случайно. Свадьбу назначили на Покров, значит, еще месяц впереди. Потом я переберусь в дом Григория, и начнется у меня другая жизнь...

Ночью я проснулась от какого-то шума. Сначала решила, что показалось, привиделось во сне. Но звук повторился. Тогда я поняла, что кто-то тихонько стучится в окно.

— Ванька! С ума сошел?! А ну как отец услышит?..

Он меня не слушал. Проворно влез в окно и огляделся.

— Собирайся! Только самое необходимое... — велел он.

— Ты что?.. Умыкнул решил?

— Собирайся, сказал!

Я стояла посреди комнаты, словно спутал меня кто по рукам и ногам. Смотрела на Ваню и не видела... Сердце колотилось, как ненормальное. В горле и ушах пульсировало. Умыкает... Умыкает... А, может, только так и нужно? Ведь, люблю я его. А тот, другой, ненавистен, как не знаю кто.

— Вера, — Ваня подошел ко мне и положил руки на плечи. Так ласково у него это вышло. — Ты моя, понимаешь? Никому тебя не отдам. До гробовой доски любить буду.

Черные глаза заглядывали в душу, и верила я, что все будет так, как он обещает. Никто, кроме него, не сможет меня так любить. Только он.

Через пять минут мы выбрались в окно и крались через двор. В руках у меня был маленький узелок со сменой белья.

— Я куплю тебе все, — обещал Ваня, запрещая брать лишнее.

За воротами мы припустили, что есть мочи. Но до Ванькиного дома так и не добежали. Поджидал нас отец и еще два мужика у нашего озера.

Как они его били! Ногами, куда попадали... А он твердил, как заведенный:

— Убейте меня, убейте меня...

Я оглохла от собственного крика и ослепла от слез. Сосед держал меня крепко и заставлял смотреть по воле отца:

— Смотри, шалава, чтобы неповадно было... Проклятый цыган, — и пинал, пинал...

Кто раньше лишился чувств? Он или я? Последнее что слышала:

— Убейте меня. Люблю...

Меня трясло, как при сильном ознобе. Ногу ломило и выкручивало. В голове пульсировала мысль: «Бедная Вера, несчастный Иван...» Лицо было мокрым от слез, и пижама прилипла к телу. Я куталась в одеяло, но никак не могла согреться.

Вера? Иван? Я резко села в кровати, забыв про озноб и боль в ноге. Вот, что не давало мне покоя уже больше месяца. Сны! Только раньше я их не запоминала. Оставались отголоски и, как следствие, плохое настроение. А сегодня это и на сон-то не было похоже. До сих пор я ощущаю прикосновения Ивана, его губы на своем лице.

Я потрогала щеки и снова ощутила его горячие губы. Сердце сдавило болью, словно я лишилась самого дорогого на свете. Я люблю его! Я люблю этого Ивана из сна. Я люблю его сильнее, чем Вера, фрагмент чьей жизни я проживаю. Как такое возможно? И что это вообще?

— Бабуля! — закричала я. — Бабулечка!

— Что случилось, Господи? — прибежала она запыхавшаяся, с полотенцем и прижимая руку к сердцу. — Что же ты меня так пугаешь? Позвать Наташу, сделать укол?

— Не надо... Сядь, — я похлопала по кровати, — мне нужно поговорить с тобой.

Я вспомнила все. Рассказывала торопливо, путаясь в словах, снова проживая те моменты. Боль не покидала. Я осуждала Веру или себя в ней. Я уже ничего не понимала осознанно. Остались одни эмоции, которые распирали меня, не давали успокоиться. Я плакала и смеялась, и сама себе казалась сумасшедшей.

Бабуля сбегала за водой и силой заставила меня выпить. А потом еще долго утешала, прижав к себе и поглаживая по голове, пока не закончилась истерика.

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем я смогла заговорить:

— Что это, бабуль? И кто эта Вера?

Я всматривалась в дорогое и знакомое с детства лицо и понимала, что впервые вижу бабушку настолько растерянной. Она кусала губы и сама едва сдерживала слезы. А потом, словно вспомнив что-то, полезла в шкаф. Долго рылась в коробке с фотографиями, пока не нашла нужную.

— Она?

С очень старой, сильно пожелтевшей фотографии на меня смотрела настоящая русская красавица, с огромными голубыми

глазами, точеными, словно вылепленными из белой глины, чертами лица. Я узнала ее. Она была в подвенечном уборе, как я догадалась. Но ее глаза... Она смотрела как мертвая, ничего не выражающим взглядом.

— Кто это? — хрипло спросила я. От волнения голос пропал.

— Это моя прабабушка — Вера Андреевна Пфайф, в девичестве Шмидт.

— Получается, она моя прапра... а, неважно, — махнула я рукой. — И что? Все так и было?

— Точно я не знаю. Мать мне об этом почти не рассказывала. Знаю только, что была вроде у нее несчастная любовь. Что замуж вышла за нелюбимого, это я тоже знаю. И умерла она совсем молодой. И все...

— А прадед твой, значит, Григорий?

— Да, так его звали. Только, про него я знаю еще меньше. Убили его вроде. Совсем мало прожили вместе.

Губы бабули задрожали, и я испугалась, что случится сердечный приступ. Превозмогая боль в ноге, попыталась встать с дивана.

— Куда? — спохватилась бабушка.

— За таблеткой.

— Не нужно, все нормально, — поспешила успокоить она, укладывая меня обратно в постель. — Не надо тебе сегодня скакать. Отлежись хоть денек.

— Ты точно хорошо себя чувствуешь? Сердце не болит?

— Болит, но не так как ты думаешь, — задумчиво ответила бабушка. — Я не могу понять, почему тебе это снится. И я боюсь, как бы это не обернулось бедой.

— Успокойся, бабулечка, — погладила я ее по руке. — Это же всего лишь сон. Пусть и яркий, но сон. Может, и не было ничего этого на самом деле?..

Я успокаивала ее, а сама все больше уверялась, что это не просто сон. Ну, не ощущают все так во сне. Я до сих пор чувствовала на себе руки того мужика, что держал меня. Те места на талии, где впивались его пальцы, даже побаливали. Во сне именно я было той Верой.

Больше мы не разговаривали на эту тему. По молчаливому обоюдному согласию, каждый занялся своим делом — бабуля пошла суетиться на кухне, а я взялась за книгу, удобно устроившись в подушках.

Настроение постепенно улучшалось, я даже начала извлекать выгоду из вынужденного сидения дома. Никаких тебе бесконечных заявок, спину не ломит от утомительной монотонной работы за компьютером. Никто не выливает на тебя

недовольство жизнью в виде придирок и беспричинного крика, как любит делать моя начальница. Бабуля сервировала мне целый поднос и накормила вкусным завтраком. Красота! Оказывается, сидеть на больничном не так уж и плохо.

Еще бы нога не болела... Но с этим мы тоже справились — пришла Наташа и по-дилетантски вколола мне укол. Чисто теоретически она знала, как это делается. А поэтому расчертила ногтем мою ягодицу на четыре сегмента и вогнала иглу в верхний внешний.

— Мне сказали, что колоть нужно именно туда, потому что там меньше всего нервных окончаний, — откомментировала она свои непрофессиональные действия.

Наташа торопилась на занятия в институте, да и я не настаивала, чтобы она задержалась. Хотелось побыть одной, под уютный бабулин шорох на кухне, под родное шарканье ее тапочек...

Но долго наслаждаться спокойствием не получилось. Мне решили нанести визит. Не кто иной, как Захар, который, как я думала, уж точно не захочет больше даже смотреть в мою сторону, после вчерашнего неласкового приема, заявился в гости с тортом.

— Ты разве не работаешь? — не удержалась я от колкости.

— Работаю, — спокойно ответил он, отдавая бабушке куртку и торт, — но на себя. Чувствуешь разницу?

— Ну еще бы...

Я не понимала, почему он вызывает во мне такую реакцию. Хотелось нагрубить, сказать что-нибудь неприятное. Все время приходилось себя сдерживать. Он, казалось, не замечает этого или делает вид, что не замечает. Только вот зачем ему это нужно?

— Вообще-то я пришел лечить тебя, — сказал Захар, проходя в комнату, придвигая кресло к кровати и усаживаясь в него похозяйски.

— Интересно, как?

— Умные люди сказали, что смех способствует быстрому срастанию костей.

— Неужели?

— А кто еще способен рассмешить, если не О. Генри? — продолжал Захар, пропуская мимо ушей мои колкости.

Только тут я заметила, что в руках у него затертая желтая книжечка. К своему стыду О. Генри не читала. Почему-то покраснела и от этого взбесилась еще сильнее:

— Глупости все это! Смех, срастание...

— Ведешь себя, как ребенок, — улыбнулся Захар.

Надо же какой. Другой бы уже давно послал меня к черту, а

этот все терпит. Что же ему от меня нужно? Не верила я в его покладистость, да и не производил он впечатление доброго самаритянина. Но бабушка права, с гостями нужно вести себя прилично. Поэтому я постаралась замолчать и позволила ему выбрать для меня рассказ.

Читал Захар хорошо. В какой-то момент я поймала себя на мысли, что заслушалась и люблюсь им. Когда он читал диалоги и поочередно входил в роли героев, лицо его становилось таким артистичным что ли. В сочетании с тонким юмором О. Генри получалось вообще здорово. Я даже не знаю, над чем чаще смеялась — над мимикой Захара или над героями рассказов.

А один заставил меня прослезиться. Рассказ о молодых супругах, которые жили очень бедно. У них не было денег, чтобы сделать друг другу подарки на рождество. Тогда они пожертвовали самым дорогим: он продал свои часы, чтобы купить жене черепаховые гребни для волос, а она остригла свои волосы и продала их, чтобы купить мужу платиновую цепочку для часов.

Захар так много прочитал, а время пролетело, как один миг. Бабуля почти насильно заставила нас прерваться.

— Глаза, поди, устали, — ворчала она, сервируя журнальный столик. — Ну ка, давайте попейте чайку с тортиком.

— Тебе понравилось? — спросил Захар, отправляя огромный кусок торта в рот и шумно прихлебывая чай.

— Да, — вынуждена была признаться, хоть и с неохотой.

— Завтра продолжим?

Он уже уходит? Я даже не поняла, огорчил меня этот факт или обрадовал. Одно знала точно, что не отказалась бы еще что-нибудь услышать в его исполнении.

— Спасибо за чай! — произнес Захар, вставая из кресла. — Мне пора...

— Да не за что. Это тебе спасибо за торт... и чтение.

Бабуля проводила гостя и заглянула в комнату.

— А он ничего, да? — лукаво спросила она. — Правда, сароват для тебя.

— Перестань, бабуль. Мне он совершенно не нравится, — отмахнулась я.

А все-таки интересно, почему он не сказал «до завтра»? Почему вообще ничего не сказал, уходя? Посмотрел только как-то странно... И вообще, чего привязался, как банный лист?!

* * *

Свадьбу сыграли на Покров, как и сговорились.

Я находилась под домашним арестом до самого выкупа. После умыкания отец меня жестоко избил, плеткой. Как мать ни плакала и ни причитала рядом, ни просила его пощадить меня, все без толку. Бил со злостью, чтобы неповадно было, бил, не как свое дитя, как великую грешницу. Сначала мне было жутко больно, а потом ушло все, осталась только мысль: «Так лучше... пусть убьет».

Помню, мать кричала:

— Федя, остановись! Убьешь же... или калекой сделаешь!

Помню дикие, злющие глаза отца и как он приговаривал, отбрасывая мать в сторону:

— Убью гадину! На всю деревню оставила...

Последнее, что запомнила — занесенная для удара рука отца и повисшую не ней мать с заплаканным лицом. А потом наступила темнота.

Неделю я не могла встать с кровати. Мать лечила компрессами и отпаивала отварами. Телу постепенно становилось легче, но не душе... Радость покинула меня навсегда. Сама себе напоминала высохший колодец, куда кинь камушек, будет лететь он долго сначала, а потом раздастся глухой звук удара об растрескавшееся дно.

Я все думала, жив ли он остался?.. А даже если и нет, то, может, к лучшему? Хотя, какая мне теперь разница, для меня он все равно умер.

Отец не заходил ко мне, пока болела. Первые слова, что услышала от него, когда вышла из комнаты:

— Со двора ни шагу! Будешь матери помогать по хозяйству. Выйдешь, убью!

И он не лукавил. Убьет, точно. Но не это меня останавливало, а все та же пустая душа. Зачем куда-то идти, если ни к чему не стремишься?

Мать, как могла, пыталась примирить нас с отцом. Одного она не поняла, что с той ночи мы стали друг другу чужими. Отец вычеркнул единственную дочь из жизни, как и я его.

Думаю, оба они вздохнули с облегчением, когда наступил день свадьбы. Конечно же, до семьи Григория дошли слухи о попытке побега из-под венца. Но планы они не меняли. И на обожании Григория это не отразилось. Он, как и раньше, смотрел на меня глазами преданного пса, готовый предугадывать малейшие желания. А на родителей его, наверное, повлияло богатое приданное, назначенное мне отцом. Обговаривали одно, но после той ночи приданное заметно выросло.

Вот так, богатой законной женой, я покинула отчий дом и перебралась в соседнюю деревню.

Поле первой брачной ночи, я четко поняла одно — не быть мне с Григорием счастливой никогда. Не стерпится и не слюбится... Не хватит его любви на нас обоих. Молила Господа только об одном, чтобы не допустил ненависти. Не смогу я бороться и с безразличностью, и с ненавистью одновременно.

Родители Григория старались быть ласковыми со мной. По дому больно ничего не заставляли делать, да и прислуга у них имелаась. Мать его пыталась говорить со мной по душам. Только нет-нет, да слышала я обрывки разговоров:

— Унылая она какая-то. Не будет наш Гришка счастлив с ней...

— Погоди, Вась, Бог даст ребеночка, может и оттаает...

Понесла я через месяц. Зародился-таки плод нелюбви моей. Не хотела я его, но, видно, Господь рассудил по-другому.

— Поедем к твоим, сообщим им радостную новость? — предложил как-то Григорий. Со дня свадьбы я не видела ни отца, ни матери. По матери соскучилась, больше ни по кому.

Свекровь собрала целую телегу гостинцев. Меня заставила надеть самое нарядное платье, чтоб все видели, как я счастлива. По родному селу ехали медленно. Григорий раскланивался со всеми встречными. Я тоже старалась быть приветливой — здоровалась, улыбалась... Только знала, что пересудов не избежать. Долго еще будут перемалывать нам косточки и рассказывать, как не повезло хорошему парню, какая гулящая жена ему досталась.

Мать встретила пирогами. Отец поздоровался с Григорием, не замечая меня, и вернулся к своим занятиям. За столом он с нами не сидел, меда с зятем не пил.

Засиделись мы допоздна. Мать нас не пустила в обратную дорогу, постелила в моей бывшей комнате. Григорий выпил лишнего за обильным угощением и уснул сразу же. А мне не спалось. Вспомнилось все, что пришлось пережить в этой комнате перед свадьбой. Как ни гнала я мысли об Иване, а в эту ночь не могла избавиться от его образа. Перед глазами вставали страшные картины избиения. Как он там, жив ли?..

Мать натопила дом так, что дышать было нечем. Или лихорадило меня... Еще и дурнота сильно выматывала, но это нормально вначале беременности. В доме все спали. Я слышала рядом монотонное, раздражающее сопение Григория, раскатистый храп отца в соседней комнате. Ворочалась с боку на бок, но уснуть не могла.

Не в силах больше лежать, тихонько встала, накинула теплую шаль и прокралась на крыльцо. С детства любила сидеть на ступенях и смотреть на звезды. Осенью они казались выше и холоднее, но не становились менее загадочными для меня. Я все

думала, а что там, и как далеко они от нас находятся?

Что-то хрустнуло возле калитки. Я взгляделась в темноту и различила силуэт... Сердце екнуло, хоть и не думала уже, что оно на это способно. Знать, не все еще чувства умерли во мне. Иван не пошел мне навстречу, а ждал, когда подойду. Я не могла разглядеть в темноте его лицо, но видела блеск глаз.

— Как живешь, Вера? — спросил он, а у меня горло перехватило от нахлынувших чувств. Оказывается, ничего не прошло, все живет во мне, только схоронилось где-то глубоко-глубоко. — Счастлива ли ты со своим мужем?

Не стану я с ним обсуждать Григория. Не заслужил он такого позора.

— Он хороший, добрый...

— Любишь его?

Что же ты за человек, Ваня? Как можешь задавать такие вопросы?

Я молчала и думала, стоит ли уйти прямо сейчас или постоять еще немного. Не гнева отцовского боялась, а своей реакции. Ну как не совладаю с чувствами и брошусь ему на шею? Тогда мне одна дорога останется — в омут с головой. И не страшит меня омут, все равно жизнь немила. Но не имею права я губить еще не родившуюся жизнь.

— Молчишь? Ну, молчи, молчи... Не могу без тебя, Верка, не могу, — схватил он меня и прижал к себе. — Убью я его!

— Пусти, Вань. — Губы одеревенели и слушались с трудом. Руки висели, словно плети. — Пусти!

Повторять не пришлось, Иван отпустил меня и даже отошел на шаг.

— Не бери грех на душу. Оставь его и меня. Ребенок у нас будет.

Какое-то время он молчал, опустив голову. А потом посмотрел на меня потухшими глазами.

— Вон как все обернулось, — заговорил Иван не своим голосом. — Я хотел весь мир сложить к твоим ногам, но, видно, не судьба.

— Не судьба... — как эхо повторила я.

— Возьми это. — Иван взял меня за руку и вложил в нее что-то холодное и тяжелое. — Я сделал это для тебя, но подарить так и не успел.

— Вань... прости.

— Прощай, Вера. Береги себя.

Я еще долго стояла возле калитки. Ноги, словно приросли к земле. Очнулась, когда стала подмерзать. Только тогда пошла в дом.

В сенях меня дожидалась мать со свечой в руке.

— Где была? — шепотом спросила она.

— Воздухом дышала, не спалось...

— Что у тебя там? — Мать кивнула на мой сжатый кулак.

— Ничего.

— Он приходил, да?

— Никто не приходил, — устало ответила я. От слабости меня слегка шатало. Но кулак я сжала крепче и почувствовала, как палец прожгла боль.

— Покажи, что дал он тебе, — попросила мать.

Мне вдруг так жалко ее стало. Ведь она все понимает и жалеет меня, но ничего поделать не может. Я разжала кулак и увидела брошь, усыпанную камнями.

— Ты укололась? — заметила мать кровь у меня на пальцах. — Ох, не к бобру все это, — покачала она головой. — Давай снесем ее в монастырь, подарим им...

— Нет! Это все, что у меня от него осталось. В ней частица его души, и я буду хранить ее, как зеницу ока.

— И твоя кровь... Ох, не к добру... Цыган, ведь, он. — Одинокая слеза скатилась по материной щеке.

Я снова зажала брошь в кулак, не обращая внимания на боль. Никому не позволю отнять ее у меня!

— Ты зачем это встала? — накинулась на меня бабушка, когда я, зевая, вошла в кухню, влекомая аппетитными запахами.

У меня даже имелись костыли, к которым еще только предстояло привыкнуть. Об этом позаботилась вездесущая Наташа. Нашла их у себя дома, что хранились в чулане со времен молодости ее отца, когда тот ломал ногу. Костыли мне даже понравились — резные, лакированные, сделанные на совесть. Правда передвигалась на них я со скоростью черепахи, но эту помеху собиралась устранить упорными тренировками. Должна же я справиться с такой нехитрой премудростью.

— Не могу больше лежать, бока болят.

— А нога? Болит? И чего это ты босиком?

— Да, нормально все, бабуль. Нога не болит, и полы у нас теплые.

На столе уже высилась небольшая горка блинчиков, и бабуля, по всей видимости, дожаривала остатки. Блины я любила всегда. Даже если голодной не была, от одного запаха аппетит разыгрывался. Поэтому, сразу принялась за дело. Мужественно собралась налить себе кофе, но бабуля не разрешила.

— Сиди уже, хромоножка. Ишь, расскаклась...

Она сама налила мне большую чашку кофе и придвинула ближе тарелку с блинами.

— Кушай досыта, а потом Наташку позовем, чтоб укол сделала.

— Не, сегодня не надо. Думаю, выдержу. Эти уколы такие болючие, сил нет. Уж лучше я без них как-нибудь.

— Ну, смотри...

Когда с блинами было покончено, бабуля присела рядом и устало облокотилась на стол.

— Я сегодня с трех часов без сна. Тревога какая-то. Ты хорошо спала?

Вопрос, конечно, интересный. Мне вот казалось, что я глаз не сомкнула, хоть и усталости не чувствовала. Словно я всю ночь кино смотрела сквозь дрему. А в кино разыгрывалась человеческая драма. И вроде бы я со стороны наблюдала, но в то же время была главной действующей героиней. Как такое возможно, уму непостижимо.

— Что, опять Верка снилась? — буднично спросила бабуля.

Я чуть со стула не упала. Я-то решила не говорить с ней больше о своих снах, чтобы не расстраивать, а она, похоже, и не собирается переживать.

— Да не смотри ты так на меня. Не ты первая, кому она снится.

— Как это? — не донесла я блин до рта. — Ты тоже ее видела? То же самое?..

— Ну что там конкретно тебе снится, не знаю, но только Верку и я, и мать моя, и бабка, и твоя мамка... а вот теперь и ты... Она ко всем нам приходит.

— Как так, бабуль? Может, хоть объяснишь? И почему ты вчера мне ничего не сказала? — возмутилась я.

— А вдруг все закончилось бы? Чего зря пугать-то?

Ничего себе заявочки! Я не знала, пугаться мне или возмущаться. Получается, Вера снилась всем женщинам в нашем роду. Но разве такое вероятно? Мистика какая-то получается. И почему я раньше об этом ничего не слышала? Как бабуля, строгая и набожная, могла допустить подобную беспечность?

— Ну, а что ты хочешь?.. — заговорила она, когда я озвучила вопрос. — Как про такое можно рассказать ребенку? Да и зачем... И потом, я сама не понимаю, что это такое. Да и давно это было в последний раз. Маме твоей Вера приснилась пару раз и все. Да и тебе, скорее всего, больше не явится...

Почему-то, я так не считала. Уж больно слабо это смахивало на сон. Слишком реальной была картинка. Да и картинка ли? Во сне Верой была именно я. Все чувствовала, даже боль. А душевные переживания порой становились сильнее физической боли. Какой же это сон? И потом, слишком уж поступательными становились видения, словно Вера насильно рассказывает мне свою историю. Вроде как чего-то ждет от меня и в то же время не дает вмешиваться в ход событий. Не раз, именно во сне, я ловила себя на мысли, что не поступила бы, как она, что сказала бы или сделала по-другому. Так нет же, меня словно держали на расстоянии, заставляли смотреть, но не разрешали приближаться.

— Бабуль, а что видела ты?

— Ой, да я уж и не помню точно... Так, нелепица какая-то. Как Верка с матерью ссорилась... Еще что-то в том же роде. Знаешь, — улыбнулась она, — я, ведь, ни Верку, ни мать ее никогда не встречала. Так интересно было на них посмотреть.

Да что же это такое?! Неужели, я все драматизирую? Или сошла с ума? Только, как нелепицу, сны свои не могла воспринимать. Больше склонялась к мысли, что затуманено сознание именно у бабушки.

— Бабуль, а ты счастлива? — Вопрос сорвался сам, подумать я не успела.

— Конечно! Что за вопрос? — нахмурилась бабушка. — У меня же есть ты...

— Да, я не об этом... Я про деда, вернее, про вас... Он ведь ушел, вы и пожить не успели?

— Да, какой он тебе дед! Так, недоразумение. — Бабушка задумалась, а потом улыбнулась как-то очень по-доброму. — Знаешь, я бы сейчас никогда такого себе не выбрала: ни рыла, ни мыла... Плюгавенький, одним словом. Но, его есть за что благодарить. Он подарил мне твою маму, а она — тебя!

— Ну, все-таки, — настаивала я, — хлебнула, наверное, в молодости?

— Без мужика плохо, это я знаю точно. И без любви, — совсем тихо добавила бабуля.

Я задумалась, делая вид, что наблюдаю за играющей во дворе ребятней. Как бы бабуля не храбрилась, видно, что разговоры о муже, который бросил ее, едва женившись, неприятны. И слез, наверное, пролила немало в свое время. Да и сейчас, скорее всего, нет-нет, да вздохнет с сожалением, что не о такой жизни мечтала.

— Бабуль, — снова пристала я, — а мама была счастлива?

Прости, родная, что бережу старую рану, но это не праздные вопросы. Ответы на них важны для меня, и, кроме тебя, никто их дать не может.

— Твоя мама познала в жизни самое главное — настоящую любовь. Да, она была счастлива, хоть и совсем недолго.

Мама очень любила папу, я слышала об этом не раз от бабушки. Но что же это за скоротечное счастье-то такое? Ведь года же не прожили вместе. Папа умер раньше, чем я родилась. Да и мама пережила его на несколько месяцев. Нет. Не должно быть счастье таким!

В моей голове выстроилась логическая цепочка — мать Веры не была счастлива с мужем-тираном, сама Вера пострадала от несчастной любви. Про бабулиных бабушку и маму я не спрашивала, но что-то мне подсказывало, что и у них не все в жизни складывалось гладко. Можно уже по тому судить, что никогда мне бабуля о них не рассказывала. Дальше они с мамой... А сейчас моя очередь? Но, я хочу быть счастливой вопреки всему. И никакой рок не в силах мне помешать. Я твердо намерена выцарапать себе счастье у коварной судьбы.

— А как к нам попала та брошка, ты знаешь?

Я постаралась задать вопрос так, словно перевожу разговор на другую тему. Реакция бабули подсказала, что не следует посвящать ее в подробности. И вообще, раз в моей семье не придавался этим снам особый смысл, то, значит, и разбираться с ними я буду сама.

— Брошка?... Ну, кстати, именно Верке ее и подарили, — кивнула бабушка. — А вот кто, не знаю. Или, может,

запамятовала. Скорее всего, мама мне что-то рассказывала, но стерлось из памяти. Да и вообще я успела забыть и про саму брошь. Странно вообще, что она нашлась — столько времени считалась потерянной.

После сегодняшнего сна, факт находки броши я тоже не считала странным. Внезапная мысль пригвоздила к стулу: с тех пор, как мне стала сниться Вера, жизнь моя потекла запрограммированно, ни одно событие, произошедшее со мной, нельзя считать случайным. И что-то я должна сделать, осталось выяснить, что именно.

Трель телефонного звонка вырвала меня из задумчивости.

— Межгород, — спохватилась бабушка и поспешила из кухни.

Я решила спокойно продолжить завтрак. Если мне и есть, о чем думать, то это не минутное дело, так что вполне может подождать.

Вернулась бабушка, и выглядела она озадаченной.

— Что случилось?

Какие еще сюрпризы меня ожидают?

— Даже не знаю, как сказать... — замялась бабушка.

— Бабуль, ну не томи! Кто звонил-то?

— Тетя Галя.

Это бабушкина подруга детства. Они не через всю жизнь пронесли свою дружбу. В юности судьба раскидала их, вернее, выкинула бабушку. В четырнадцать лет она уехала в другой город из родного села поступать в техникум и больше уже туда не вернулась. Тетя Галя же отучилась в районном центре и вернулась в родное село. Пару раз они встречались на каникулах, пока в селе том жила мама бабушки. А потом и она перебралась поближе к дочке. Вот так и получилось, что общаться с тетей Галей они перестали. А года два назад они случайно нашли друг друга в Одноклассниках. Оказывается, тетя Галя так и живет в том селе. С тех пор бабуля раза два в год ездит к ней в гости. Пару раз тетя Галя приезжала к нам. Можно сказать, что они снова подружились.

— И что она?.. Почему у тебя такое лицо?

— Да, понимаешь, проблема у нее. Просит приехать.

— Ну съезди, в чем проблема-то?

До родного села от нас было не очень далеко — шесть часов на автобусе.

— Да, в Мурманске она.

— Как в Мурманске? А что она там делает?

Как поняла из дальнейшего рассказа бабушки, уехала тетя Галя в Мурманск к своей дочери. Я и раньше что-то слышала, вроде как дочь у нее не очень путевая. С мужем развелась, растит

девочку от него. Не работает, при этом умудряется выпивать. А недавно она еще и мальчика родила неизвестно от кого. Если раньше она хоть случайными заработками перебивалась, то сейчас надежда только на пенсию тети Гали.

— Болеет тетя Галя, сильно. И Светка загуляла, дома не появляется. А Егорка еще совсем маленький. И кроме меня помочь им некому.

— Дела... — протянула я.

До Мурманска от нас ехать около двух суток на поезде. Далековато... И не поехать бабушка не может — подруге ее и обратиться больше не к кому.

— А ты к Новому году-то вернешься?

— В том-то и дело, что не знаю. — Бабуля чуть не плакала. — И ты еще разболелась...

— Обо мне не беспокойся. Ходить я могу, значит, справлюсь. Не хотелось бы праздник отмечать без тебя.

Если она не вернется к Новому году, это будет впервые, когда я буду встречать его без бабушки. Как-то странно... я уже привыкла, что она все время рядом. Две недели, что она провела в больнице, и то показались мне вечностью. Но, с другой стороны, я же уже не маленькая, и хватит меня опекать.

— Поезжай, бабуль. Со мной все будет хорошо.

Она как-то сразу успокоилась. Боялась, наверное, что не отпущу. Неужели я произвожу впечатление такой эгоистки?

Через час бабуля уже вернулась с билетом на первый проходящий поезд до Мурманска. Энергия из нее была через край — желание помочь подруге даже сделало ее моложе внешне. Я подбадривала, как могла, когда ловила на себе виноватые взгляды.

Вечером Наташа вместо меня проводила бабушку на вокзал.

— Хочешь, поживу у тебя пока? — спросила подруга, когда мы сидели в кухне и пили чай.

Я тут же представила ее у себя дома и затосковала. От ее энергии, бьющей через край, я уставала через пару часов. Это максимум, сколько я могла выдержать подругу непрерывно. Да и вообще, пора испытать себя на взрослость, смогу ли справиться сама. Теперь осталось отказать Наташке так, чтобы не обиделась.

Но она и сама все поняла по моему лицу:

— Не хочешь, не надо, — бодро заговорила она. Я незаметно перевела дух — обиды в ее голосе не слышалось. — Честно говоря, мне есть чем заняться. У Толика родители уезжают на две недели в горы. Он предложил пожить у него. Так что... — Она весело развела руками. — Но ты не думай, что я тебя брошу. Не дожدهшься, — засмеялась она. — Каждый день буду проверять, ну

или через день.

* * *

В первую же ночь самостоятельной жизни я проснулась в холодном поту с шевелящимися от ужаса волосами. Только что я была близка к убийству! Я смотрела в темноту и до сих пор отчетливо видела Веру-себя с занесенным над мужем ножом.

Что я чувствовала в тот момент! Дикое желание убить. Вонзить в него нож несколько раз, по самую рукоятку. Смотрела на по-детски невинное лицо, причмокивающее во сне, и ненавидела. Никогда и ни к кому не испытывала подобной ненависти.

Вот она поднимает нож, удерживая его обеими руками. Я чувствую холод рукоятки, сжимаю ее что есть силы пальцами. Сорочка колыхнется вокруг ног, не скрывая огромного живота. Глаза дикие, волосы растрепаны. Я с такой силой сжала зубы, что они скрипят, того и гляди начнут крошиться.

Господи! Она так ненавидит, что готова взять грех на душу. Ведь уже на сносях...

Я смотрела в темноту и видела перед собой дикую и растрепанную Веру, с горящими глазами.

По телу пробежал озноб, словно подул прохладный ветер. Страх накатывал волнами, даже дышать стало трудно. Я нащупала кнопку бра на стене и с силой втопила ее. Слабый свет залил комнату, и с ним исчезли призраки, рожденные фантазией. Уже никто не прятался в углах и не покушался на мою жизнь.

Что же там произошло дальше? Страшно было даже представить, что Вера завершила начатое. Но и не верилось, что она смогла остановиться. Я вспомнила, как проснулась, почувствовав слабое шевеление внутри. Это же Верин ребенок! Она чувствовала то же. Мы обе ощутили в себе присутствие маленькой жизни. Но, подействовало ли на нее это так же, как на меня?

В сон клонило со страшной силой. Я улеглась на подушку и укрылась с головой одеялом, оставляя только нос снаружи. Бра выключать не стала, чтобы не вернулись ночные призраки.

И все-таки одной справляться было тяжело. От передвижения даже по квартире нога начинала болеть и не сразу проходила, когда я устраивала ее на диване. Дома не осталось хлеба, и молока едва хватило на чашку утреннего кофе. Значит, нужно собираться в магазин. А как это сделать, я пока представляла с трудом. До магазина всего-то метров сто от подъезда, но в сложившихся обстоятельствах они превращались в километр, а то и больше. Кроме того, за ночь подморозило, и то, что вчера было тающим снегом, превратилось в колдобины льда.

А еще мне мешали мысли. Вспоминался сон и дикая Вера. Никак не могла отвлечься. Не помогал ни телевизор, где, как обычно, не показывали ничего интересного, сплошная сводка криминальных новостей по всем каналам, ни книга, в которой приходилось несколько раз прочитывать одно и то же, чтобы уловить смысл.

Настроение мое лавировало между хандрой и жалостью к себе. Поторопилась я заверить бабулю, что справлюсь тут без нее. Как бы сейчас было здорово, если бы она хлопотала на кухне, иногда заглядывая в комнату и справляясь, все ли у меня в порядке. Но бабуля далеко, а мне как-то нужно взять себя в руки, чтобы не раскиснуть окончательно.

Ближе к обеду я поняла, что избежать похода в магазин не получится. Наташка у бойфренда, вряд ли сегодня вспомнит о большой подруге, а кроме нее надеяться не на кого.

Первый сюрприз меня ожидал, когда стала обувать сапог. Хоть голенище и выглядело широким, нога в гипсе была для него великовата, замок не сходил. Пришлось обмотать его поясом от халата — ничего лучше я не придумала. Дальше предстоял спуск по лестнице. И делать это на костылях было сродни мастерству эквилибристики. Каждый шаг можно приравнивать к подвигу. Я даже пересчитала ступени — их, оказывается, по одиннадцать в каждом пролете, не считая четырех цокольных.

Улица встретила ветром и мелким снегом. Как ни странно, идти было легче, чем я думала. Подморозило не сильно, ноги не скользили, а костыли как раз в меру проваливались в рыхлый ледок. Больше срабатывал страх, что если от нагрузки нога будет плохо или неправильно срастаться. Наверное, поэтому я хромала сильнее, чем следовало, и шла медленнее, чем могла бы.

— Женька, что это с тобой?

— Бандитская пуля, — ответила я Вале — однокласснице.

Она, как и я, сразу после школы устроилась продавцом в

нашу стекляшку, как мы называли маленький продовольственный магазинчик. И хоть мы никогда не были подругами, порой ничего не значащих фраз перебрасывались всегда.

— А чего сама-то пришла?

— Да, бабуле нужно было срочно уехать.

— Ну ты даешь!..

Что хотела сказать Валя, я так и не поняла, да не больно-то и стремилась. В ее интонации я сочувствия тоже не расслышала, да и не нужно оно мне. Не зря мы с ней в школе не общались — видно, на разных полюсах находились.

Я купила все необходимое и поспешила, если можно так сказать, домой. Хотелось поскорее оказаться в тепле, разогреть борща, которого бабуля наготовила дня на три вперед, а мне одной — так и на всю неделю, наесться, а потом поспать. Дневной сон люблю с детства, еще с сада, а, учитывая, что полночи тряслась от страха, так спать хотелось еще сильнее.

Возле подъезда меня поджидал сюрприз в лице Захара. Совсем про него забыла. И, если не ошибаюсь, он собирался прийти вчера.

— Привет! А я-то думаю, куда все пропали. А тебе, значит, погеройствовать захотелось?

Он, как стоял, привалившись к машине, так и не сменил позы. Наблюдал, как я неуверенно ковыляю к крыльцу. Комментировать его едкую реплику не хотелось, поэтому я ограничилась коротким «привет». Как назло, разболелась нога, и каждый шаг давался с трудом. Невольно морщилась, что не укрылась от Захара.

— Давай костыли, — велел Захар, подходя ко мне.

Вот еще! А на второй этаж я взлететь что ли должна? Да и упрямство сработало и мешало мыслить логически.

— Зачем? — задала я, возможно, не самый умный вопрос.

Отвечать Захар не считал нужным — молча забрал у меня костыли и, подхватив меня на руки, понес в подъезд. Если я и хотела сопротивляться, то сил не осталось.

— Может, отопрешь дверь?

Действительно, чего это я — устроилась у него на руках и не замечаю, что мы уже какое-то время топчемся под дверью.

Дома Захар отнес меня прямиком на диван и помог раздеться. Пряма, мать Тереза.

— Хитрая конструкция, — посмеялся он, расшнуровывая мой сапог. — Болит? — сочувственно поинтересовался, освобождая ногу.

— Есть немного, — вынуждена была признаться, с удовольствием откидываясь в подушки. Что ни говори, а за

помощь я ему была благодарна. Если бы не он, неизвестно, как бы и сколько времени я добиралась до квартиры.

— Давай, укол сделаю...

Ну, уж нет! Этого только мне не хватало. Я представила, как Захар, на манер Наташи, делит мою ягодицу на четыре части, и чуть не рассмеялась.

— Не надо. Само пройдет. Уже проходит, — поспешила добавить, хоть это и не было правдой. Нogu ломило и выкручивало со страшной силой.

— Зачем героя из себя корчишь? Почему бабушка не пошла в магазин? — нахмурился Захар.

— Так нет ее...

Я рассказала ему, как бабуля была вынуждена уехать в срочном порядке. Захар какое-то время возмущался, что подруга бабуле важнее, чем собственная внучка. Пришлось дополнительно объяснить ему, что ситуация у тети Гали сложилась серьезнее некуда, что малыш там совсем беспомощный, и сама тетя Галя не встает с постели.

— Как видишь, не поехать бабуля не могла. Кроме нее им и помочь некому.

— Да уж... Ладно, я буду твоей бабулей, — усмехнулся Захар.

Тут я снова представила себе его в бабушкином переднике, жарящего блинчики, и не выдержала — рассмеялась. Потом мы смеялись вместе, когда я описала свои видения.

— Будем считать, что сеанс смехотерапии ты получила, — сказал Захар, вытирая слезы. — И я вместе с тобой...

— А тебе работать не нужно?

Перспектива, что он постоянно будет околачиваться в моей квартире, радовала все меньше. Сама не понимала своего отношения к Захару. С одной стороны, я была благодарна ему за помощь, с другой — не могла избавиться от мысли, что делает он все не просто так. Откуда взялись такие мысли, ума не приложу. Ничего подозрительного в словах и поступках Захара не было. Разве что, иногда мне казалось, что действует он через силу, словно заставляет себя. Но, опять же, это могло быть только игрой моего воображения. А может все дело в том, что не верила я в такую вот симпатию, на ровном месте. Скорее наоборот, начавшуюся с явной антипатии. В общем, я слегка успокоилась, когда Захар ответил:

— Нужно, конечно. И не собираюсь я у тебя торчать целыми днями. Но приходите навещать буду.

Вот и славно!

Захар ушел на кухню, подогревать обед. Я закрыла глаза и не заметила, как задремала.

Ох, как же больно! Волна накатила такой силы, что дышать стало нечем. Я вытянулась струной и не могу пошевелиться. Кричать тоже не могу. Живот, словно в огне, а тело покрыто ледяной испариной.

— Терпи, родная, так всегда бывает, — сквозь туман слышу голос матери. — Мы, бабы, все через это проходим и не умираем. Покричи, легче станет.

Зачем она говорит мне все это?! Зачем она вообще что-то говорит? Не хочу мучиться, не нужен мне этот ребенок. Как и отец его!.. Никто мне не нужен, как и жизнь сама. Получить бы сейчас забвение, как награду за все страдания.

Боль медленно отступает, и я смогла повернуть голову. Григорий трясется в углу, затравленно смотрит на меня. Как же он мне ненавистен!

— Пусть уйдет, — попросила я мать. Во рту пересохло, губы не слушались. — Пить...

Это все, что я успела сказать до новой волны боли.

Сколько длилась агония, не помню. В перерывах между схватками я бредила. Вот отец заходит в комнату и что-то говорит мне с улыбкой, той самой, о которой я успела забыть, потому что отец перестал улыбаться. Мама стряпает пироги... Протяжно мычит корова в хлеву. Хотя, корова мне вряд ли привиделась. Скорее всего, реальность наложилась на беспмятство. Так же временами мелькало озабоченное лицо бабки-повитухи — металась она с тряпками и тазами по комнате.

— Тужься, родная. Скоро все закончится. Тужься! — кричит мать. — Задушишь мальчика!

Как же я могу тужиться, если не работает ни один мускул. Так ему и надо, пусть задохнется...

— Нужно доставать. Времени больше нет, сам не пройдет, — вроде, говорит повитуха.

Адская боль прорезает тело, и вместе с ней я слышу нечеловеческий крик. Кричу я, — успеваю подумать, проваливаясь в темноту.

— Вера, проснись. Вера! Да, что с тобой?!

Я открыла глаза, все еще ощущая боль. Рядом сидел перепуганный Захар.

— Что случилось? — Голос показался чужим, такой он был у

меня хриплый.

— Ты кричала во сне?

— Я кричала?

— Ты орала, будто тебя режут на куски.

— Господи, какой кошмар! — Я наклонилась вперед и спрятала лицо в ладонях. — Это было так ужасно...

— Что было-то? Тебе приснился страшный сон?

Захар отвел мои руки в стороны и заставил посмотреть на себя.

— Что тебе снилось?

— Я хотела его убить.

— Кого?

Как я могу рассказать? Кто поверит, что во сне я живу чужой жизнью, если даже бабушка не придавала этому значения? А Захар и вовсе решит, что я сумасшедшая. И потом, если рассказывать, то все сначала. А я не могу... снова пройти через это.

— Это был просто кошмар. Забудь, — как можно увереннее попыталась ответить я.

Какое-то время Захар продолжал меня рассматривать, а потом с тенью обиды в голосе произнес:

— Как хочешь. Сейчас кормить тебя буду. Не спи...

Через десять минут, когда я уже измучилась прокручивать в голове сон, Захар вернулся с уставленным подносом. Заставил меня удобнее сесть и положил поднос на ноги.

— Не очень удобно, понимаю. Но лучше, чем идти на кухню. Лопай, — велел он.

— Тут все, что ты нашел в холодильнике?

Такого разнообразного обеденного меню у меня еще не было. В центре подноса красовалась самая большая из глубоких тарелок борща с щедрой порцией сметаны. Бутерброды с маслом, колбасой, сыром... Варенье в маленькой вазочке. Гроздь винограда на блюде. Остатки пельменей тоже в глубокой, но поменьше, тарелке и тоже улитые сметаной. И огромная чашка чая с молоком.

— Я все это должна съесть?

— Я помогу тебе, потому что, если честно, ужасно проголодался. И нанюхался к тому же...

— И что будешь есть ты?

— Если ты не против, то борщ. Обожаю такой вот — красный, густой... И чтоб сметаны побольше.

Определенно, у него талант смешить меня. Я чуть не расплескала все, пока смеялась. Захару пришлось держать поднос, пока не успокоюсь. Ну конечно, как я могла подумать, что столько борща он мог принести мне?

В итоге, Захар съел почти все. Я поклевалапельменей, насколько позволил вялый аппетит. Меня все еще лихорадило, то ли после вынужденной прогулки, то ли после сна.

Когда посуда на подносе опустела, Захар снова оставил меня одну — пошел прибираться на кухне и мыть тарелки. Вернулся через несколько минут и с видом сытого кота развалился в кресле. Меня неприятно кольнула мысль, что ведет он себя слишком по-хозяйски.

— Расскажи о себе, — попросила я, чтобы вырвать его из состояния послеобеденной дремы. Еще не хватало, чтобы он уснул тут.

— А что тебя интересует?

— Все.

— Вот так прям все? — рассмеялся он.

— Да все. Про меня ты знаешь много, даже в дом вхож. А про себя молчишь, как партизан.

Уточнять не стала, что в гости он пришел сам, никто его не приглашал. Может, в его семье так и принято, но меня воспитывали по-другому. И такое поведение я расценивала, как навязчивое и неискреннее.

— Про себя не интересно. Но если ты хочешь, то ладно. — Захар замолчал ненадолго, а потом продолжил: — Живем мы с мамой и сестренкой. Занимаюсь ювелирным делом. Бизнес неплохой, прибыльный, нам хватает. Институты не заканчивал, как-то не получилось. А Ленка поступила в этом году, скоро первая сессия... Учится на бухгалтера.

И это все? По лицу Захара я поняла, что продолжать он не собирается. Не густо, мягко говоря.

— А сколько тебе лет? — Отставить я тоже не собиралась.

Что-то стало с его лицом, оно резко заострилось, или у меня галлюцинации. И во взгляде появилась затравленность, словно я попросила Захара выдать государственную тайну.

— Я спросила что-то не то? — вырвалось у меня, так напугала перемена.

Видно было, как он борется с собой, пытается совладать с чувствами. Постепенно лицо его приняло нормальное выражение, но напряжение из взгляда не исчезло, лишь спряталось поглубже.

— Все нормально, извини. Мне двадцать девять... Скоро будет тридцать.

— Скоро? Это когда?

Да что происходит? Он так сморщился, словно я спросила, сколько у него было любовниц. Странная реакция на невинный вопрос.

— В марте.

— Рыба или Овен?

— Второе...

Упертый, значит.

— А сколько лет твоей сестре?

— Восемнадцать.

Стоило заговорить о сестре, как лицо Захара сразу преобразилось — посветлело, на губах заиграла улыбка. Получается, нельзя говорить только о нем лично? Очень странно. Какая-то темная лошадка.

— А почему ты решил стать ювелиром?

— Я, как сорока, люблю все яркое.

Отшутился? Упорно не хочет рассказывать о себе. Ну и ладно, не больно-то хотелось.

Я откинулась на подушки и прикрыла глаза. Захар расценил это, как намек, что засиделся в гостях.

— Я пойду... Нужно еще поработать.

Хоть ничего такого и не имела в виду, но тихо порадовалась. Не чувствовала себя свободно при нем, чем-то он меня напрягал. Да и беседа наша не клеилась.

— Завтра зайду.

Как же... Помнится, в прошлый раз ты тоже это обещал, а не пришел. Не обещай, раз не собираешься выполнять. Хотя, мне-то что, придет он или нет?

Я настроилась скучать оставшуюся половину дня, но мне не позволили. Не успел уйти Захар, как прибежала Наташа. Она долго и в подробностях рассказывала про своего нового бойфренда, и как им живется в отсутствии его родителей. Уходя, настояла на уколе. Никакие сопротивления не действовали — обезболивающее вколола практически силком.

— Вдруг разболится, что делать будешь?

В общем-то, я была даже благодарна ей, потому что после прогулки боль так и не прошла, а лишь притупилась. А вот после укола сразу полегчало.

Вечером меня навестили с работы. Пришли Наталья Владимировна и Светлана Львовна — наши бухгалтера. Они принесли мой любимый шоколадный торт. Мы долго пили чай и говорили, говорили, пока они не пересказали мне все наши новости и сплетни.

После непривычного наплыва гостей я так устала, что уснула при включенном телевизоре. И, слава богу, в этот раз мне ничего не приснилось.

Глава 8

Захар пришел, как и обещал. Не то чтобы я ждала его, но срабатывал спортивный интерес — сдержит слово или нет. Да и скучно было сидеть в четырех стенах одной. Вчерашний геройский поступок по вылазке из дома повторить не решилась. Да и снег валил с самого утра — никакие костыли не спасут.

— Будешь угощаться борщом? — не удержалась и подколола Захара, пока он раздевался в коридоре.

— Спасибо, я сыт.

Прозвучало, как «спасибо, я сыт тобой по горло».

Или у меня паранойя в зачаточном состоянии, или он ходит ко мне через силу. Эта мысль всегда появлялась, когда видела его. Или он со всеми такой? Тогда он пренеприятнейший тип, отвратительный даже.

— Слушай, зачем ты это делаешь? — не выдержала, спросила в лоб.

— Что именно? — оторвался Захар от разглядывания фотографий, которые бабуля расставила в серванте.

— Ходишь ко мне? Тебе же это неприятно.

— С чего взяла?

— Вижу. — Я пожала плечами и демонстративно уткнулась в книгу. Хочет корчить из себя дурачка, флаг ему...

— Скажем так, я чувствую себя виноватым.

— В чем?

Мог бы и соврать, что нравлюсь ему. Хотя, нет, лучше не надо.

— Ну, я тебя чуть не сбил. Раз. А потом, ты упала и сломала ногу.

— Ты-то тут при чем? Не ты же меня толкнул.

— Но я не подоспел вовремя, — усмехнулся Захар.

— Глупость какая-то. Как у Чехова, честное слово.

— В смысле?

Ну конечно, куда тебе. Я посмотрела на Захара, он действительно не понимал, о чем я. Мне же ситуация напомнила рассказ Чехова «Смерть чиновника», а Захар того экзекутора, что чихнул в театре на генерала. Это значит, что себя я сравнила с генералом? Скромна, ничего не скажешь.

— Ничего, забудь, — едва не смеясь, отмахнулась я. — Все нормально.

И чего я к нему привязалась? На маньяка не похож. Может, правда чувствует вину за собой.

Чтобы загладить свою вину, я пригласила Захара попить чаю

с тортом. И даже сама поухаживала за ним. Мы долго и чинно прихлебывали чай и почти не разговаривали. Я намеренно этого не делала — ждала, когда первым заговорит Захар. А ему, по всей видимости, и так было комфортно. Сидел себе, разглядывал непогоду за окном.

— Дома не надоело сидеть? — нарушил он, наконец, тишину.

— А у меня есть выбор?

Если бы не этот дурацкий гипс, я бы сейчас работала. А по вечерам гуляла бы, любовалась бы новогодними витринами. А так, никакого предпраздничного настроения. Еще и бабуля уехала. Тоска зеленая.

— Хочешь, покатаемся? — предложил он, собирая и складывая в раковину грязную посуду.

— А тебе работать не нужно?

— Я могу это себе позволить.

Он быстро сполоснул чашки с тарелками и сложил их в сушилку.

— Так, что ты надумала? — повернулся ко мне, вытирая руки о полотенце.

— Ну, поехали...

На улице смеркалось. А ведь пяти еще нет. Но сегодня и днем-то было пасмурно. Зима, декабрь... Я вдохнула морозного воздуха, губы сами растянулись в улыбку. Как же хорошо! Как же я люблю зиму в декабре!

Снег попадал на лицо, но не жалил. Мороза-то было от силы градусов пять. Всю зиму бы так.

Захар галантно распахнул дверцу машины, сделав приглашающий жест. А вот сесть элегантно у меня не получилось. Прикинув так и эдак, я повернулась к машине задом и плюхнулась на сидение, а потом уже подтянула ноги и примостила костыли, краем глаза уловив ухмылку Захара. Ну, да, не добавляю я романтики своим видом, но и ты не рыцарь, чего уж там.

Мы медленно ехали по темнеющим улицам. Тихонько играла музыка. Я смотрела в окно на спешащих куда-то людей. У каждого из них какие-то дела. Кому-то надо в садик за ребенком, кто-то пытается успеть выполнить последнее поручение в конце рабочего дня... Если бы я сейчас сидела в своем офисе, то, скорее всего, даже не догадывалась, что время приближается к пяти. Работаешь, как заведенная, глядь на часы, а уже и домой пора. Хорошо, если получится выключить компьютер ровно в пять. Но чаще всего кто-нибудь из агентов запаздывает и лихорадочно скидывает заявки до последнего. А ты их проводи... Не то, чтобы это меня сильно напрягало, так все-таки лучше, чем страдать от

безделья, но всему есть своя мера. Постепенно накатывает такая усталость, что руки опускаются. Так что, в возможности поболеть перед самым Новым годом есть своя прелесть.

— О чем задумалась? — Голос Захара вернул меня в реальность.

— О жизни.

— И как оно?

— Не очень...

Как-то незаметно пришла к выводу, что живу скучно. Наташка вон с парнями встречается, меняет их, как перчатки. Я так не хочу, но, наверное, и мне уже пора завести ухажера, как выражается бабуля.

Бросила косой взгляд на Захара. Годится он на роль ухажера? Ну, если только с большой натяжкой, от безысходности. Станные у нас какие-то отношения. Вроде чувствуется интерес с его стороны, но какой-то поверхностный, ненатуральный. Да и я тоже хороша — позволяю ему проявлять так называемую заботу, а благодарности не испытываю.

— У тебя точно все хорошо? Какая-то ты странная сегодня...

— Да, нормально. Скучно, просто.

— А поехали на площадь. Там уже елку нарядили. С горы можно покататься. Любишь?

— Ну, конечно!

Издевается он что ли?! Или это дружеская подколка?

— Тьфу ты! Забыл, — Захар кивнул на мою ногу. — Ну, просто посидим, на красоту полюбуемся.

Мне было все равно — на площадь, так на площадь. Я знала, что там установили елку, но пока даже мимо не проезжала и не проходила. Далековато эта площадь от моего дома.

Лесная красавица величаво смотрела в небо, искрясь праздничным убранством. Она была такая огромная, что с трудом верилось в ее настоящесть. Повсюду играла музыка, в каждом кафе своя. Но, как ни странно, какофония создавалась приятная, не напрягающая слух. С лотков продавали разные сладости и напитки, в том числе и спиртные. Народ смеялся, дурачился, катался с крутой горы, которую устанавливали каждый год в декабре.

— Куда пойдем? Может, вон в то кафе? — Захар указал на резную избу, сверкающую не хуже елки.

Я представила, как мы садимся за столик, официантка приносит меню, мы чинно выбираем, чем полакомиться и... атмосфера праздника остается за дверью кафе.

— Нет, — тряхнула я головой. — Давай посидим на улице.

— Отлично! — Захар высмотрел свободную лавочку меж двух

елочек, растущих по периметру площади. — Сиди, я сейчас...

Странное чувство овладело мной, когда он ушел. Сажу в тени, никому незаметная, и наблюдаю, словно подглядываю за весельем. И не гипс тому виной. Не было бы его, пошла бы кататься с горы? Вряд ли, никогда не была любительницей острых ощущений. Мне нравилось, что я вижу всех, а меня — никто.

Захар возвращался, держа что-то в руках. На половине пути он резко развернулся, услышав свое имя. Какая-то девушка бежала к нему, поднимая в воздух снежную пыль. Налетев на него, чмокнула в щеку и что-то спросила. Жаль, ничего не слышу. Любопытно, кто это может быть. И вот они вдвоем уже направились в мою сторону.

— Знакомьтесь. Женя, — представил меня Захар девушке. — А это Ленка — моя сестра.

Живое, немного заостренное книзу лицо лучилось смехом. Вязаная шапочка съехала на бок, и тушь совсем чуть-чуть размазалась под глазами. Однако девушку это совсем не портило, а даже наоборот.

— Приятно познакомиться! — улыбнулась она. — А мы вот решили покататься, побеситься, в общем.

Хорошее у нее лицо, доброе. И какое-то знакомое. Но, наверное, все добрые лица чем-то похожи.

— Ой! А ты в гипсе что ли? — посерьезнела она. — Не вовремя, конечно.

— Лен, а когда вовремя? — засмеялся Захар. — Скажешь тоже...

— Ну, не знай... Никогда, наверное, — снова рассмеялась она. — Ну, глупость сморозила, и что?

— Думать надо.

— Не нуди, — пихнула она брата в бок. — Ладно, я пошла, а вы тут не скучайте.

И убежала, только ее и видели.

— Не очень вы похожи с сестрой, — посмотрела я на коренастого Захара с его суровым лицом.

— Мы от разных отцов. И потом... я уже старый. — Он протянул мне сверток, откуда выбивалась тоненькая струйка дыма.

— Что это? — Пахло умопомрачительно — жареным тестом и ванилью. — Это же пирожки с повидлом!

Как же давно я такие не ела! С детства, наверное. Уж и не думала, что их до сих пор готовят и продают. Длинные, круглые в диаметре, с большим количеством яблочного повидла внутри. Их складывают в пакет и присыпают сверху сахарной пудрой. Вкуснятина, ум отъесть можно.

Я съела три пирожка и поняла, что если позволю себе еще хоть один, то обязательно лопну. Захар оказался более стойким — он поглотил их не меньше пяти, пока не опустел пакет.

Снега насыпало прилично, и я зачерпнула горсть, чтобы смыть с рук сахарную пудру и почистить брюки, куда ее накидала тоже прилично. От тепла рук снежок быстро превратился в кусочек льда.

Пить хотелось нещадно. Словно прочитав мои мысли, Захар сказал:

— Попытка номер два пригласить тебя в кафе. Пошли, выпьем по чашечке кофе или еще чего?

На этот раз отказываться не стала. Кроме того, сидеть на лавке становилось холодно.

Опасения, что в кафе будет полно пьяных, сразу же развеялось. Многие столики были заняты, и сидели за ними в основном парочки, мило чирикавая друг с другом. Танцпол тоже не пустовал, но все было чинно и без разгульного угара.

Нас проводили за свободный столик. Не отпуская официантку, я тут же попросила принести бутылку колы.

— Любишь вредные напитки? — улыбнулся Захар.

— Безмерно! Торможу себя все время, чтобы не увлечься. Но иногда не получается... Да и не такая кола вредная, как говорят. Не вреднее любой газировки.

— А я ее терпеть не могу. Так. Посмотрим, что нам тут предлагают. — Захар раскрыл меню и принялся внимательно его изучать.

В тепле кафе меня разморило и начало клонить в сон. Я лениво смотрела по сторонам, пока внимание не сосредоточилось на Захаре.

Оказывается, он смуглый, чего раньше я не замечала. В полумраке кафе кожа его казалась бронзовой. Наверное, летом становится еще темнее. Стрижка хоть и короткая совсем, но достаточно стильная, мастерская. И за внешним видом следит, сразу видно. Синий батник явно куплен не на рынке — эксклюзивная, поди, модель. Да и спортивный зал посещает регулярно, судя по широким плечам и бицепсам.

— А почему ты решил стать ювелиром?

Не вязался он у меня внешне с представителями этой стариковской профессии. Скорее он походил на спортсмена или крутого бизнесмена. Хотя, может, ювелиров тоже можно отнести к этой области, не знаю. Никогда раньше не сталкивалась с ними.

— Вопрос, конечно, интересный. Только ответить на него не так-то и просто...

Захар задумался, и в этот момент как раз подошла

официантка. Принесла мне колу и поинтересовалась, не готовы ли мы сделать заказ.

— Закажем пиццу, одну на двоих? — предложил Захар.

Есть не хотелось, но от кусочка пиццы не откажусь. К таким продуктам я тоже испытывала слабость. Мы выбрали пиццу «Четыре времени года». Захар еще заказал ягодный чай, а потом сам продолжил разговор, напоминать не пришлось:

— В старших классах я обожал физику. Мечтал поступить на физтех. Поэтому и не ушел в училище после восьмого. А сразу после школы решил, что нужно повременить с учебой. — Он сделал паузу. Я ей воспользовалась, чтобы сделать несколько глотков колы. — Мать нас одна растила. Отец умер, я еще под стол пешком ходил. Со вторым мужем — отцом Ленки — у нее не сложилось, через год развелись. Вечно работала на нескольких работах. Она переводчик по образованию. И работу брала на дом. Сколько помню себя, вечно сидела вечерами напролет — переводила какие-то тексты, книжки...

От отца осталось много ювелирных принадлежностей. Были и побрякушки, но их мать постепенно распродала. В детстве мне нравилось играть в ювелира — настраивать лампу, рассматривать камни в лупу. Особенно часто я возился с весами и набором гирек. Там были такие малюсенькие — по десять миллиграмм. Что я только не взвешивал, даже перья из подушки.

Так интересно было наблюдать за Захаром, когда воспоминания его захватывали, взгляд затуманивался, а на губах появлялась легкая улыбка. В такие моменты он даже казался мне симпатичным и выглядел намного моложе.

— Первую самостоятельную вещь я смастерил еще в седьмом классе — золотое кольцо, на обратной стороне которого выгравировал мамино имя. Оно совсем простое, гладкое и без камней, но мама тогда сказала, что никогда не носила кольца красивее. Не представляешь, как я гордился, что она не снимает то, что я сделал своими руками. Но это была и единственная моя вещь. Пока не закончил школу.

У нас еще оставались запасы лома, от отца. Мать их не продавала, словно знала, что могут пригодиться. Первый год после школы я сознательно не поступал в институт, устроился работать грузчиком. А по вечерам пытался смастерить что-нибудь приличное, практиковался на кольцах. Камни покупал дешевые — фианиты, самоцветы... Мама все хвалила, хоть и далеки мои поделки были от ювелирных изделий. Это я сейчас понимаю.

Как-то маминой подруге приглянулось одно из моих колец. Она купила его, не поскупившись. А потом стали появляться и другие покупатели. Я обрастал клиентурой. Люди делали заказы

по моим эскизам. У меня появились деньги, чтобы арендовать закуток в промтоварном магазине. Клиентура разрасталась, денег становилось все больше, как и работы. В общем, об учебе я больше не думал. Сначала снимал квартиру под мастерскую, потом выкупил ее... Вот и все.

Несмотря на то, что вроде как Захар рассказывал о своем успешном становлении в жизни, осадок оставался грустный. Как-то все вынужденно получалось.

— И ты больше не мечтаешь поступить на физтех?

— Да, куда там! Я уже и забыл все, — невесело рассмеялся Захар.

В кафе мы засиделись допоздна. Захар меня о многом расспрашивал, пока я ему не рассказала почти все о своей семье в нескольких поколениях. Потом мы еще катались по ночному городу. Я себя поймала на мысли, что давно мне не было так хорошо. Даже физическая усталость была приятной.

Немного разочаровало поведение Захара, когда мы подъехали к моему дому. То ли он устал, то ли в принципе прогулка со мной не показалась ему интересной, но, пожелав спокойной ночи, он даже не вышел проводить меня до квартиры. Не то, чтобы я обиделась или нуждалась в его обществе, просто, наверное, привыкла к его заботе, а тут пришлось смой взбираться по лестнице на второй этаж.

Не успела я раздеться, как позвонила бабуля. Тот факт, что она будет звонить, чтобы сообщить, как добралась, я совершенно упустила из вида. Бабуля отругала меня за беспечность и черствость. Потом рассказала, что добралась она хорошо и приехала в Мурманск вовремя. Подруга ее слегла и надолго. Дочь тети Гали в очередном загуле. За детьми приглядывать некому. Конечно, мне меньше всего хотелось, чтобы бабушка, с ее сердцем и возрастом, занималась маленькими детьми, но мои возражения никто бы и слушать не стал. Раз она так решила, так тому и быть.

Пришлось пообещать бабуле, что буду звонить через день и докладывать, все ли у меня в порядке. Положив трубку, я поняла, что Новый год мне предстоит встретить без бабушки.

— Ты только глянь, какая красавица у нас уродилась. Ты моя прелесть, малюсенькая, но до чего же ладненькая получилась. Ну, тчи-тчи... не плачь, сокровище мое, — приговаривала мать, улюлюкая и сюсюкая.

«Уйди и унеси этот орущий сверток. Оставьте меня в покое, все!» Хотелось просто лежать с закрытыми глазами, никого не видеть и не слышать. Воспоминания о боли еще были свежи. Она словно унесла с собой желание жить, оставив одну постылость и пустоту в душе.

— Сейчас, моя кровинушка, мамка тебя покормит. Вера! — В голосе матери появилась сталь. — Посмотри на меня! Ребенок грудь хочет.

Кровать прогнулась под тяжестью ее тела. Я невольно открыла глаза. Мать сидела, тщетно пытаясь успокоить новорожденную. От ее крика вибрировало в ушах. Видно, придется накормить ее, чтобы замолкла.

— Дайте сюда, — сказала я, резко усаживаясь в кровати. Голова закружилась, и я откинулась на подушки. — Не могу больше слышать эти вопли.

— Ишь ты, какая нежная выискалась, — недовольно пробурчала мать. — Думаешь, ты не так требовала своего? Еще пуще орала.

Какой легкий кулек, невесомый практически. И шебуришится там что-то внутри. А запах... Я втянула носом ни с чем несравнимый аромат — тепла, нежности, беззащитности. В нем улавливалось что-то до боли знакомое, и в то же время это было совершенно новое ощущение. Захотелось прижаться носом к красному лобку, потереться об него, нанюхаться... Останавливало присутствие матери и внутреннее упрямство. Но как же быстро плавится лед в душе! Вот уже от него не осталось и следа.

Мать наблюдает за моей реакцией, вижу это боковым зрением. Не дожидется! Ни за что не покажу, какая буря чувств сейчас бушует во мне.

Что же ты так кричишь, малышка? И как же тебя будут звать? Сейчас мамка накормит тебя.

Грудь набухла и слегка пульсировала. По наитию сжала сосок, пока не выступила на нем водянисто-белая капелька.

— Молоко-то синюшное, — всплеснула руками мать. — Дите голодное будет. А батюшки! Придется с соседкой договариваться, от козы ее молока брать.

Как же мне хотелось, чтобы мать ушла сейчас, оставила меня

наедине с малюткой. Но нет, она сидела и пристально наблюдала, как я даю дочери грудь, правильно ли все делаю.

— Пусть берет не только сосок. А и околососковое место. Иначе, молоко будет идти туго, да и растрескается все. На стенки от боли потом будешь лезть. Нужно будет облепихой смазать опосля. А может, раздоишься еще, глянь, как припала. Даром, что маленькая, а аппетит-то нешуточный.

Так смешно причмокивает, глазки прикрыла от удовольствия. Губы начали растягиваться в улыбку. Вовремя опомнилась, нельзя, чтобы мать поняла, что я чувствую. Это теперь только мое, буду прятать глубоко в себе. Виду не подам. Никто не узнает, что люблю я тебя, малышка, уже больше жизни. Только тебя и люблю в этой жизни. И не важно, что напоминаешь ты мне отца своего — такая же светленькая и слабенькая. Хотя, о последнем еще рано судить, жизнь покажет, какая ты на самом деле.

— Как назовем-то? Может, Марией? — спросила мать, когда малышка насосалась и сонно откинулась.

— Нет. Нехорошее имя — судьбоносное. Пусть будет Любой.

— Любавушка, значит? А знаешь, подходит ей оно. Завтра батюшку пригласим, пускай окрестит.

Окрестит, так окрестит, хотя об этом я думала в последнюю очередь. Назову тебя Любавой, так, может, хоть тебе повезет в любви. Для матери твоей умерло это чувство. Осталась кроха для тебя — маленькой, а больше ни для кого.

Дверь скрипнула тихонько и показалась взъерошенная голова Григория. С бледного лица на меня смотрели покрасневшие глаза. Губы его дрожали, словно он собирался заплакать. Господи, до чего же он слабый! Как же ты мне противен, муж нареченный!

— Заходи, Гришенька, — мать ласково похлопала по кровати рядом с собой, — покушали мы и уснули. Дай сюда малышку, — она протянула руки. Я инстинктивно прижала ребенка к себе. Так бы и держала вечность, никому бы не отдавала. — Давай, давай, покормила и ладно. Отдыхай пока.

Нехотя протянула ей сверток. Еще бы разок прижаться к шелковистой коже. Но нет, нельзя обнажать свои чувства.

— Смотри, Гришенька, спит, как ангелочек. На тебя похожа наша Любавушка. Возьми, отец все-таки.

На последних словах в голосе матери прозвучала горчинка. Видать не одна я считаю Григория бесхребетным.

— Не надо, — замахал он руками. — Маленькая она, боязно. Ты как? — посмотрел он на меня.

Только ради этого он и пришел — справиться о моем здоровье. Опять это дикое обожание в глазах. И ребенок его не интересуется, и то, что похожа на него, не услышал. А я так надеялась, что

отвлечется на дочь, перестанет следовать за мной тенью, заглядывать в глаза и предугадывать желания. Извел он меня своими липкими ласками. Каждую ночь подавай ему себя. Опоштел, сил нет. Сколько еще это будет продолжаться? Год, два?.. Сколько еще я смогу вытерпеть? И нет сил не сравнивать его с тем, другим — жарким, уверенным, настоящим.

— Пойду, положу Любавушку в колыбельку, — вздохнула мать, утирая одинокую слезу.

— Мама, — позвала я, когда она уже переступала порог. — Перенесите кроватку сюда. Нечего вам вскакивать по ночам, когда придет пора кормить. Сама я...

Не успела за матерью закрыться дверь, как схватил Григорий мою руку. Тискает, целует ее, словно помешанный.

— Отпусти! — насили вырвалась. — Не видишь, плохо мне еще, родила же только. Да и нельзя мне месяц ничего. Уйди, пожалуйста, спать хочу.

Хоть месяц долгожданного покоя, а там видно будет.

* * *

Сны начинали тяготить меня. Если раньше я воспринимала их, как кино, в котором играю главную роль, то сейчас склонялась к мысли, что они преследуют меня. Я не могла отвлекаться на что-то другое, не думать, не вспоминать. Во мне жили ощущения, что я переживала во сне. Невольно постоянно проигрывала в голове сцены, участницей которых становилась. Мое настроение теперь всецело зависело от сна, от его атмосферы. И неважно, что видела жизнь Веры не каждую ночь. Настроение сохранялось до следующего сна.

Мне навязывали чужую жизнь, с ее радостями и переживаниями. Кому и зачем это было нужно, ума не прилагала. Я испытывала все те чувства, что пережила когда-то Вера. В том, что все это было на самом деле, я не сомневалась. И пусть видения выглядели отрывистыми, вырванными из повседневности, картинка жизни Веры складывалась у меня целиком, словно то, что я не переживала во сне, плавно протекало параллельно с моей настоящей жизнью.

Я тосковала по ребенку — такому маленькому, беззащитному. Волновалась, все ли в порядке с девочкой — Любавочкой. Снова хотелось взять ее на руки, прижать к себе хрупкое тельце, приголубить, вдохнуть ни с чем несравнимый аромат. Но сон не повторялся. Всю следующую неделю мне вообще ничего не снилось.

А еще пропал Захар. Не приходил, не звонил. Понятно, что он и не обещал ничего, но я скучала. Дни проходили в безделье — читала, смотрела телевизор... Изредка выбиралась в магазин. Нога уже и не болела, но передвигаться с гипсом было жутко неудобно.

В пятницу, когда я совсем извелась от скуки и одиночества, заявила Наташка. Вид у нее был, прямо скажем, плачевный — лицо бледное, губы дрожат, глаза красные наплаканные.

— Ну, рассказывай, что у тебя опять стряслось? — усадила я подругу в кресло и приготовилась внимательно слушать.

К бабке не ходи, Наташа рассталась со своим бойфрендом. Иногда мне казалось, что расстается она чаще, чем начинает встречаться, как бы противоречиво это не звучало.

— Толик меня предал, — трагически закатив глаза, прошептала подруга.

Наводящих вопросов я задавать не стала, терпеливо ждала продолжения. Наташа относится к типу людей, которые живут по принципу «вся жизнь — театр». Она не может просто жить — решать проблемы по мере их поступления, к чему-то стремиться, думать о будущем. Она играет одной ей известную роль. И сценарии ролей, особенно любовного характера, она пишет сама. Вот и сейчас, голову даю на отсечение, что не случилось ничего катастрофического. Скорее всего, Толик ей просто надоел, но признать даже самой себе она в этом не может, вот и придумала какую-нибудь трагедию на ровном месте.

— Представляешь, он отказался отвечать на самый безобидный вопрос!

Я даже не пыталась себе представить, что такого она могла у него спросить. С Толиком Наташа встречалась уже больше месяца. И, когда она рассказала, что на время отсутствия его родителей перебирается к нему жить, я почему-то решила, что на этот раз у нее появилось то самое — настоящее. И Толика я представляла себе натуральным — не пустобрехом, у которого на уме одни развлечения. А еще из того многообразия, что рассказывала о нем Наташа, я поняла, что он ее любит.

— Мы ужинали, мило беседовали... Ну, я и спросила, скольких девушек он любил по-настоящему. А он мне, мол, тебя я люблю. Я ему — ну любил же ты кого-то до меня, возможно, сильнее меня. А он — отстань и не задавай глупых вопросов. А что я такого спросила? Ничего же особенного. Я ему так и сказала. Тут слово за слово... Я ему все высказала — какой он черствый, скрытный. Говорю, ведь я же ничего от тебя не скрываю и про бывших своих рассказываю. — В этом месте Наташа еще более трагично всхлипнула и уткнулась в платок. — А он

вскочил, бросил ложку на стол и ушел из кухни. Представляешь? Я захожу в комнату, а он на меня ноль внимания — сидит, в телевизор пялится. Ну, тогда я взяла и ушла.

Она с мольбой смотрела на меня, ожидая поддержки, но в глубине ее глаз плескалась догадка о собственной неправоте.

— И часто ты ему рассказывала о своих бывших? — решила все-таки спросить я.

— Бывало...

Наташка скисала на глазах — спина сгорбилась, плечи опустились, глаза вновь наполнились слезами. Кажется, она начинала прозревать, что Толик — это что-то особенное в ее жизни. На короткий промежуток времени она спустилась с подмостков и стала самой собой.

— Думаешь, я зря все ему рассказывала?

Ну, конечно, зря, дуреха! Представляешь, как ты ранила его все время, если он любит тебя по-настоящему? Вот и его терпению пришел конец. Но вслух я всего этого говорить не стала, незачем, Наташа и так все поняла правильно.

— Господи! Какая же я дура! — Она обхватила голову руками и прижала ее к коленям. — Что же теперь делать?

Я не считала ее ситуацию непоправимой и так ей и сказала. Главное, что она поняла свою ошибку сейчас и не повторила ее потом.

— Как думаешь, может позвонить ему? — Она покосилась на телефон.

— Думаю, именно это и нужно сделать.

Ее, как ветром сдуло из кресла. Не хотелось становиться свидетелем их примирения, и я вышла из комнаты. Даже воду включила на кухне, чтобы не слышать их разговора. Во-первых, это очень личное, а во-вторых, я завидовала подруге и ничего не могла с собой поделать. Душу затопила грусть и тоска неизвестно по чему или кому. Вспомнился Иван и то чувство, что я испытывала к нему во сне. Меня окатило волной всепоглощающей любви. Захотелось увидеть его черные глаза, почувствовать его руки на себе, прижаться к его широкой и надежной груди. Так мне этого всего захотелось, что даже дышать стало трудно. И одновременно я отчетливо осознала, что никогда этого не будет. И такая безысходность навалилась, так стало жалко себя.

— Ну ты чего там застряла? — услышала я голос Наташи. — Выходи уже, проводи меня.

Я пряталась в ванной, пыталась привести лицо в порядок после горьких слез. Умывалась, обмахивалась... Посмотрелась в зеркало. Вроде следов слез не видно.

Наташа светилась от счастья.

— Мы помирились, и я убегаю.

— Здорово!

— Что за кисляк на лице? Ты не рада за меня?

— Рада, конечно, не говори глупостей. Просто, устала и спать хочу, — ответила я первое, что пришло в голову. Уже то хорошо, что Наташа не заметила моего заплаканного вида. Счастье застит глаза.

— Как твоя нога, кстати? — спохватилась Наташа, готовая выскочить за дверь.

— Хорошо, не переживай, — успокоила ее я.

Нога меня сейчас, действительно, заботила меньше всего. Да и не болела она. А вот душа моя беспокоила меня всерьез. Угораздило же влюбиться в человека, который жил неизвестно сколько лет назад.

Одна мысль не давала мне покоя — почему Вера не осталась с Иваном, наплевав на мнение и авторитет родителей? Я бы именно так и поступила. Ну, возможно, не наплевав. Попыталась бы убедить сначала, уговорить, рассказать им о своей любви. Если бы все оказалось напрасно, то пошла бы против их воли, но осталась бы с любимым.

Вывод напрашивался сам — Вера не любила Ивана. Наверное, он ей нравился, ее тянуло к нему. Все это она могла запросто принять за любовь. Но это не так. А вот в его глазах я видела свет того самого — настоящего чувства. Из них двоих любил он. Я даже представить боялась, как, должно быть, он себя чувствовал после расставания.

Мне и Григория было жалко, хоть я и испытывала к нему все то, что испытывала Вера. Даже во сне я могла рассуждать отвлеченно, одновременно быть Верой и наблюдать за ней со стороны. Не относилась она к тем женщинам, что любят слепое обожание. Да и не в этом дело. Я понимала, отчего так сильно страдает Вера. Слава богу, мне не пришлось испытать этого на себе. Но догадаться было не сложно, что отвратительна именно плотская сторона ее супружеской жизни. Я тоже мало об этом знала, только в теории. Но даже представить не могла, что до меня дотрагивается кто-то неприятный мне.

Все запуталось и усложнилось. С появлением этих снов, жизнь моя изменилась, и я сама стала другой. И все это не мое, чувствовала. Не радовали меня такие перемены, напротив, угнетали. Так часто, как в последнее время, я никогда еще не впадала в уныние и не ловила себя на мысли, что закончилась пора беспечной юности.

На следующей неделе я сходила в больницу и сделала рентген, как велел врач. Кость срасталась отлично. Травматолог обещал пораньше снять гипс, что меня особенно порадовало. Надоел он жутко! Просыхал плохо, кожа под ним зудела постоянно... Я даже предпринимала попытки почесать — просовывала под гипс спицу. Скорее бы закончилось это испытание. Мысль, что за неделю до Нового года я освобожусь от этого куска пластика, вселяла в меня оптимизм. Немного огорчало, что больничный мне закроют не раньше окончания новогодних каникул. Значит, период безденежья затянется. Правда, на работе вроде как обещали премию по итогам года. А еще не радовало, что предновогоднюю неделю придется потратить на поездки в больницу — мне назначили пять сеансов прогревания. Все люди как люди, будут готовиться к празднику, а я, как сайгак, скакать из автобуса в автобус, потому что в больницу ехать с двумя пересадками, а на такси не напасешься. Хотя, это все равно лучше, чем сидеть дома безвылазно.

Захар пришел, когда я уже перестала думать о нем и ждать.

— Как дела? — как ни в чем не бывало, спросил он.

— На западном фронте без перемен, — буркнула я, не боясь показаться негостеприимной.

Явился, не запылится. А вас уже и не ждали.

— Ремарка цитируешь? Неплохо... Как нога?

— Отлично! С гипсом сроднилась.

— А чего ты, как ежик?

— А ничего!

Вот и поговорили. Я развернулась и пошла в комнату, предоставив Захару самому решать, хочет он уйти или все-таки останется.

Он захотел остаться, потому что тут же я увидела его довольную и самоуверенную физиономию.

— Что-то не нравится мне твое настроение, — сказал Захар, усаживаясь в кресло. — Хандришь?

— Еще чего! Даже и не собиралась.

— А хочешь посмотреть мою мастерскую? — неожиданно предложил он.

Не то чтобы я очень хотела, но до такой степени надоело сидеть дома, что я тут же согласилась. Надо было поломаться для приличия, запоздало посетила мысль. С другой стороны, Захар не из тех, что станут упрашивать, развернется, да уйдет, а я опять останусь скучать. Наташка с новым рвением окунулась в любовь

— с того вечера, как лила у меня слезы, больше не появлялась. Позвонила два раза для приличия и все. Вечерние разговоры по телефону с бабулей тоже мало развлекали, хоть она и рассказывала много интересного про внука тети Гали. Если ей верить, забавный малыш — на ангелочка похожий. Тетя Галя тоже шла на поправку, и бабуля уже было надумала вернуться к Новому году, но ее уговорили там остаться на праздник. Чтобы она не рвала себе сердце, я пообещала ей, что скучать не буду, придумала веселую компанию, куда меня уже якобы пригласили.

Зима окончательно вступила в свои права. И в этом году она ложилась ласково, постепенно. Не было резких перепадов. Весь декабрь температура не опускалась ниже десяти градусов. И не поднималась тоже. Если разгуливался ветер, то обязательно с обильным снегом. Хлопья кружились в воздухе, создавая сказочную атмосферу, особенно по вечерам. В такие моменты я любила наблюдать из окна за праздничным ненастьем.

— Прошу, Снегурочка! — Захар распахнул дверцу машины и сделал приглашающий жест.

— Почему Снегурочка? — спросила я, когда он занял водительское сидение.

— Потому что в этом пуховике ты на нее похожа.

Странно. Пуховик у меня белый и дутый. Скорее я в нем похожа на снеговика. А Снегурочка мне всегда представлялась в нежно-голубой шубке. Но, Захару я всего этого не стала говорить, опасаясь нового приступа веселья и искрометного юмора.

— Как дела у Лены? — вежливо поинтересовалась я.

— Нормально, учится. Она и дома-то не бывает. Хотя, хорошо, что она любит погулять, иначе бы не дала спокойно поболеть.

— Что? Ты болел?

— Да свалился с температурой. Вирус, наверное, подхватил. Мать неделю не разрешала вставать с постели.

Вот оно что? Он, оказывается, болел. А я-то думала... А что я, собственно, думала? Да, ничего особенного. Даже если бы он не заболел, кто сказал, что он обязан приходить ко мне или интересоваться мною вообще? Наверное, я просто привыкла к нему за те несколько дней плотного общения, вот и напридумывала невесть что.

— Почему не позвонил?

Хотя, он не знает моего домашнего телефона. Но, ведь, мог узнать по адресу!

— А зачем? — равнодушно отреагировал Захар. Мне даже обидно стало. — Кстати, напиши номер своего мобильного, — Захар достал из бардачка лист бумаги, — вдруг понадобится.

Первой реакцией была нагрубить ему и сказать, что не понадобится. Вовремя взяла себя в руки, чтобы не показаться истеричкой. Чего я вообще к нему привязалась? Ну, развлекает меня человек, как может. Он и этого не обязан делать. Веду себя, как избалованная барышня, у которой отбоя нет от любезных кавалеров. Эта мысль показалась мне до такой степени смешной, что не выдержала и разулыбалась.

— Рад, что настроение твое стремительно улучшается, — заметил улыбку Захар.

Знал бы ты, отчего!

— Что бабушка, не собирается возвращаться? — вновь заговорил Захар.

— Что значит, не собирается?

Мне стало обидно. Вопрос Захара прозвучал настолько равнодушно, словно он только для того его и задал, чтобы заполнить неловкую паузу. И ладно бы спросил какую-нибудь ерунду. А тут...

— Я не так выразился, — поморщился он. — Хотел спросить, когда она вернется.

— В январе.

Я отвернулась к окну. Не покидало неуютное чувство, что Захар заставляет себя общаться со мной. Не могла отделаться от мысли, что в тягость ему. Но ведь я не навязываюсь! Тогда, зачем?

— Какие планы на Новый год?

Равнодушный допрос продолжался. От гнетущего ощущения захотелось поелозить в кресле и усестись поудобнее.

— Пока никаких. Рано еще строить планы.

А появятся ли они у меня завтра или через неделю? Вариантов не так уж и много. Можно напроситься встречать новый год с Наташей и ее парнем. Скорее всего, она первая предложит это. Но мне совершенно не хочется быть третьей лишней. Девчонки с работы собирались веселиться всю новогоднюю ночь в клубе. И меня звали. Правда, было это еще до больничного, и уже тогда я отказалась. Еще была одинокая соседка — тетя Света. Мы с бабушкой приятельствовали с ней и запросто ходили друг к другу в гости. И, в крайнем случае, я могу, прихватив бутылку шампанского и что-нибудь из закуски, постучаться к ней незадолго до двенадцати. Она пустит и даже рада будет. Но этот вариант я рассматривала, как самый запасной. Оставалась ночь перед телевизором в празднично украшенной квартире и в полном одиночестве.

— Ладно, придумаем что-нибудь.

Я даже вздрогнула от неожиданности, так задумалась.

— В смысле?

— Я о планах... Новый год же! Хочется чего-то особенного, запоминающегося... на всю жизнь, — добавил Захар после короткой паузы.

Показалось мне или сказал он это как-то грустно, даже с тоской? Я украдкой взглянула на него. Выглядит вроде обычно — внимательно следит за дорогой. Может челюсти только сжал чересчур сильно, вон желваки как ходят.

Станный он какой-то сегодня, неразговорчивый. Может, обиделся? Не похоже. Тогда, на площади, да и потом в кафе он был совсем другим. Я даже ловила себя на мысли, что вспоминаю нашу прогулку, словно это было свидание.

Захар свернул с дороги и остановился возле небольшого крыльца со скромной вывеской «Мечта». Я догадалась, что это и есть его мастерская. Смеркалось, и разноцветные лампочки весело мигали, переливаясь волнами.

— Красиво! Здорово ты это придумал, — кивнула я на крыльцо.

— Ты про иллюминацию? Это не я... требование властей — украсить центр города.

Я оглянулась. А ведь действительно — центральная улица, которую жители города называли Малым арбатом, была застроена пятиэтажными домами сталинской планировки, с высокими потолками и просторными комнатами. Почти все квартиры на первых этажах занимали офисы и бутики, и все они блистали иллюминацией. Такие разные, но одинаково праздничные. Я редко бывала в центре, разве что на день города, когда в парке разворачивались грандиозные представления. В магазинах тут все дорого, не для моего кошелька, и из знакомых никто не жил в этом районе. Поэтому была приятно удивлена атмосферой приближающегося Нового года.

— Все равно красиво, — сказала я скорее себе, чем Захару, который уже отпирал тяжелую металлическую дверь и вряд ли слышал меня.

Я ожидала увидеть что-то по-домашнему уютное, поэтому евроремонт в стиле хай тек слегка обескуражил. Из просторного коридора сделали что-то типа приемной с двумя креслами и журнальным столиком неправильной геометрической формы. Часть коридора отсекала офисная стойка. За ней, как я догадалась, сидел Захар, когда принимал посетителей. Кроме стола и стула там ничего не было, да и не поместилось бы. На столе какие-то приспособления, наверное, предназначенные для быстрой ювелирной оценки.

— Ты идешь? — Захар открыл «калитку», как я ее назвала, в стойке и ждал, когда я войду.

Дальше вела дверь, тоже достаточно массивная, мало уступающая входной. Захар нашел нужный ключ на увесистой связке и открыл замок, пропуская меня вперед.

Мы оказались в большой комнате, по периметру уставленной мебелью с множеством одинаковых выдвигаемых ящичков. Перед окном была устроена рабочая зона с длинной столешницей и таким количеством аппаратуры, какого я сроду не видела. В центре комнаты стоял помпезный кожаный диван с двумя креслами и столик, наподобие того, что в приемной, только намного больше. Стол был завален бумагами. Создавалось впечатление, что убираются тут не очень часто.

— Вот тут я и работаю. — Захар щелкнул замком на двери. До этого он то же самое проделал с входной. Сама не знаю почему, возникла мысль, что я тут пленница. — Располагайся, — кивнул Захар на кресла, — пойду сварю нам кофе...

Только тут я заметила, что из комнаты ведет еще одна дверь, скорее всего в кухню.

Я утонула в кресле, которое оказалось на удивление мягким, воздушным. Возможно, и стоило пойти помочь Захару, но желания не было. Хотелось просто сидеть в тишине, ни о чем не думать и смотреть по сторонам. Интересно, что во всех этих ящичках? Драгоценности? Вряд ли.

Вернулся Захар с подносом. Он поставил на стол вазу с печеньем, еще одну — с конфетами и две чашечки с ароматным кофе. Я не выдержала и спросила его про ящики.

— Половина из них сейчас пустует. А вообще это клиентские ящики, я там держу заказы, готовые или нет... разные. Видишь, на каждом из них стоит номер? Такой же я пишу в карточке клиента. Так удобно, что-то типа системы, — усмехнулся Захар.

Никаких номеров я раньше не заметила, а сейчас пригляделась — действительно, в нижнем левом углу стояла цифра. Но цвет ее не сильно отличался от цвета ящика, поэтому и не бросался в глаза.

— Хочешь посмотреть мои работы?

Разговор не клеился, и росла неловкость. Я обрадовалась возможности чем-то заняться. Немного разочаровалась, когда вместо украшений Захар протянул мне обычный фотоальбом.

— Не думаешь же ты, что мастерская завалена готовыми изделиями? — рассмеялся он, заметив выражение моего лица и правильно истолковав его. — Я работаю под заказ. Редко когда что делаю просто так — для себя или на продажу. Но привык фотографировать свои работы на память.

Какие красивые кольца, браслеты... есть даже бусы, цепочки — в палец толщиной, помпезные такие, и не толще нити —

элегантные сверх меры. Такое разнообразие, и все не похоже друг на друга. С трудом верилось, что это мог сделать один мастер.

— А на чем ты специализируешься? — спросила я. Меня действительно заинтересовало, что он делает лучше всего.

— На всем. Я решил освоить все тонкости мастерства ювелира. Понимаешь? Может быть и тщеславно, но хочу, чтобы люди, вспоминая меня, говорили, этот был мастер от бога — умел все.

Почему опять в смехе Захара мне почудилась грусть и самоирония? Он не сказал ничего особенного, и желание его естественное. Так почему складывается впечатление, что он презирает себя же, за то, что смеет мечтать о подобном?

Некоторые изделия поражали простотой и оригинальностью одновременно, другие царапали глаз броскостью, нарочитым богатством. Последние тоже не лишены были изящества, но его казалось в излишке.

— А как люди объясняют тебя, что бы хотели?

— А кто как... Некоторые даже пытаются рисовать. Тут главное слушать внимательно и делать заметки. Потом я набрасываю эскиз по их описаниям. Бывает, вместе мы что-то подправляем. А дальше уже дело техники.

— Это они? — Я взглянула на кипу рисунков в карандаше, высящуюся на столе.

— Черновые варианты, — кивнул Захар. — Чистовики в ящиках заказов.

— Интересно, наверное? — спросила я, не имея в виду что-то конкретное, а скорее, работу в целом.

— Когда как. — Захар пожал плечами, явно не собираясь развивать эту тему.

По его лицу невозможно было определить, действительно ли ему нравится его работа. Скорее всего, любил он в ней творческую составляющую. Но клиенты, ведь, встречаются разные. Наверняка, порой случаются конфликты, разборки. Есть такие, которым трудно угодить. Вот эта сторона в работе, скорее всего, Захара не устраивала. Такие выводы я сделала, опираясь на собственное представление о нем, а, может быть, я пыталась поставить себя на его место.

Я молча продолжала листать альбом, прихлебывая кофе и чувствуя, что Захар наблюдает за мной. От пристального внимания становилось совсем неловко. Последние страницы я просмотрела галопом, лишь бы скорее вернуть альбом владельцу и избавиться от его взгляда. Синхронно я разделалась с кофе, так и не притронувшись ни к конфетам, ни к печенью. Только тогда испытала облегчение, когда Захар снова скрылся в кухне.

От нечего делать я принялась рассматривать карандашные наброски. Видно было, что все они выполнены наспех, на одинаковых листах. Заметив пожелтевший уголок, я потянула за него и в первый момент не поверила своим глазам. На листе была нарисована та самая брошка, что я нашла недавно в бабушкином сундуке. Это не набросок — над эскизом трудились долго, прорисовывая каждую деталь. Лист пожелтел от времени, и я четко осознала, что лет ему столько же, сколько и броши. Руки дрожали от волнения, на лбу выступила испарина, когда я догадалась, что работа принадлежит Ивану. Перед мысленным взором предстал образ такой, каким запомнила его в момент расставания, когда он собирался на ярмарку.

— Чем займемся? — донесся с кухни голос Захара.

Мгновенно я засунула лист обратно. Догадывалась, что не планировали мне его показывать.

— Ты чего молчишь? — Голова Захара показалась в дверном проеме. — Я сейчас, посуду домою, а то скопилось... и поедем.

В голове царил хаос, никак не могла сосредоточиться на словах Захара. Откуда у него рисунок? Что вообще все это значит?

— Жень, — позвал Захар. Лицо его выражало недоумение. — С тобой все в порядке?

— Да, все хорошо. Отвези меня, пожалуйста, домой.

Свой голос слышала словно со стороны. Показался он мне каким-то механическим, как у робота.

— Домой? Чего так? Я думал, мы погуляем, воздухом подышим.

— Нет! — Я трянула головой, разгоняя оцепенение. — Хочу домой, устала.

— Ну ладно. — Голос Захара вновь стал скучающим. — Странная ты сегодня какая-то.

Не могу сказать, что проскучала всю следующую неделю. С одной стороны, почти ничего не делала по дому и никуда не выходила. Основную часть времени проводила на диване с книгой или щелкала пультом, переключая каналы на телевизоре. С другой стороны, пару раз съездила на работу — там царил такая запарка, что два других оператора не справлялись еще и на моем участке. Наташка забегала почти каждый вечер и развлекала меня рассказами о собственном счастье. Могла бы и не говорить, и так все было видно — светилась, ослепляя, как дальний свет фар. Захар не приходил, зато звонил регулярно и справлялся о моем здоровье. Да и с бабулей мы вели долгие вечерние беседы по телефону.

Иногда мне даже хотелось, чтобы меня на какое-то время абсолютно все оставили в покое — дали подумать как следует. А подумать мне было о чем. О рисунке, который нашла у Захара в мастерской. Меня заиклило на этом. Но все мысли плавали где-то на поверхности, словно что-то не пускало их на глубину. У меня так и не появилось более или менее разумной догадки, откуда у Захара мог взяться этот эскиз. Чем больше думала, тем сильнее запутывалась. Одна мысль настойчиво сверлила сознание — наша встреча с Захаром неслучайна. Не верила я в такие совпадения. Если все подстроено им, то становилось понятно, почему он временами так нелогично себя ведет, да и перепады в его настроении начинали выглядеть более естественными.

В пятницу мне сняли гипс, и возвращалась я домой в ужасе от увиденного в больнице. Моя нога, в том месте, где ее сдавливала пластиковая повязка, сплошь оказалась покрыта гнойничками. Она, конечно, зудела, особенно нещадно в последние дни, но я не думала, что все так запущенно. Врач уверял, что через пару дней от сыпи не останется и следа, но верилось в это с трудом.

Дома первым делом я приготовила некрепкий раствор марганцовки и вымачивала в нем ногу. А ведь и правда — уже через полчаса после ванны гнойнички начали присыхать. Оставалось надеяться, что за выходные все пройдет.

Вечером пришла Наташа и компетентно заявила, что быстрее моей ноге поможет ванна с морской солью. Она даже сбегала домой и принесла пакетик.

— Она ароматизированная, правда, но, сойдет. Перед сном разведи половину в ведре и поддержи ногу минут двадцать, — велела она. — Эх, сейчас бы оказаться на море, — блаженно потянулась Наташа. — Представляешь, тут зима, а мы на пляже?

Ляпота...

Она ездила пару раз на море с отцом. Я же его могла только представить. Поэтому, наверное, не больно и хотела. Гораздо сильнее меня манили горы. Никогда не забуду, как ездили с бабушкой в Тбилиси к ее приятельнице. Было мне тогда лет семь от силы, но воспоминания об исполинах с заснеженными вершинами нет-нет, да всплывали в памяти. Особенно запомнился дом на горе с большим балконом, нависающем над обрывом. Тогда я дала себе слово — поселиться когда-нибудь именно в таком доме. Даже не знаю, в каком возрасте я представляла себя там, но неизменно на балконе, в кресле качалке и укутанной в теплый плед.

— Слушай, мы с Толиком собираемся снять домик на турбазе на Новый год. Присоединишься? — вырвала меня Наташа из воспоминаний.

— Вдвоем собираетесь встречать?

— Втроем, если ты согласишься.

— И зачем я вам? — засмеялась я, видя откровенное нежелание подруги, чтобы я соглашалась.

— А у тебя другие планы? — тут же ухватила Наташа.

— Наметки имеются, — соврала я.

— Ну-ка, ну-ка, поподробнее...

— Не приставай. Вот когда определюсь, расскажу.

Хоть в Наташе и жила актриса, скрыть облегчение она не смогла. Наверное, боялась, что я соглашусь и испорчу их романтическую ночь. За кого она меня принимает? Даже немного обидно стало и, как всегда, жалко себя. Но виду я не подала, вместо этого понесла какую-то чушь про запарку на работе, плавно переводя в рассказ о бабушке и ее жизни в Мурманске.

Мелькнула мысль поделиться с Наташей соображениями о находке в мастерской Захара. Но я ее тут же отбросила. Не потому, что не доверяла подруге. Побоялась, что своими предположениями она меня собьет с мысли, которая пока не оформилась, но уже становилась отчетливее. Чувствовала, что еще чуть-чуть, и я вспомню что-то очень важное, и это приподнимет завесу над тайной.

Когда Наташа уже собралась уходить, пришел Захар. Я сразу напряглась, потому что подруга включила рентгеновское зрение. Это была их первая встреча. Как могла, представила их друг другу. Кто такая Наташа, я знала наверняка, а вот в Захаре сомневалась все сильнее. Так и пришлось обозвать его случайным знакомым, который решил принять активное участие в моей судьбе.

Наташа вежливо отвечала на стандартные вопросы Захара, не

переставая изучать его. Думаю, выводы мне еще предстоит выслушать. Уходя, она украдкой показала мне большой палец руки.

— Как дела? — спросил Захар, когда я закрыла за Наташей дверь.

Он стоял в коридоре, привалившись к стене, и закрывал собой свет от лампочки. Выражения лица его я не видела.

— Нормально.

Он так и не посторонился, когда я подошла. Пришлось протискиваться бочком, коридор-то тесный.

Как всегда повисла неловкость. Интересно, почему мы не можем общаться с ним нормально? Вот даже сейчас — стою посреди коридора и не знаю, куда пригласить его и о чем с ним говорить.

— Хочешь чай или кофе? — решила проявить вежливость.

— А пожевать что-нибудь есть? Целый день не ел.

Захар, наконец, отлепился от стены и первый пошел на кухню. Наверное, в отличие от меня, неловкости он не испытывал. Ладно хоть в холодильник не полез, а скромно уселся за стол.

И чем мне его угощать? Сама-то обхожусь бутербродами. По пути с больницы купила колбасы и сыра, нажарила себе картошки и наелась от пуза.

Пока нарезала хлеб, вспомнила про закрутки на зиму. Достала из чулана соленые огурцы и салат из баклажанов. Хотя какое, но разнообразие. Стараюсь для него, как для важного гостя. Хотя бы сказал что — сидит, наблюдает... Может, я хлеб режу неправильно, или толщина колбасных ломтиков не такая, как нужно, получается?

Сервируя стол, я поставила перед Захаром тарелку и с облегчением опустила на стул.

Какое-то время Захар сосредоточенно жевал и не смотрел на меня. Потом, словно, решил — даже отодвинул тарелку с недоеденным бутербродом.

— Можешь сказать, что нашло на тебя в мастерской? Почему так резко испортилось настроение?

Он внимательно смотрел на меня. Я поняла, что невольно ждала этого вопроса. Вот он шанс — вывести его на чистую воду.

— Одну минуту...

Я ушла в комнату, стараясь не обращать внимания на его удивление. Достала брошь из серванта и рассмотрела ее как следует. Не покидало чувство, что делаю это в последний раз. Так — в последний раз. Все изменится, как только я покажу ее Захару. Интуиция кричала об этом во весь голос. Она перестанет быть,

хоть и старинным, но просто украшением.

— Узнаешь? — Я положила брошь перед Захаром.

Что стало с его лицом! Он, не отрываясь, смотрел на брошь, но в руки не брал. И выражение было такое странное — смесь безразличности и заинтересованности, словно перед ним извивалась редкая, но жутко ядовитая змея.

— Знакомая вещь? — повторила я вопрос.

— Первый раз вижу, если ты об этом.

Я наблюдала за лицом Захара. Сейчас он нацепил маску упрямого равнодушия.

— Но ты знаешь о ее существовании. Ведь так? — не отставала я.

— Ну, знаю, — кивнул Захар.

— Может, расскажешь?

— Да, рассказывать-то особо нечего.

— Откуда у тебя рисунок броши?

— Его сделал мой предок.

Захар отвечал неохотно. Слова приходилось тащить из него. Меня это порядком выводило из себя. Сидит тут, весь такой загадочный, выдает по слову в минуту. А ведь меня это тоже касается!

— А предка зовут Иван?

— Откуда знаешь?

— Оттуда.

— Давай уже, рассказывай!

Захар встал из-за стола, подошел к холодильнику и оперся на него, скрестив руки на груди и в упор глядя на меня.

Что за хамское поведение? В ответ хотелось грубить, отмалчиваться, только не разговаривать нормально. Но так мы не сдвинемся с мертвой точки. Наверное, придется мне начать первой.

— Ладно, слушай. В общем-то, я сама про эту брошь узнала недавно...

Я рассказала ему все с момента находки. Умолчала только о чувстве к Ивану, что прятала глубоко в себе.

— Значит, тебе снятся сны.

— И не только мне, заметь. Их видели все женщины в нашем роду.

— Но не так, как ты, верно?

Захар принялся вышагивать по моей сравнительно небольшой кухне, в которой сразу стало тесно. Я вжалась в стул и подмывала под себя ноги, чтобы он ненароком не споткнулся.

— Ну... наверное. Теперь твоя очередь.

Захар меня не слушал, думая о своем. Таким

сосредоточенным я его еще не видела. Даже интересно стало, во что выльются его размышления. Сейчас, как никогда, я понимала, что в моей жизни происходит что-то странное, и прежней она не станет никогда. И встреча с Захаром не случайна. Кстати, это он мне тоже должен объяснить. Вот тут и нашлась последняя деталь паззла. В голове что-то щелкнуло, расставляя мысли по местам.

— Захар! — позвала я. Получилось это слишком громко, потому что он резко остановился и в непонимании уставился на меня. — Как ты узнал про меня? — Он уже собирался было ответить, как я перебила: — Не стоит выдумывать что-то на ходу. Лена, да? Это ведь она была тогда в больнице, когда я показала брошь бабушке.

Я вспомнила тот вечер и девушку на соседней койке. Не зря лицо сестры Захара показалось мне знакомым. Именно она лежала с бабушкой в одной палате. Правда, всего два дня, но их хватило, чтобы судьба свела нас с ее братом.

— Да. Это она рассказала мне про брошь.

— И ты решил спровоцировать несчастный случай, чтобы познакомиться со мной.

— Не совсем так. Тогда я на самом деле едва не задавил тебя. Я только думал, как все обыграть, как ты бросилась под колеса.

Даже если он врет, то это лучше, чем то, что подумала я. Оставалось выяснить, зачем я ему понадобилась, и как он связан с этой брошью.

— Рассказывай, давай. Теперь твоя очередь.

Захар опустился на стул, и получилось у него это как-то по-стариковски. Он весь ссутулился, зажав кисти рук коленями. На меня не смотрел, разглядывал пол.

— Тот Иван — мой родственник, предок, — начал Захар.

Я получила то, что хотела. Интересовала меня дальнейшая судьба Ивана? Так я узнала о ней. От услышанного волосы зашевелились на голове от ужаса.

После той памятной ночи, когда Иван подарил брошь Вере, они больше не виделись, вернее, не разговаривали. Затаился он на время, решил бороться с любовью. И если бы только с ней. Гораздо сильнее было чувство ненависти, что испытывал к бесхребетному Григорию. Не мог не представлять Веру в его объятьях. Это превратилось в наваждение. Как ни гнал эти мысли от себя, они все время возвращались. И чудилось ему уже, что Вера отвечает мужу взаимностью. Знал бы наверняка, что нет этого и в помине, успокоился бы, наверное. А так ненависть его только росла.

Однажды ноги сами принесли его в соседнее село, к дому Григория. Увидел он во дворе, как Вера играет с малышкой

Любавой. Такой счастливой она ему показалась. Это стало последней каплей. Задумал он убить ее мужа и своего соперника. И повод скоро представился. Подкараулил он Григория, когда ехал тот на рынок, и зарезал. А потом сам сдался властям. Думал, что светит ему верная смерть за содеянное. Не хотел дальше жить. Но осудили его на каторжные работы и отправили вскоре на крайний север, где он и сгинул, но только через восемь лет. А после себя оставил сына, от которого и продолжился род Захара.

Я сидела потрясенная. Не ожидала, что любовь может породить настоящую трагедию. Смущена была зверством, на которое оказался способен Иван. Ведь вся вина Григория сводилась к тому, что любил он Веру больше жизни. Невинную же жизнь загубил.

— Какой кошмар! — нарушила я повисшую тишину. Захар по-прежнему смотрел в пол.

— И это еще не все, — Захар, наконец, посмотрел на меня.

Такого букета чувств я еще не встречала в единственном мимолетном взгляде. Но больше всего там было боли и страха. Я отчетливо поняла, как сильно Захар чего-то боится. Невольно захотелось подбодрить его, поддержать.

— Убив Григория, Иван проклял наш род. Или проклял его Григорий. Этого мы уже никогда не узнаем.

— В смысле?

Я понимала все меньше. Голова была по-прежнему занята давнишней трагедией, мысли никак не перестраивались на что-то другое.

— На каторге Иван едва протянул до тридцати и умер от какой-то страшной болезни. Точно не знаю, какой. Все мужчины в нашем роду умирают сразу после тридцати. Это проклятие, понимаешь?

Наконец, до меня дошло, что хочет сказать Захар. Тут мне второй раз за вечер стало дурно.

— И твой отец?..

— Разбился на машине в день тридцатилетия, — кивнул Захар, невесело усмехнувшись. — Он особенно отличился.

Я не знала, что сказать. Лихорадочно подбирала слова, но они путались, как и мысли в голове. Наконец, я выделила главную:

— А ты?.. Сколько лет тебе?

— В марте стукнет тридцать.

Вот оно в чем дело! Теперь мне стал понятен смысл многих его высказываний, которые раньше я принимала за сарказм или злую иронию. Почему-то вспомнилось, как он спрашивал меня о планах на новый год и сказал, что собирается отметить так, чтобы

запомнилось на всю жизнь. А сколько ему осталось, этой жизни?

Глаза зашипало от слез, и я прикусила губу. Не хотела, чтобы Захар заметил, что я его жалею. Не знаю почему, но в то, что на его роду проклятие, я верила. Единственно, я не знала, чем могу помочь ему.

— Ты думаешь, что я могу что-то сделать? — неуверенно спросила.

— Не знаю. Скорее всего нет, но чем черт не шутит.

— Эти сны... Иногда мне кажется, что я на время становлюсь сильнее Веры. Но, как только я ни пыталась что-то изменить, не получается.

— А вызывать их ты можешь? — Захар смотрел на меня со смутной надеждой.

— Не пробовала, если честно.

— Может, попробуем сегодня?

— Попробуем?

Он хочет остаться у меня на ночь? И как я к этому отношусь?

— Ну, в смысле... Если ты не хочешь, я уйду. Только, вдруг понадобится моя помощь?

— Да, ничего, нормально все. Оставайся, если хочешь.

Нужна ли ложная скромность? Честно говоря, я даже думать боялась, к чему может привести попытка вызвать сон.

Глава 12

Я легла на диване. Захару постелила на раскладушке, в той же комнате. Перед этим мы долго планировали, как я буду настраиваться на сон. Когда Захар начинал рассуждать, в каком положении, с его точки зрения, удобнее всего вызывать сон, я невольно смеялась. Так потешно у него это получалось. Сначала он обижался, а потом не выдержал и развеселился тоже. В общем, вечер прошел лучше, чем я планировала. Странно, но общая трагедия и то, что мы открылись друг другу, сблизило нас. Я перестала относиться к Захару с подозрением во всех смертных грехах. А он стал более разговорчивым.

— Жень, ты спишь? — позвал Захар из своего угла, когда я думала, что он уже уснул.

— Нет.

— А ты подумала, что именно хотела бы увидеть?

— Нет. А должна?

— Ну а как же?!

Раскладушка заскрипела — Захар повернулся набок и подпер голову рукой.

— Как ты можешь призвать сон, если даже не программируешь какой?

— Да я вообще не знаю, как себя программировать!

Возмущению не было предела. Простой такой! Возьми, да придумай, захоти и увидь. А как это сделать? Я уже всю голову сломала. И чего добилась? Прогнала сон еще дальше. Теперь вот лежу и таращусь в темный потолок.

— Так! Ляг на спину и закрой глаза.

— Я не могу засыпать на спине, неудобно.

— Ладно, ляг, как тебе удобно.

Я перевернулась на бок, взбила как следует подушку, подоткнула одеяло между ног и укрылась до самого подбородка.

— Теперь закрывай глаза.

Закрыла. Попыталась представить Ивана. Хочу повторение того сна — когда мы были в тальнике. Так приятно было чувствовать руки и губы Ивана. Кроме того, вряд ли он еще мне приснится, этап-то пройденный.

Жарко. Я открыла глаза и наткнулась на взгляд Захара.

— Если ты будешь смотреть, я никогда не усну.

— Ладно, не буду. — Он отвернулся на другой бок под жалобное позвякивание раскладушки.

— И вообще, засыпай давай тоже. Я слышала, что атмосфера сна заразительна.

— Как скажешь.

Снова закрыла глаза и представила Ивана. Как он смотрел на нее! Смогла бы я устоять против такой любви, если влюбилась, глядя со стороны? Вот уж, действительно, каждому свое. Не нужна была Вере всепоглощающая любовь Ивана. Я не осуждала ее, потому что не знала ничего ни о нравах того времени, ни о характере своей прародительницы. Видно, искала она совсем другое в жизни. Но не Григория же. К нему она относилась отвратительно, это я тоже прочувствовала на себе. Интересно, когда зародилась ее ненависть? Вряд ли до свадьбы. Значит, случилось что-то потом.

Захар уснул. Я это поняла по ровному дыханию, доносившемуся из его угла. Мои веки тоже тяжелели, держать глаза открытыми становилось трудно. Я вернулась к мыслям об Иване и даже произнесла дурацкую фразу: «Призываю тебя», чем чуть не разрушила все, до того смешно она прозвучала.

* * *

В комнате собралась вся женская половина гостей. Меня разряжали, готовили к первой брачной ночи.

— Складывайте свадебный убор в сундук, — командовала мать. — Косы расплетите и волосы как следует расчешите.

Девушки пели про любовь, про то, как милый приласкает меня и подарит вечное счастье.

Я не раз думала о том, как это будет. Смогу ли я подпустить к себе Григория? Вынесу ли все это? Каждый раз рисовалась смутная картина, как терплю его ласки. Всегда фантазии обрывались на самом главном, словно сознание выталкивало их, как что-то невыносимое, невозможное.

И вот этот день, момент, настал. Я чувствовала опустошение во всем теле. Не было страха, даже омерзение куда-то ушло. Остался вакуум, сквозь толстый слой которого до меня доносились слова песни. Мне она казалась погребальной. Вот сейчас меня обрядят в саван и положат в гроб. А потом закопают в землю так глубоко, чтобы ни единая дурная мысль больше не пробралась на поверхность, не отравляла воздух вокруг себя.

Мороз пробежал по телу, когда белоснежное кружево коснулось обнаженной кожи. На долю секунды я пришла в себя, но лишь для того, чтобы еще отчетливее осознать, через что предстоит пройти. На глазах выступили злые слезы. Я поймала озабоченный взгляд матери.

— Забирайся под одеяло, — велела она. — Посинела аж вся...

Девушки, уходим.

Песня оборвалась, в комнате повисла тишина. Женщины потянулись к выходу. На меня старались не смотреть. Хотелось закричать: «Стойте! Куда же вы? Не оставляйте меня одну, с ним...» Я цеплялась за подруг взглядом. За бывших подруг. Не осталось их у меня. Разлетелись за месяц затворничества.

Мать задержалась.

— Вера, посмотри на меня, — попросила она. В голосе слышалось рыдание. — Что ты делаешь, доча? Зачем хоронишь себя заживо?

Губы ее дрожали, слезы лились по щекам. Она утирала их натруженными пальцами со сбитыми ногтями. Я подмечала малейшие детали, а душа пустела все сильнее. Внутри разливался холод. Глаза были сухими, хоть слезы и стояли где-то рядом.

— Нельзя так, — всхлипнула мать. — Нужно терпеть, нести свой крест. Может, слюбится еще...

Зачем? Ради чего? Что хорошего ждет меня впереди с постылым мужем?

Я молчала, глядя на мать. Пуховое одеяло натянула до подбородка. Дрожь была безостановочно. Чувствовала себя больной и старой.

— Вера, скажи что-нибудь, не мучь меня. Не молчи, мозг лихорадит начнет.

Мать ждала ответа, а потом махнула рукой и отвернулась. Я смотрела на широкую женскую спину, и она уже не казалась мне надежной, за которой можно спрятаться. У меня не осталось никого в этой жизни. Не я вас делаю несчастной, мама, а вы себя через меня. Такой жизни вы для меня хотели? Об отце я даже не думала. Как и он обо мне. Храпит, поди, сейчас в пьяном угаре, довольный, что свадьба удалась на славу. И меньше всего его заботит судьба дочери.

Через несколько минут дверь скрипнула, отворяясь. Показалось красное лицо Григория, а потом и сам он нарисовался в проеме. Пьяной неуверенной поступью приближался муж мой нареченный к брачному ложу. На губах застыла глупая улыбка, тонкие пальцы мяли исподнюю рубаху. Кроме нее ничего на Григории больше не было. Взгляд скользнул по худым кривоватым, видно после рахита, ногам, сплошь покрытым кучерявыми светлыми волосами, босым ступням с длинными узловатыми пальцами, переместился выше и остановился на уровне груди. Не могла смотреть ему в глаза, боялась всепоглощающего желания.

Кровать прогнулась под тяжестью тела. Пальцы заломило — с такой силой я вцепилась в край одеяла.

— Вера, любимая... Покажи мне себя.

Одеяло поехало вниз, как я не натягивала его на себя. Григорий был сильнее. Ткань жалобно затрепала, и я вынуждена была разжать пальцы. Холод сковал по рукам и ногам, я не могла пошевелиться. Стыд разлился по телу, когда осталась перед мужем, в чем мать родила.

Меня осматривали, словно племенную кобылу. Гладили, мяли... Я потеряла счет времени и перестала ощущать себя живой. Не могла смотреть на неприкрытую мужскую похоть. Икона на стене притягивала взгляд магнитом, но я даже не молилась. Сама понимала, что все еще жива, когда вскрикивала, если Григорий мне делал больно, сжимая грудь или раздвигая ноги и щупая то, что считалось сокровенным.

Не знаю, сколько длилась эта пытка, но потом стало еще хуже, когда Григорий перешел к делу. Он потерял контроль над собой и действовал грубо. Ноги мои раскинул так и вжал в перину, что заломило кости таза. Навалился всем телом, мусоля мои губы, лицо влажным перегарным ртом. Острая боль пронзила сознание, когда он с силой вошел в меня. Наверное, это стало последней каплей, и я потеряла сознание.

Очнулась в залитой лунным светом комнате. Тишину нарушало громкое и монотонное сопение. Я попыталась пошевелиться и чуть не закричала от боли. Сознание мгновенно восстановило в памяти недавние события. Комок сдавил горло, не давая дышать. Я хватала ртом воздух, пока не прорвало. Рыдания вырывались изнутри громкими вскриками, горло пульсировало, тело покрылось липким потом. Преодолевая ломоту в теле, я перевернулась на живот и уткнулась в подушку. Заглушая рыдания, я заталкивала подальше боль, которая, знала точно, будет отныне моим вечным спутником.

* * *

— Женя, проснись. Ты чего, а?

Не помню, когда еще так плакала. Навзрыд, отчаянно. Слезы лились безостановочным потоком. Дыхание было прерывистым, воздуха не хватало. И сердце колотилось, как бешеное.

— Жень, ну хватит уже! Хорош разводить сырость!

Если бы я могла! Понимала, что уже проснулась, и Захар пытается привести меня в чувство, но мыслями еще была во сне, Верой.

Меня с силой оторвали от подушки и прижали к чему-то большому и теплomu. Рыдания перешли во всхлипы и икоту. Сознание прояснялось, и я поняла, что Захар прижимает меня к

себе, почувствовала его запах и большие горячие руки на своей спине. Стало очень приятно и уютно, если бы не эта дурацкая икота. Не выдержала и потерлась носом о его плечо.

— Схожу за водой, а то ты пробьешь во мне дыру.

В голосе Захара слышалась улыбка. Он не торопился уходить, продолжал гладить меня по спине, волосам. А я не хотела его отпускать, прижимаясь сильнее. И черт с ней, с этой икотой. Так было хорошо и спокойно.

— Сиди. Я сейчас...

Захар все-таки оторвал меня от себя и ушел на кухню, устроив меня в подушках. Тут же вернулся со стаканом воды.

— Пей. Прошло? Пей еще...

Пришлось выпить весь стакан за несколько раз, пока, наконец-то, я не перестала икать.

— А теперь рассказывай, что тебе приснилось.

Я уже почти полностью успокоилась. Старалась не думать, как я выгляжу с опухшим от слез лицом. Благо, в комнате темно, и Захар не может меня видеть отчетливо. Света с кухни явно недостаточно.

— Мне приснилось не то, что задумала.

— А что именно?

— Я хотела увидеть во сне Ивана...

— Я не про то, — перебил Захар. — Что тебе приснилось, отчего ты впала в истерику?

Захар сидел очень близко и всматривался в мое лицо. Я чувствовала его дыхание, от него шевелились волосы. Вдруг стало стыдно, что сижу перед ним в одной сорочке, едва прикрытая. Натянула одеяло повыше, Захар деликатно отодвинулся.

— Мне снился Григорий.

— И что? Что он делал во сне?

Разве можно такое рассказать? Даже от мысли лицо мое запылало. Вспоминать-то в подробностях было противно. Я все еще ощущала на себе взгляды и руки мужа Веры. Нет уж — знать Захару об этом не нужно.

— Мне снилась первая брачная ночь, — ограничилась я общей фразой.

Захар отвернулся и уставился в стену.

— Все было так ужасно?

Голос его звучал глухо, словно он цедил сквозь зубы. Интересно, что его так разозлило?

— Григорий был извращенцем.

Бедная Вера. Теперь я понимала ее гораздо лучше. Сколько таких ночей ей пришлось пережить? Десять, двадцать... сто? Если принять в расчет одержимость Григория, то домогался он ее

достаточно часто, чуть ли не каждую ночь. Дай бог, если беременность стала временным избавлением для Веры.

Меня передернуло от отвращения. Захар это заметил, потому что в следующий момент встал с дивана и подошел к окну. Интересно, о чем он думает и что пытается разглядеть на пустынной улице?

— Нужно попытаться еще раз, — вдруг заговорил он, не поворачиваясь в мою сторону.

— Что именно?

От мысли, что могу снова пережить этот кошмар, мне стало совсем дурно. Благо, сны еще ни разу не повторялись. Хотелось надеяться, что так будет и дальше. С другой стороны, раньше я и вызывать их не старалась. Как они себя будут вести в этом случае, оставалось загадкой.

— Что-то ты сделала неправильно в прошлый раз, — продолжал Захар. — Помнишь, о чем думала, засыпая?

Хороший вопрос. О чем только я не думала. Какие только мысли не лезли в голову.

— Думаешь, так просто?

— Не думаю...

Захар вернулся. Сел рядом и взял меня за руку.

— Догадываюсь, что это очень сложно. Но ты должна постараться. Попробуй сосредоточиться на чем-то конкретном. Хочешь, вместе придумаем, на чем?

— Давай...

Я сдувалась, как проколотый воздушный шарик. Энтузиазм иссякал на глазах, стоило только вспомнить сон. Я боялась, причем жутко, тех сюрпризов, что с недавних пор готовили мне ночи. Рука Захара казалась такой надежной, и так приятно было ощущать ее в своей.

— Ты веришь, что это поможет? — задала я волнующий меня вопрос.

— А что еще остается?

Он не добавил «мне», но я отчетливо поняла, что говорит он о себе. Для него это было спасительной соломинкой, за которую он уцепился и жутко боится выпустить. Наверное, на его месте я вела бы себя так же. Все-таки, его положение серьезней моего. Мне грозит только жизнь без любви, а у него этой жизни остался мизер.

— Давай, попробуем еще раз. — Я пожала его руку.

Половина ночи еще впереди. Если я как следует сосредоточусь, немного поднапрягусь, то, возможно, опять стану Верой во сне.

— Что ты представляла в прошлый раз?

— Ивана.

— Просто Ивана?

Нет, конечно. Но, не рассказывать же ему, что я представляла Ивана, целующего и обнимающего меня, как в самый первый раз, когда увидела их с Верой у пруда. Я вела себя эгоистично, но так хотелось еще раз посмотреть на любимое лицо. И, с другой стороны, какая разница, какой фрагмент жизни Веры я призову, в учебных-то целях.

— Я вызывала в памяти тот момент, когда он подарил ей брошь, — соврала я.

— Отлично! В этот раз предлагаю подумать о другом.

— И о чем же?

Энтузиазм Захара заразил и меня. Я потихоньку начинала верить в успех нашего предприятия.

— Представь себе ту ночь, когда Иван пришел, чтобы похитить Веру. Постарайся изменить ход событий.

— Да ты что?! Если даже я и увижу ту ночь, вряд ли смогу что-то изменить.

— Просто попробуй.

Голос Захара прозвучал устало, как у столетнего старика, которому жизнь опостылела. Невольно я поставила себя на его место. Страх, в котором он жил, прошиб, словно электрический разряд. Жалость защипала глаза, до боли в сердце захотелось ему помочь.

— Я попробую.

То ли он что-то услышал в моем голосе, то ли мысль какая-то осенила его, только посмотрел на меня он слишком внимательно, и голос его, в следующий момент, прозвучал наигранно легкомысленно:

— Знаешь что, давай не сегодня. Ты устала, и вряд ли что получится. Давай просто спать.

Ответа дожидаться не стал. Через секунду раскладушка запищала, от того, что Захар распластался на ней на спине, закинув руки за голову. Я ждала еще какое-то время, что он заговорит снова, но напрасно. Он казался спящим, хотя, голову даю на отсечение, притворялся.

Пришлось тоже прикинуться спящей, хотя сна не было ни в одном глазу.

Тот сон я помнила отчетливо. Каждая эмоция Веры отражала мои. Возможно, долговато, с моей точки зрения, она решалась бежать с Иваном. Я бы отреагировала быстрее. Но она не я. И в тот момент Вера действительно поверила в счастье, которое призрачно маячило на горизонте и оказалось лишь миражем. Окажись я на месте Веры тогда, вряд ли что-то изменилось бы.

Меня так же, как ее, повязали бы по рукам и ногам и заставили бы смотреть на избиевание Ивана. Только лишняя боль — видеть все это еще раз.

Нет, Захар, не это момент жизни Веры нужно вызывать в памяти. Тогда какой? Когда Иван подарил Вере брошь? И что это даст, если даже каким-то фантастическим образом я сделаю так, что она ее не примет? Не верила я, что именно брошь несет в себе проклятие. Дело в другом. Род Захара, по нашим догадкам, был проклят, когда Иван убил Григория. Значит, именно на это я должна повлиять. Но как? Ведь, если верить Захару, Вера с Иваном больше не виделись с той ночи, как он преподнес ей брошь.

Чем больше я думала, тем сильнее запутывалась. И постепенно уверенность поглощалась отчаянием, что не смогу я помочь Захару. О себе я уже не думала. Историю должна была изменить ради него. Иначе, как я смогу жить дальше?

Я все-таки попыталась представить ту ночь, когда Иван пришел за Верой. Старалась откинуть все посторонние мысли. До боли в голове визуализировала Ивана. Уснула с его лицом перед глазами. И проспала до утра без сновидений. Остаток ночи пролетел, как миг. Наверное, сказалось общее перенапряжение.

До Нового года осталась неделя. После той ночи Захар больше не оставался у меня. И разговоры на тему снов не заводил. Вообще он как-то притих, и меня это огорчало. Словно махнул рукой на себя и свое будущее, решил не сопротивляться року.

Я же, напротив, решила сражаться. Каждый вечер, несмотря на страх, пыталась вызвать нужный сон. У меня не получалось, и постепенно затея стала казаться неосуществимой. Мне вообще перестало что-либо сниться. Какие-то отрывки моей настоящей жизни, как отражение действительности. Ни Веру, ни Ивана я не видела, как ни старалась. Засыпание превратилось в ритуал — я ложилась на спину, разглядывала в темноте потолок и представляла себе Веру. Всегда один и тот же момент, как ее будит Иван, чтобы бежать. Как проваливалась в сон, не замечала, а потом наступало утро и появлялось чувство неудовлетворенности и печали, что еще один день потерян.

Не знаю, откуда и когда появилось ощущение, что смогу помочь Захару. Но, с недавних пор я свято в это верила. Осталось достичь малого — увидеть то, что заказываю.

С понедельника начались сеансы прогрева. Последний в пятницу, а в субботу тридцать первого декабря и новый год со всем тем новым, что он принесет.

С утра меня ожидал сюрприз. Когда готовилась выйти из дома и пуститься на перекладных в больницу, позвонил Захар:

— Я сейчас подъеду, — без приветствия сообщил он. — Минут через десять выходи.

— Зачем?

— Тебе же на прогревание? Или не сегодня?

Вот так приятная неожиданность! Не думала, что он помнит, да и не была уверена, что вообще говорила ему об этом. В любом случае, помощь подвернулась как нельзя кстати.

До больницы дольше добираться, чем занимала сама процедура. Захар добросовестно ждал, а потом отвозил меня домой. И так все пять дней, с точностью до минуты.

Мне о многом хотелось с ним поговорить, но он словно замкнулся в себе — молчал почти всю дорогу туда и обратно. Так, кинет ничего не значащую фразу и снова затихает. Его уныние передавалось мне. Настроение держалось ровно плохим всю неделю. В пятницу оно окончательно испортилось, когда после последнего сеанса он довез меня до дома и равнодушно бросил:

— Пока.

Не знаю, чего я ожидала, но точно не этого короткого слова. Стало так обидно, что на глаза навернулись слезы. Чтобы Захар не заметил, я поспешила выскочить из машины. Уже у двери повернулась и заставила себя улыбнуться:

— С наступающим! Пусть все у тебя получится.

Он так смотрел, словно видел меня в последний раз. Мне стало страшно, мороз пробежал по коже. Уж не задумал ли он чего?

Каково это — жить в страхе, что вот-вот умрешь? И не от тяжелой болезни, когда финал ожидаем и предсказуем. А не известно, от чего.

Я, не раздеваясь, села на диван, находясь в странном оцепенении. Голова ясная, а двигаться лень. Хотелось что-то надумать, прямо сейчас, спасти Захара от родового проклятья. Так я сидела, пока окончательно не зажарилась, и не разболелась голова.

А ведь завтра Новый год! И стоит, наверное, что-нибудь прикупить к празднику. Очевидно, что встречать я его буду в одиночестве. Даже тетя Света — соседка напротив и та отпадала. Накануне я встретила ее с дедом Васей — соседом снизу. И так мило они ворковали, что сразу становилось понятно об их взаимных чувствах. Надо же, живут люди годами в одном доме, оба одинокие, а сводит их судьба под старость. Скорее всего, встречать Новый год они будут вместе, и я им только помешаю. Даже если и не так, выяснять этого не стану. Да и желания куда-то идти и кому-то навязываться нет. Отмечать праздник одной — тоже определенная романтика. Можно сделать это даже в пижаме.

Но в магазин сходить все-таки стоит. Поднять бокал под бой курантов нужно, закусить чем-нибудь вкусным тоже. Куплю себе баночку красной икры и наделаю бутербродов. Пировать, так на широкую ногу. А еще возьму любимые медовые шарики. Жаль бабушки не будет — она их тоже любит.

— О-о-о, ты уже без гипса? — встретила меня Валя.

— Ага, недавно сняли.

— Здорово! Представляю, как бы ты с ним танцевала.

Лучше бы уж молчала, если сказать нечего. Она и в школе была твердолобой. Вот сроду бы не представила человека с загипсованной ногой танцующим.

Еле удержалась от встречной колкости. Не стоит еще больше портить себе настроение. В конце концов, Валя могла сказать это ненамеренно. Я посмотрела на бывшую одноклассницу. Выглядит вполне невинно. Значит, точно ляпнула, не подумав.

С покупками в пакете обратная дорога показалась веселее.

У подъезда топталась Наташа.

— Ты где ходишь? — набросилась она. — Вкуснятины накупила? — сунула она свой любопытный нос в пакет.

На мое предложение подняться ответила отказом:

— Понимаешь, не могу, меня Толик ждет в кафешке.

— Ты его прячешь что ли?

На самом деле, могла бы и познакомить лучшую подругу с бойфрендом.

— Еще чего! Нет, конечно. Хочешь, пойдем, познакомлю?..

— А сюда никак?

— Да он отца моего боится, — засмеялась Наташа, — вот и не подходит близко к дому.

Нашел зверя. Добрее Наташиного отца не встречала человека в жизни.

— Слушай, — затараторила она, не дожидаясь ответа. — Давай завтра к нам, а? Ну, не дело это — одной встречать Новый год.

— С чего ты взяла, что я буду одна?

— А что нет? К тебе этот твой придет... Захар, кажется?

Душу неприятно кольнуло. Наташа наступила на больную мозоль.

— Не придет, и он не мой.

Наташа всмотрелась в мое лицо.

— Поссорились? — загрустила она.

Как ей объяснить, что чтобы поссориться, нужны нормальные человеческие отношения. Что связывало нас с Захаром, я не понимала. Общая тайна, проклятие? В любом случае, ни я, ни он не испытывали теплоты друг к другу. Нуждались, да, но не дружили. Но чтобы это поняла Наташа, нужно рассказать все с самого начала. Ни желания, ни времени не было.

— Нет, Наташ, все нормально. Просто, у каждого из нас свои планы на завтра.

— И какие они у тебя?

— Девчонки с работы идут в клуб. Меня позвали с собой.

— Тю-у-у...

Я чуть не рассмеялась. У Наташи было такое лицо, словно съела кислятину. Еще недавно она клубы предпочитала всему остальному. Это я в них была от силы раза два. А она там все праздники тусила. А сейчас, значит, одомашнилась.

— Ладно, завтра с утра жди с подарками.

И подружка умчалась к своему Толику. Я какое-то время еще постояла на крылечке и подышала морозным воздухом, пока не захотелось в тепло, на диван, укрыться пледом и смотреть телевизор, пока не сморит сон.

Утро началось с телефонного звонка бабушки. Как и накануне, мне пришлось бодрым тоном отчитываться, что все отлично, планов на сегодняшний вечер и ночь хоть отбавляй и вообще, жизнь бьет ключом. Мы с бабулей тепло поздравили друг друга с наступающим праздником, и я чуть не прослезилась, когда она отключилась.

Не успела позавтракать, пришла Наташа с ананасом и бутылкой шампанского.

— С наступающим, Женек! И давай хряпнем, — заявила она с порога.

— С утра что ли?

— И что? Праздник же...

Пришлось быстренько соорудить стол рядом с незастеленным диваном.

Мы выпили по бокалу шампанского и обменялись подарками. Я свой уже давно приготовила — связала подруге свитер в яркую полоску, как она любит. Мне преподнесли шапку, варежки и шарф, не самодельные.

— Чтобы этой зимой ты не мерзла.

— Как и ты, — засмеялась я.

Мы выпили еще, и Наташка умчалась к своему Толику готовить фаршированную утку.

Не успела я прибрать стол, как снова позвонили в дверь. Определенно, соскучиться мне сегодня не дадут.

На пороге стоял улыбающийся Захар.

— Думала, забыл про тебя?

Я не знала, что и думать. Уж точно не ждала его сегодня. Тем более что он планировал что-то грандиозное, в чем я участвовать не собиралась.

— Проходи. — Чуть не добавила «раз пришел». Вовремя прикусила язык.

— Нет. Мне нужно еще на рынок мотнуться, а ты собирайся...

— В смысле?

Я понимала все меньше. Куда это он меня приглашает?

— Одевайся теплее. Валенки есть?

— Откуда?

Валенки я, наверное, последний раз обувала в садиковом возрасте. Мы с бабулей не относились к любителям зимних прогулок. Себя вообще относил к тепличным растениям — для меня даже вылазка на каток была подвигом.

— Тогда, возьми теплые носки, а валенки... поищем. И еще, — обернулся Захар уже на лестнице, — надень что-нибудь с

горлом и потолще.

— Да, зачем все это?!

— Увидишь.

И был таков. И что прикажете думать? Если мне готовили сюрприз, то он не особенно радовал. Во-первых, куда он меня собрался везти, во-вторых, надолго ли? Мог бы выдать побольше информации.

Оделась я быстро. Пригодились теплые штаны, которые я прикупила в прошлом году, чтобы ходить на склад. От офиса он был метрах в пятистах примерно. В колготках или джинсах не набегаешься. А по долгу службы приходилось мотаться туда через день.

Наташкин подарок тоже пришелся как нельзя кстати. Ни шапки нормальной, ни варежек у меня не было.

Одетая, минут десять я прождала Захара.

— Молодец! Отличная экипировка, — похвалил он, когда вернулся. — На всякий случай возьми еще смену белья.

— Это еще зачем?

— Я же сказал, на всякий случай. Жду в машине, выходи.

— Стой! — придержала я Захара за рукав пуховика. — Скажи хоть, надолго ли мы уезжаем?

— Точно с ночевкой. А там посмотрим, — подмигнул он мне и побежал по лестнице вниз.

— Куда мы все-таки едем? — спросила я, когда уселась в машину.

— За город. Наберись терпения, скоро все узнаешь.

— А далеко за город?

— Шестьдесят километров. Учитывая пробки, часа через полтора доберемся.

— И сколько там будет народу?

Я как представила шумную незнакомую компанию, сразу накатила тоска. Не любила я так. Куда лучше сидеть в теплой родной квартире, смотреть телевизор, пусть и в одиночестве, поднять бокал ровно в двенадцать... Фантазия разыгралась до такой степени, что я уже готова была попросить Захара отвезти меня обратно. Ну, претила мне мысль встречать Новый год в компании незнакомых людей.

— Только мы с тобой.

Я даже не сразу поняла смысл, таким странным показался ответ Захара.

— Как это? Ты же хотел...

— Чего-то незабываемого, — кивнул он.

Я ждала, что он продолжит, как-то объяснит. Захар молчал, внимательно следя за дорогой. Как назло, повалил снег, и

дворники еле справлялись. Я следила за их мельканием на лобовом стекле и думала, спросить или нет, почему я? Почему Захар решил встречать Новый год за городом и только со мной? Потому что нас связывала общая тайна? Возможно, он пытался создать наилучшую атмосферу для моего сна. Я в этом очень сомневалась, потому что отдых на природе — экзотика для меня. А в непривычной обстановке я вряд ли смогу сосредоточиться, раз у меня даже дома это не получалось.

— С тех пор, как повзрослел и все узнал, — неожиданно заговорил Захар, — я старался делать все с шиком, запоминаемо. Понимаешь? — Он посмотрел на меня. Пришлось кивнуть, чтобы он продолжил. — Если подарок, то непременно дорогуший или нетрадиционный, праздник — обязательно с помпой, с кучей народа. Прошлый год, отгадай где я встретил?

— Даже примерно не знаю, — пожала я плечами, недоумевая, к чему он ведет.

— В краеведческом музее, прямо на экспонатах.

— Ничего себе! Как это у тебя получилось?

— Договорился, — ухмыльнулся Захар. — Мы выбрали зал с крестьянскими избами и расположились в одной из них.

— Ну и как? Прошло без эксцессов?

Окажись я там, боялась бы даже присесть на одну из скамей. И вообще, это кощунственно, оскверняет дух старины. Но вслух я этого не сказала, да и не понадобилось.

— Придурки, — поморщился Захар. — Ладно, хоть, ничего не сломали.

— Это точно, — решила поддакнуть я.

— Я и в этом году планировал очередную помпу. Планы менялись со скоростью света. А потом бум, в голове словно что-то щелкнуло. Зачем мне все это? Когда и где я собираюсь об этом вспоминать?

Действительно, зачем? Я не раз пыталась поставить себя на место Захара и, как мне казалось, отлично понимала его чувства. Так вот, я бы последние годы, месяцы или часы хотела провести с дорогими сердцу людьми, чтобы наглядеться на них, запомнить как следует. Вообще, в такие моменты во мне просыпался философ. Я размышляла о бренности всего живого. Ведь никто из нас не вечен. И беда Захара только в том, что он примерно знает, когда это должно произойти. Я и сейчас вспомнила роман Ремарка «Жизнь взаймы», где автогонщик любил девушку, больную туберкулезом. У нее уже была такая стадия, когда смерти ожидаешь каждый день. И ни для одного из них это не было секретом. Они оба готовились к печальному событию, любя друг друга еще сильнее. Только, он умер первым — разбился во

время гонок. Это ли не рок?

Я посмотрела на Захара. Выглядел он как обычно, но я чувствовала ту грусть, что от него исходит. Захотелось хоть как-то поддержать его. Я протянула руку и быстро пожала его. Пока не передумала, не попала под власть стеснения. На кого еще, как ни на меня, он может рассчитывать?

— Мы обязательно что-нибудь придумаем, — сорвалось с языка. Заговаривать на эту тему не планировала. Но, теперь уже поздно. — Может, там, за городом, у меня получится...

— Нет, — перебил Захар. — Ты даже пробовать не станешь. Обещаешь? — Он испытующе посмотрел на меня. — Давай просто встретим Новый год.

— Как скажешь, — согласилась я, но про себя подумала, что не пробовать я уже не могу. Привыкла за несколько дней тренировки.

— Отлично!

Мы, наконец-то, миновали все пробки и выехали за город.

— Отсюда пятьдесят кэмэ, и будем на месте.

Дорога потянулась запорошенной снегом змейкой. Пейзаж за окном не радовал разнообразием — поля с голыми кустарниками у кромки. Наша поездка казалась мне все большей авантюрой, а в душу закрадывалось неприятное щемящее чувство.

Пятьдесят километров мы ехали дольше, чем планировали. Когда свернули с трассы на проселочную дорогу, поняли, что снега навалило прилично. Местами путь был замечен настолько, что даже джип Захара буксовал. Кроме того, фонарей тут не было совсем, даже когда проезжали какой-нибудь населенный пункт. Немного освещали путь окна домов. Я все больше впадала в нереальность. Сама себе поражалась — как согласилась поехать куда-то с малознакомым человеком. Неважно, что нас с Захаром объединяла общая тайна, его-то я почти не знаю.

— Далеко еще? — не выдержала, поинтересовалась я после очередного «откапывания» джипа. Временами он садился так глубоко, что Захару приходилось орудовать лопатой.

— Скоро будем на месте. Если бы не эти заносы...

Мы как раз проезжали по центральной площади какого-то поселка. Радовало глаз обилие иллюминации, по кругу площади бойко торговали магазинчики, и имелся даже один супермаркет. А в центре была наряжена елка, не уступающая городским.

— Мы приехали? — догадалась я, потому что до этого поселки оставались в стороне.

— Почти... Наш дом на самой окраине, нужно проехать всю деревню.

Я с интересом рассматривала в окно дома, что мы проезжали. Некоторые были маленькими аккуратными коттеджами. Но встречались настоящие дворцы. Один особенно бросался в глаза. Он был построен на пригорке и больше напоминал средневековый замок — с многочисленными башенками и окнами в виде бойниц.

— Ничего себе! — не удержалась я от восклицания.

— А, это?.. Да, живет тут один богач. Знаешь, что самое интересное? Он живет совершенно один в таком огромном доме. Мужу под полтинник, а ни семьи... да и друзей, по-моему, нет. Бобыль, в общем, с огромным штатом прислуги.

Ну, хоть рабочими местами обеспечил местных жителей. Я как-то сразу потеряла интерес к дому и его хозяину после короткого рассказа. Никогда не понимала, зачем одному человеку столько? Чем наполнена его жизнь? Хотя делать поспешные выводы тоже не собиралась. Может, он меценат какой известный и живет ради благотворительности. Тогда, честь ему и хвала. Только, жизнь его все равно не представляла для меня интереса. Куда лучше смотреть на небольшой домик, обнесенный деревянным забором, с расчищенными от снега тропинками во дворе и представлять, какая семья может там жить, чему они

радуются, какие заботы их одолевают...

Картинка за окном изменилась. Я даже не сразу поняла, что мне показалось странным.

— Тут заканчивается деревня, и начинаются дачные постройки, — пояснил Захар. — Нет отопления, электричества.

Точно! Дома стали меньше и какие-то слишком непритязательные. Большею частью деревянные. Не тянулись газовые трубы вдоль дороги. И не горел свет в окнах. Стало как-то тоскливо, по спине пробежал неприятный холодок.

— Раньше здесь был пустырь, — продолжал рассказывать Захар. — Лет десять назад разрешили застраивать под дачи. Моя прабабушка... Кстати, мы едем в ее дом, я не говорил? Так вот, она жила на отшибе, почти затворницей. После ее смерти дом пустовал. Продавать его смысла не было, и жить там никто не хотел. А в позапрошлом году мы его приспособили под дачу, только решили ничего не трогать, оставить все, как при ней. Подремонтировали немного дом, обложили печку кирпичом, да и все. Зимой мы тут не бываем, только летом.

— А как же?..

— Не переживай, не замерзнешь. Растопим печь, еще жарко станет.

Как-то звучало все не по-праздничному. Я поймала себя на мысли, что с удовольствием вернулась бы домой. Очень захотелось оказаться на своем диване, перед привычным телевизором и смотреть ночь напролет новогодний концерт.

Последние метры дались с особым трудом. Машину кидало из стороны в сторону, колеса буксовали, а пурга разыгралась нешуточная. Я с опаской подумала, как мы будем выбираться отсюда завтра, но тут же отбросила эту мысль, чтобы еще сильнее не портилось настроение.

Наконец мы остановились возле покосившегося забора.

— Сиди пока, — велел Захар. — Сейчас открою ворота, и заедем во двор.

Приятно поразило, что площадка под машину расчищена от снега, как и дорожка к маленькому одноэтажному дому с угловой верандой.

— Я был тут с утра, почистил... — заметил мой взгляд Захар. — Печь тоже протопил, но, наверное, дом успел выстыть. Выходи, приехали, — улыбнулся он, но получилось как-то невесело.

Я не торопилась. Хоть Захар и выключил мотор, но тепло в машине еще сохранялось. Я смотрела, как он таскает из багажника пакеты, и тосковала. Ну, зачем я согласилась сюда приехать? Что тут делать с ним наедине? Мы даже темы-то для

разговоров с трудом находим.

Дольше сидеть было неудобно. Я застегнула пуховик доверху, надела капюшон и открыла дверь. Порыв ветра чуть не сорвал ее с петель, еле удержала. Как и ожидала, сразу же замерзла после тепла салона. Я поспешила в дом, чтобы сразу же разочароваться. Там разве что ветер не завывал и снег не обжигал лицо, а в остальном было так же холодно и сыро.

Дом состоял из одной большой комнаты с печью посередине. Перед дверью была устроена прихожая со старой вешалкой и промятым топчаном. Дальше шло что-то типа кухни со столом, застеленным клеенкой, и парой стульев. От печи тянулась кирпичная кладка до стены, разделяя жилую зону комнаты от нежилой и, по всей видимости, являясь чем-то типа ложа. В комнате стоял сервант на кривых ножках времен молодости моей бабушки, круглый стол и два дивана вдоль стен. Рассмотреть что-то лучше не получалось, потому что в доме было так же темно, как на улице, лишь луна светила в окна.

Захар занес последний пакет и плотно прикрыл дверь. Сразу стало тихо.

Я стояла посреди комнаты и не знала, что делать.

— Сейчас зажгу лампу, — сказал Захар.

Почти сразу же появился тусклый свет, озаривший внутренности дома. Надо же, настоящая керосинка! Я такие только в кино видела. Захар подкрутил колесико и стало светлее. Я смогла лучше рассмотреть комнату. Как в настоящем деревенском доме. В углу кухни штабеля березовых поленьев, которыми Захар уже растапливал печь, полосатые дорожки на выкрашенном в коричневый деревянном полу. Мне стало стыдно, что стою посреди комнаты в обуви, когда сразу видно, что недавно тут убирались — вокруг царила чистота. Но тапочки захватить я не догадалась, поэтому продолжала стоять, чтобы не наследить.

— Иди сюда, — велел Захар. — Да плюнь ты, — заметил он, как я посмотрела на ноги. — Это же вода. Быстро высохнет.

Он поставил стул перед печной заслонкой, а совсем рядом с печкой большой круглый чурбан. Открыл дверцу печи и велел:

— Садись, разувайся, клади сюда ноги, — указал на чурбан, — и грейся. Скоро станет теплее. Главное, не открывать часто дверь на улицу, чтобы не выхолаживать.

Долго уговаривать меня не пришлось. Я так промерзла, что чувствовала себя Снежной королевой.

Захар погрел чем-то на кухне, за печным ложем я его не видела, и вышел на улицу. Я посмотрела на часы — едва перевалило за восемь, а казалось, что уже глубокая ночь. Ногам

становилось жарко, но в комнате было все еще холодно. Я потрогала кирпичи — они еще тоже не прогрелись.

С улицы не доносилось ни звука. Интересно, что там делает Захар, и куда он так надолго пропал? А вдруг он решил меня тут бросить? Завез в глухомань, а сам уехал. Осталось выяснить, зачем ему так со мной поступать. Ей богу, в последнее время на меня столько всего навалилось, что начинаю сходить с ума. Эта мысль вызвала невольную улыбку.

И все-таки решила сходить на разведку, хоть и не хотелось высовываться на мороз.

Захар сидел на лавочке и нанизывал мясо на шампура. Перед ним весело потрескивал костер в выложенном из кирпичей мангале. Все это происходило прямо напротив веранды и входа в дом. Я застыла у двери, залюбовавшись его спокойными и уверенными движениями. Он меня пока еще не заметил, от этого почему-то становилось неловко. Благо в следующий момент заскрипели доски пола веранды, когда я сделала шаг.

— Согрелась? — улыбнулся Захар. — Иди сюда. — Он похлопал рядом с собой по лавке. — Тут тепло.

Я присела рядом и засмотрелась на огонь.

— Правда, в огне есть что-то гипнотизирующее? — услышала я голос Захара.

Всегда так считала. Мне нравилось смотреть на огонь. В детстве, когда дворники жгли сухую листву по осени, я подолгу простаивала возле костра, пропитывалась его дымом, пока он не догорал. В такие моменты отлично думалось и мечталось. Пляшущие языки пламени рождали почти всегда неосуществимые фантазии. Я представляла себя принцессой на сказочном острове, где меня держит взаперти злой волшебник. Почему-то в фантазиях я так и не дожидалась принца, который спасал меня. Наверное, боялась, что придумаю себе кого-нибудь и стану ждать его в реальной жизни. Вспомнились слова из песни Меладзе: «Принцев мало, и на всех их не хватает». Да и не нужен мне никакой принц!

— О чем думаешь?

Оказывается, все время, что смотрела на огонь, он наблюдал за мной.

— У тебя лицо меняется с мыслями. Знаешь об этом? — спросил Захар, разбивая кочергой крупные угли.

Искры полетели в стороны, напоминая бенгальские огни.

— Нет.

— И по твоему лицу можно догадаться, о чем ты думаешь.

— Да? И о чем же я думала сейчас?

В жизни не догадается. Куда ему до моих детских фантазий.

— Об Иване.

— Не угадал...

Хотя, так ли он был далек от истины? Я ведь думала о своем принце. И именно таким, как Иван, я бы могла его представлять. Господи, как все запуталось! Я сижу рядом с пра — правнуком человека, о котором умудряюсь грезить.

— Ну значит, о чем-то очень близком, — тряхнул Захар головой. Только сейчас заметила, что он без шапки. Правда, у костра было действительно тепло, даже теплее, чем в доме.

Угли догорели, и Захар разместил шампура в специальных выбоинках кирпича.

— Пойдем, накроем на стол. Что-то я проголодался. До Нового года не дотяну.

Сколько же он накопил всякой всячины — два больших пакета! Колбаса, мясная и сырная нарезки, несколько видов салатов в контейнерах, как и традиционная сельдь под шубой, фрукты, конфеты, шампанское, вино... Глаза разбегались от такого изобилия, не знала, за что хвататься.

— С посудой напряженка — мыть негде. Я купил одноразовую. Ничего?

Я только пожала плечами, все еще не в силах прийти в себя. Становилось неловко, что он так потратился, а я вроде как на все готовое приехала. Хотя, других вариантов не было, времени он мне дал в обрез. Знала бы, что поедem за город, да еще с ночевкой, что-нибудь приготовила бы вкусенькое.

— Ну, в общем как-то так. — Захар обвел глазами заставленный пакетами стол. Потом перевел взгляд на меня, но как-то быстро отвернулся. — Пойду, проверю, как там шашлык.

Он ушел. Я занялась сервировкой. Мандарины с бананами выложила на тарелки, стараясь не думать о том, что они не мыты. У контейнеров с салатами срезала крышки, решив, что в походных условиях они сойдут за салатники. Расставила тарелки с пластиковыми стаканами и вилками. Центр стола украсила бутылкой вина и шампанским. Все лишнее переложила на широкий подоконник.

— Отлично! — похвалил Захар, когда вернулся. — Шашлык жарится. Предлагаю перекусить салатами и проводить старый год. — Падай, — он указал на стул. — Или можем передвинуть стол к дивану?

— Не, так хорошо, — поспешила ответить я.

Почему-то сидеть с ним рядом на диване мне показалось неприличным. Вообще, ситуация складывалась странная. Если задуматься, то даже пикантная. Мы находились наедине не только в доме, но и на приличной территории. Вздумай я

кричать, вряд ли кто услышит. Благо, Захар вел себя настолько безупречно, что временами даже обидно становилось. Мог бы и поприставать для приличия.

Шампанское он открыл по-праздничному — с хлопком и легким дымком. Наполнил бокалы и протянул один мне.

— Давай выпьем... — Захар задумался. Я не торопила, потому что чувствовала, что ему это необходимо. — Знаешь, давай просто выпьем. Я хотел произнести традиционный тост за уходящий год, чтобы он забрал с собой все, что было не очень, и проводил нас в новом с хорошими начинаниями. Но передумал. Не знаю, как ты, а я себя чувствовал чуть-чуть счастливее, встречая прошлый новый год. Наверное, потому что была уверенность, что смогу проводить его. Это был хороший год. Я славно потрудился, неплохо заработал... Черт, не то я говорю, — он в раздражении отвернулся. — Не лучше уходящий год наступающего! И знаешь, почему?

— Нет.

Непривычно было видеть его настолько эмоциональным. Он расстегнул куртку, снял ее и бросил на диван. В то время как я все еще куталась и мерзла, ему, казалось, стало жарко. Он даже оттянул ворот джемпера.

— Наступающий год лучше, потому что в нем я буду не один. Ну, для меня лучше поэтому, — смутился он.

Сейчас главное не поддаваться жалости. Я чувствовала, как слезы подступают к глазам. Чтобы этого не заметил Захар, принялась ковырять вилкой салат. Только в этот момент я поняла, насколько этот человек одинок. Ведь, скорее всего, насколько я успела узнать его, в семье он что-то типа вдохновляющей и заряжающей энергией составляющей. Так и представляла, как Захар все время пытается оградить близких от неприятностей, отвлечь от грустных мыслей. Какую же насыщенную жизнь должен вести человек, который самим собой может быть только в стенах своей комнаты, когда его никто не видит. А я еще обижалась, считала его странным и невнимательным. Да на меня у него уже просто сил не осталось. А уж когда я раскрыла его тайну, то и подавно.

— В общем, за тебя! — Он беззвучно стукнулся о мой стакан.

— И за тебя, — как эхо, откликнулась я, все еще не глядя на него.

Вроде приступ жалости прошел, и я смогла посмотреть на Захара. Он уплетал салат, как ни в чем ни бывало, с явным аппетитом, как будто это не его я видела на пике волнения всего несколько минут назад.

Я выпила шампанское, чувствуя, как внутри разливается

тепло, и тоже переключилась на закуски.

Вскоре подоспели шашлыки. Захар снял дымящиеся куски мяса с шампуров на тарелки, сдобрил их кетчупом и велел есть, пока горячие. Уговаривать меня не пришлось. Что я любила едва ли не больше всего в жизни, так это шашлык. Правда, зимой, да еще на природе, ела его впервые. Но от этого аппетит только разгорался.

Под шашлык Захар откупорил бутылку красного столового вина. Зря я волновалась, что буду чувствовать неловкость. Помоему, я еще никогда столько не смеялась. Оказывается, у Захара отменное чувство юмора, и анекдоты он знает на все случаи жизни, а еще много всяких историй.

Чтобы не пропустить наступление Нового года, мы завели будильник на телефоне. Очень удивилась, что время пролетело так незаметно, когда без двух минут двенадцать он прозвонил. Захар разлил шампанское, вручил мне бенгальский огонь и даже сымитировал бой курантов под аккомпанемент моего смеха. Несмотря на легкое опьянение и веселье я не забыла загадать желание. Долго ломать голову не пришлось — я попросила у Деда Мороза, или кто там исполняет новогодние желания, помочь нам с Захаром разгадать общую тайну и чем быстрее, тем лучше. То ли у меня в душе поселилась удивительная гармония, то ли ночь была волшебная, только в тот момент я поверила, что обязательно помогу Захару выжить.

Хмель сыграл со мной злую шутку — в половине первого я почувствовала, что не могу держать глаза открытыми. К этому времени дом прогрелся настолько, что я сняла пуховик. Сонливость моя не укрылась от Захара.

— По-моему, некоторые сейчас уснут сидя, — рассмеялся он. — Постелю тебе на диване и укладывайся.

— А ты? — не удержалась, зевнула я.

— Подышу немного воздухом и тоже на боковую.

Приятно поразило чистое накрахмаленное белье и очень даже удобный диван. Я с удовольствием укуталась в одеяло и закрыла глаза. Голова немного кружилась, пришлось ловить фокус. В комнате я осталась одна. Лампу Захар не стал гасить, лишь укоротил фитиль.

Если бы я знала, через что мне предстоит пройти в следующие несколько часов, то оттянула бы этот момент, насколько смогла. Но, на то оно и будущее, чтобы даже не догадываться о нем.

Любаша плачет. Боженьки, как же хочется спать! С трудом разлепила глаза. Малышка надрывалась, что есть мочи. Григорий даже ухом не вел — перепил медовухи накануне, спал, как убитый. К лучшему это — только его не хватает, путающегося под ногами.

Ступни коснулись ледяного пола, сразу стало зябко, по коже пробежали мурашки. Луна заливала комнату холодными предраcсветными бликами. Рано в этом году приближалась зима — ни бабьего лета, ни пожухлой листвы. Первый снег лег на зеленую траву. И после него тепла больше не было, хоть и земля еще оставалась долго непокрытой, вымороженной.

Колыбель ходила ходуном. Любаша распеленалась и сучила ножками, громко крича.

— Ну, что ты, моя хорошая? Что случилось?

Я достала теплый комочек и прижала к себе. Дверь отворилась и заглянула заспанная свекровь.

— Давай я?

— Сама. Идите спать.

— Молока согреть? Или грудь дашь?

А что толку ее давать-то? Не было там молока, пустая я. Сколько можно мучить малышку, не доедает ведь. У соседки вон коза хорошо доится, молока много, бери не хочу. Нет же, срабатывает упрямство — какая же я мать, раз не кормлю грудью. А еще мешает страх. Когда Любаша ест мое молоко, я чувствую, что нас связывает так многое. Вдруг, это исчезнет, перестань я ее кормить?

— Я согрею. Идите, не мерзните.

— Поставлю чайник...

Она хорошая, свекровь. Тихая, незаметная, добрая и внимательная. В ее глазах столько понимания, сколько в родной матери не встретишь. Но такое сходство с Григорием! Не могу смотреть на нее и не видеть его. Даже походка у них одинаковая — слегка бочком, словно подкрадываются. И поступь тихая, акуратная.

Любаша чуть притихла, но ерзала, прижимала ножки к животу. Болит у нее, наверное, что-то.

Она совсем крошечная — месяц отроду. Беззащитная и бессловесная. Но уже такой человечек. Как посмотрит на меня, словно все понимает, только сказать не может.

Ох уж это упрямство — все-таки дала ей грудь. Оправдывала себя, что еще один раз и чуть-чуть. Смотрела, как она жадно

хватает сосок губами и чувствовала эту связь. Но долго так продолжаться не могло. Когда дочка поняла, что молока нет, заплакала пуще прежнего, с обидой.

Вода нагрелась. Тяжело было делать все одной рукой, но и кричащую Любашу не хотела оставлять в комнате — а ну как Григорий проснется. Налила из кувшина молока в бутылочку и разбавила горячей водой.

В кухне холодно, но в комнату возвращаться не хотелось. Закутала Любашу получше в одеяло и ждала, когда наестся. Уснула она сразу же, не допив молоко. Я вытерла белую струйку, стекающую из уголка ее рта, и не удержалась — прижалась носом к теплой щечке. Так бы и нюхала. Несмотря на недосыпание, ночи я почти любила. Только в это время я могла быть самой собой, когда никого нет рядом. Поэтому и свекровь отправляла все время. Обижалась она, не понимала моих причуд. Я и сама себя не понимала — зачем на людях делаю вид, что не люб мне мой же ребенок.

Вернулась в спальню, положила Любашу в колыбель и посмотрела на спящего мужа. Похрапывает себе, улыбается во сне. Одеяло съехало, и я увидела восставшую плоть, выпирающую из подшитанников. Мгновенно испытала отвращение и прикрыла его срамное место. Месяц после родов, когда я была только мать, не жена, прошел. Григорий об этом пока не знал, если свекруха не рассказала. Она-то точно заметила, насколько реже я меняю белье.

Стараясь не шуметь и даже не дышать, я легла на свою половину кровати. Любаша заплакала во сне, но тут же замолчала. Я замерла, боясь пошевелиться. Григорий что-то пробормотал и перевернулся на другой бок. Я чувствовала его горячее дыхание на своей шее и уловила запах перегара. Отчаяние накатило, когда шершавая ладонь дотронулась до бедра, забралась под сорочку и, проскользнув вдоль тела, сжала грудь.

— Ты чистая, — прошептал он мне в ухо. — Как же я соскучился!

* * *

Все собрались за ужином. В этой семье долгие посиделки вечером были традицией. Почти всегда кто-то приходил в гости. Вот и сейчас свекор, Григорий и сосед, с красными после медовухи лицами, жарко спорили, какой корм лучше заготавливать для скота.

Свекровь сидела тут же, облокотившись о стол и подперев

рукой голову. Ее глаза осоловело смотрели на мужчин. Видно было, что держится она из последних сил, только страх перед мужем мешает уйти в свою комнату и заставляет бороться со сном. Бедняга. Упахивалась она за день, стараясь всем угодить, ведя хозяйство. Меня ни к чему не подпускала, помогать не разрешала. Жалела. Говорила, что молодая еще, успею наработаться. Велела беречь силы для дочери. Меня это и умиляло и бесило одновременно. Как можно сознательно превращать свою жизнь в рабство? Она же выглядит старухой, хоть и лет ей еще не так много. Хотя при таком муже, который поколачивал ее частенько ни за что, когда перебирал медовухи, ничего удивительного. Чем-то свекор напоминал мне отца — такой же деспотичный. Только отец никогда не поднимал руку на мать, или она ему не позволяла. При видимой мягкости характера был в ней железный стержень.

Я посмотрела на Григория. Ненависть не заставила себя ждать — накатила и затопила душу. Вот уж где тихий омут — правду в народе говорят. Мягкий с виду, молчаливый и сговорчивый, по вечерам, в нашей с ним спальне, превращался в тирана и насильника. Его похоть была ненасытной. Он даже не замечал, как делает мне больно, истязает мою плоть. Сиюминутное желание удовлетворения отключало его разум. В такие минуты Любаша могла заходиться плачем. Он не отпускал меня, пока не получал желаемое. Насытившись, тут же засыпал, не обращая внимания, в каком состоянии нахожусь я. С каждым днем я боялась и ненавидела его все сильнее — в пьяном угаре, обуреваемый страстью, Григорий казался мне способным на все.

С трудом отвела от мужа взгляд, хоть он уже и поглядывал красноречиво в мою сторону. Спор его интересовал все меньше. Знал бы он, какие мысли бродят в моей голове!

В кухне стояла удушливая жара. Свекровь натопила печь так, чтобы и ночью сохранилось тепло. Меня слегка подташнивало, хотелось выйти на мороз в чем есть, вдохнуть свежего воздуха. Я поняла, что за весь ужин так и не притронулась к еде. Благо, на это никто не обращал внимания.

Любаша заплакала, и это явилось избавлением от душного плена. Тут уж я законно покинула кухню и поспешила к дочери.

Малышка заливалась слезами и корчилась в колыбели. Не нравилось мне все это. Хоть свекровь и говорит, что младенцы все страдают животами, но не до такой же степени. Уже два месяца исполнилось, должно же нормализоваться. Что я только не делала — и укропный отвар давала, и грела животик... все без толку. Вижу же, как мучается дитя мое.

— Опять, да?

Не заметила, как в комнату вошла свекровь.

Я взяла Любашу из колыбели и прижала к себе животиком. Только так она затихла, продолжая всхлипывать и поджимать под себя ножки.

— Не знаю, что еще можно сделать.

— К Пелагее тебе надо, к знахарке. Пусть посмотрит малютку, может, что дельное присоветует.

Про Пелагею я слышала, только ни разу не видела. Люди рассказывали, что живет она на краю села, почти из дома не выходит. Нелюдимая, говорят, совсем. Многие к ней за помощью обращались, по разным вопросам. Не только добро она, по слухам, творит, но и на зло способна.

— Боязно как-то. — Голос дрогнул, как представила крючковатые пальцы, протягивающиеся к моему сокровищу.

— Не тронет она дитя. Ничего плохого ей не сделает. Святое это... — уверенно произнесла свекровь. И, как ни странно, эта уверенность ее и меня убедила.

— Завтра с утра снесу Любашу к ней, тогда.

Откуда-то пришла уверенность, что осталось пережить эту ночь, а назавтра все измениться. Благо, Григорий перебрал с медовухой. Заявился в комнату, едва держась на ногах. Тут же, не раздеваясь, повалился в постель и громко захрапел.

Я еще долго сидела с Любашей на руках, пока она полностью не успокоилась и не уснула. Только тогда положила ее в колыбель, и сама прилегла на край кровати, как можно дальше от мужа. В нос ударил запах перегара, и меня снова замутило. На глаза навернулись злые слезы. Когда уже все это закончится?

* * *

Ну и стужа! Чуть не задохнулась, выйдя на улицу. Порывы ледяного ветра сдували с ног. Нести Любашу, закутанную в толстое одеяло, было неудобно и тяжело. Дороги перед собой не видела. Не самая подходящая погода для прогулки через все село, да и ноша тяжеловата. Но раз решила сходить к Пелагее, передумывать не в моих правилах. Свекровь уговаривала положить Любашу в сани, но я отказалась. Внизу-то еще холоднее, все ж лучше у матери на руках. Ничего, потерплю, своя ноша не тянет.

Бедная земля! Когда уже тебя укроет снег? Ведь вымерзнет все, если такая погода и дальше будет держаться. Не уродится ничего на будущий год, голодно будет.

Когда добрела до аккуратного срубового домика на краю села, рук не чувствовала от усталости. Калитка оказалась открытой, слава Богу. Продержи я Любашу еще хоть минуту, выронила бы,

наверное.

— Заходи, горемычная, — услышала я голос, поворачивая за угол дома. — Долго же ты шла... Давай дитя сюда!

Опомниться не успела, как меня втащили в сени и освободили от ноши. Руки тряслись от слабости, пока разматывала платок и снимала рукавицы. Только потом смогла рассмотреть Пелагею. И вовсе она не старая, как я себе представляла. Младше моих матери и свекрови, статная, вся такая ухоженная. Вон какая спина прямая, гордая.

Пелагея распеленывала спящую Любашу на огромном сундуке, укладывала ее поудобнее. Сон сморил на морозе малышку. Я видела профиль знахарки с прямым удлинненным носом и высокими бровями, да собранные в пучок на затылке волосы цвета воронова крыла. Платье на ней тоже было черное в пол длинной.

— Чего смотришь? Другой представляла? — не поворачиваясь в мою сторону, спросила Пелагея. — Сымай пальто, оставь в сенях. Сюда войди в простом платье, с непокрытой головой. Обувь тоже там оставь.

Пришлось вернуться в сени и раздеться. Благо в доме было тепло, натоплено. Даже пол деревянный не охлаждал ноги.

Любаша спала, посасывая кулачок и причмокивая. Не успела я подумать, как же знахарка ее будет смотреть, как Пелагея снова заговорила:

— С дочерью твоей все в порядке. Недуги ее детские, к четырем месяцам пройдут. Дам тебе порошок, будешь заваривать его крутым кипятком и давать по маленькой ложечке три раза в день после кормления. Живот крутить перестанет.

Я растерялась. Что же я, в таком случае, тут делаю? Надо бы отправляться восвояси, только сил пока никаких нет.

— Присядь, — велела Пелагея, указывая на скамью возле небольшого стола, застеленного кружевной скатертью. — Не торопись уходить. Слишком долго я тебя ждала, чтобы вот так вот отпустить.

От ее слов мороз пробежал по коже. Сразу стало зябко в протопленной комнате.

— Вы меня ждали?

— А то!

— Но как?..

— ... Я узнала про тебя?

Тонкие губы Пелагеи растянулись в подобие улыбки. Если бы не они, лицо знахарки можно было бы назвать симпатичным. Но губы и скорбные складки возле них все портили — выражали вечное недовольство. А еще черные глаза — они казались бездонными колодцами, куда страшно заглядывать.

— Я тебя сразу почувствовала, как только ты появилась в селе, — продолжала Пелагея. — Воздух вокруг тебя нехороший, ядовитый. Он окутывает тебя, словно туча, и заражает всех вокруг. И в последнее время туча быстро разрастается.

Я тонула в ее глазах и чувствовала, как все сильнее перегибаюсь через бортник, того и гляди провалюсь в колодец.

— Смотри сюда, — велела знахарка. Она указала в центр узора на скатерти — маленькую дырочку, через которую просвечивала поверхность стола. — Горе ты несешь, девка! Всем, кто с тобой рядом. Мать твоя, свекровь, муж и тот... чернявый.

Иван? Он-то тут причем? И не из-за него ли я несчастна? Я вскинула глаза на Пелагею.

— Смотри, куда велела! — прикрикнула она. — Нельзя нам встречаться глазами, сгинешь. Как звать тебя?

— Верой.

— Еще как?

Она точно сумасшедшая. Какие-то странные вопросы задает.

— Вера я.

— Думай! — закричала Пелагея, и я покрылась липким страхом. Удивительно, Любаша от шума даже не пошевелилась. Не иначе, как заколдовала ее знахарка. — Кто ты еще?!

Комната закружилась перед глазами, страх мешал дышать и думать. Сквозь туман я слышала голос Пелагеи:

— Думай, думай... Открой душу, голову... Кто ты еще?!

Нужно срочно проснуться, я тут застряла. Это уже не сон, когда он хуже реальности.

Нужно бежать от этой сумасшедшей! Хватать Любашу и бежать!..

— Думай, Вера, кто ты еще! Думай! — кричала Пелагея, и голос ее отдавался траурным набатом в моих ушах.

Помоги мне, Захар! Неужели не видишь, что происходит? Разбуди меня срочно!

Пелагея встала и нависла надо мной, расправив руки, словно коршун крылья. Комната закружилась перед глазами, пока окончательно не потемнело. Последнее, что слышала — слова Пелагеи:

— Умри и возродись в раздвоенном сознании. Постигни свою двойную сущность ипусти в душу ту, что никак не может в нее проникнуть.

Меня били по щекам, голова ударялась обо что-то твердое. С

каждым ударом я пыталась открыть глаза, но веки не слушались. Один удар показался особенно больным, после него я и очнулась.

— Наконец-то... Вставай! — Пелагея подхватила меня под мышки и резко дернула вверх. Голова снова закружилась. Знахарка придерживала меня какое-то время на скамье, пока я не смогла сидеть самостоятельно. — Ожила? Смотри в центр стола! — снова велела она, когда я было глянула на ее лицо. — Снова спрашиваю, кто ты?

А кто я? Я Вера, что живет с ненавистным мужем и скрывает от всех любовь к дочери. Но есть кто-то еще, я чувствую ее присутствие. Она совсем другая. Или она это я, а другая — Вера?

— Кто я? — Голос дрожал от едва сдерживаемых рыданий. Сознание разрывалось надвое. Одна половина его точно понимала, что происходит, другая — не могла поверить в происходящее.

— Назови второе имя!

— Я Евгения.

— Кто ты, Евгения?

— Я пращур Веры.

— Зачем ты здесь?

— Меня призвала Вера, чтобы я спасла ее.

— От чего?

— От преступления и родового проклятья.

Я и она — мы одно целое. Настолько целое, что я не понимала, кем себя ощущаю. В памяти сплелись прошлое, настоящее и будущее.

— Евгения, что должна сделать Вера, от чего ты должна ее оградить?

— Отравить мужа!

Как отравить?! Я понятия не имею ни о каком отравлении. Я думала Григория убил Иван. О чем говорит эта сумасшедшая?!

— Но я не за этим сюда пришла.

— Правильно. Это я вмешалась, — Пелагея довольно улыбнулась. — Ты пришла, потому что у твоей дочери болит живот. Но думала ты не о ней. Ненависть к мужу, что переполняет твою душу, видна за версту. Я лишь ускорила события, впустив в тебя другую. А знаешь почему?

— Почему?

— Потому что не хочу видеть тебя снова. Ты бы пришла еще раз и очень скоро. Я бы дала тебе яд, который дам и сейчас. Только мне нужны светлые души, которые очищают мою. А твоя душа полна черноты, в этом мы похожи. Нельзя нам встречаться.

— О чем ты говоришь?! Какой яд?! — Я не выдержала и посмотрела на лицо знахарки. Тут же ее глаза полыхнули молнией. От резкой боли я зажмурилась.

— Еще раз посмотришь, ослепнешь навсегда, — прорычала колдунья. — Слушай внимательно! Благодаря твоему второму сознанию, по имени Евгения, я знаю жизнь твоих потомков на несколько поколений вперед. Получив порошок для дочери сегодня, ты бы постепенно пришла к мысли, что я помогу тебе избавиться от мужа. Пришла бы ко мне с этой просьбой. И я бы не смогла отказать, потому что, наверное, ты знаешь, не отказываю никому. Я бы дала тебе медленно действующий яд... Забирай его сегодня и больше не показывайся мне на глаза. Все, что могла, я уже для тебя сделала.

О Господи! Неужели я такая? Когда Пелагея сказала, что я захочу отравить мужа, ни секунды не сомневалась, сразу поверила. Да. Отравить — единственный способ избавиться от него.

— Давай яд. — Я протянула руку, не замечая льющихся по щекам слез, не обращая внимания на молчаливый протест той — другой. Сейчас я была только Верой, забытой Богом, а поэтому решившейся пойти против его воли.

— Ишь, какая быстрая, — недобро усмехнулась Пелагея. — Я еще не все сказала. Сегодня я помогла другой душе соединиться с твоей. Как думаешь, зачем я это сделала?

— Зачем?

— Потому что ты этого хотела. Все поколения ты пыталась найти такую душу, которая будет близка к твоей, с которой ты сможешь установить связь. Ты нашла ее, и она теперь в тебе. Но и это еще не все. Постепенно душа Евгении будет становиться сильнее твоей собственной. Очень надеюсь, что она успеет вовремя окрепнуть и помешать совершиться злу.

Как бы не так! Я отравлю Григория сегодня же.

— Не сможешь, — прочитала колдунья мои мысли. — Яд действует долго, месяцы. Но ты права в одном. Если подсыплешь яд мужу сегодня, и та, вторая, тебе не помешает, проклятье вступит в силу.

Я смогу. Она слишком слаба, моя воля сильнее.

— Кроме того, на сегодня у тебя есть дела поважнее. Нужно освободить невинную душу, которая зародилась в тебе. Ты снова понесла от ненавистного мужа.

Так вот почему мне временами становится плохо? Я снова беременна?

— От этого я тебе дам средство тоже. Только поторопись, пока не стало поздно. Незачем еще одного человека делать несчастным.

Дальше все произошло быстро. Пелагея дала мне три порошка, строго велела не перепутать. Спеленала все еще спящую Любашу и буквально вытолкала за дверь. На крыльце она меня остановила и

велела посмотреть ей в глаза. Черный омут начал засасывать моментально. Когда сил сопротивляться не осталось, я почувствовала, как из меня что-то вытолкнули. Это была душа той, второй, как я догадалась.

На улице уже рассвело. Холодное утро первого января. С детства не любила этот день. После новогодней ночи, которая всегда оставалась в памяти, как что-то чудесное и неповторимое, наступали будни, со своими заботами, переживаниями и новыми ожиданиями праздника. Именно в этот день я острее обычного осознавала, что зима еще будет длиться долго. Впереди крещенские морозы, февраль-ветродуй и холодный март, когда зима ожесточенно сражается с весной, не желая уступать ей права.

Угли еще потрескивали в печке, со стола было все убрано. Видно, Захар не так давно лег. Коротал новогоднюю ночь в одиночестве. Значит, не стоит будить его, хотя, больше всего и как можно скорее мне хотелось отправиться домой. Невыносимо было осознавать, что нахожусь в чужой избе, далеко от родного города, в компании малознакомого мужчины. С последним фактом, конечно, можно поспорить. О Захаре я знала так много, сколько иной раз и о родном человеке не узнаешь. Его жизнь открылась мне на протяжении нескольких поколений предков. И проклятие, как выяснилось, лежало не на нем одном.

Еще один факт стал для меня очевидным после сегодняшней ночи — отныне сны не будут принадлежать мне, каждый раз, засыпая, я буду становиться Верой или она мной, не знаю. И сделала это Пелагея — она открыла мне коридор в прошлое, а душу Веры сделала доступной для вмешательства. Как же я отношусь ко всему этому? Пока не понятно. Одно знаю точно, ночи перестали доставлять мне удовольствие и полноценный отдых. В них я продолжала жить и бодрствовать, и засыпать не хотелось все сильнее.

Интуиция и здравый смысл подсказывали мне, что избежать всего этого не получится. Так случилось, что именно я должна попытаться спасти свой род и Захара от последствий грехов наших предков. Но ведь не по собственной же воле я окунулась в этот водоворот. Значит, имею право не хотеть в этом участвовать, хоть моего желания никто и не спрашивал.

Сидеть в постели просто так было скучно. Вставать я тоже не решалось — в доме вроде и тепло, но не так, как под одеялом. Кроме того, не хотела шуметь. От мысли, что проспала всего несколько часов, глаза начали слипаться. И я бы с удовольствием завалилась спать, если бы не страх снова оказаться в сознании Веры. С другой стороны, это неизбежно, значит, придется учиться с этим жить.

Я легла на подушку, укрылась до подбородка и закрыла глаза. Уже засыпая, пробормотала: «Пожалуйста, не надо снов».

Разбудил меня какой-то грохот, за которым последовали приглушенные чертыхания. Постель Захара была убрана, вкусно пахло чем-то съедобным... Сколько же я проспала? Казалось, только закрыла глаза. Чуть не завизжала от восторга, когда поняла, что на этот раз обошлось без сновидений.

— Проснулась? — Захар выглянул из-за печки. — Прости, что разбудил.

— Ничего страшного. Сколько сейчас времени?

— Три доходит.

Ничего себе! Сколько же я проспала?

— Вставай и перебирайся к столу. Сейчас будем обедать.

Чем так вкусно пахнет? Вроде не шашлыком, но явно чем-то мясным. Я почувствовала, как сильно проголодалась.

В доме было тепло — Захар протопил его как следует. Я встала, причесалась и убрала постель.

Стол уже был частично сервирован — остатки вчерашних салатов разложены по чистым одноразовым тарелкам, хлеб нарезан свежими ломтиками. Не успела я сообразить, что надо бы помочь Захару на кухне, как он сам появился с ухватом в руках, на рогатине которой держался настоящий закопченный годами чугунок и весело дымился.

— Ух ты! Я такие только в кино видела! — «А еще во сне», — добавила про себя.

— Он старинный, прабабушкин. — Захар установил чугунок в центре стола и велел приступать к еде. — Я, конечно, не кулинарных дел мастер, но кое-что умею. Плов, например, из остатков шашлыка.

Надо же! Я вот плов готовить не умею и бабушка тоже. Она наши попытки называет рисом с мясом. А тут настоящий, золотистый.

— У тебя в роду есть узбеки?

— Нет, конечно, — засмеялся Захар. — Просто, мама любит национальную кухню, причем разную. Плов, хинкали, хашлама... В общем, из каждой народности по блюду. У нее и научился.

— Вкуснятина! — вынесла я вердикт, когда первый голод был утолен. — Ты настоящий мастер.

— Не-е, я подмастерье. Мастер у нас мама. Но, все равно, спасибо! Как ты спала, кстати, на новом месте?

— Об этом я и хотела поговорить.

Можно и дальше делать вид, что все прекрасно в нашей жизни, что мы знакомы с Захаром многие годы, и нас связывает крепкая дружба. Но на самом-то деле все не так. И как бы мне не

хотелось продлить этот момент, нам стоит серьезно поговорить, я должна рассказать Захару, что произошло ночью.

Страшнее всего было вспоминать Пелагею. Я старалась с точностью передать, что чувствовала в тот момент, и как вела себя Вера. Как обычно, умолчала я только о характере ненависти к Григорию. Не могла я разговаривать с Захаром на такие темы.

По мере моего рассказа, Захар становился все мрачнее. Он хмурил брови и о чем-то сосредоточенно думал.

— Хочешь сказать, что Вера отравила своего мужа? — спросил он через какое-то время после того, как я замолчала.

— По крайней мере, пыталась. Честно говоря, я в растерянности — зачем Пелагея-то вмешалась?

— Будем считать это актом доброй воли, — ответил Захар, но думал он явно не об этом. — Представляю, как тебе тяжело, — произнес он после непродолжительной паузы.

— Не то чтобы...

— Ты не поняла. Вера же совсем не такая, как ты. Представляю, каково тебе находиться в ее шкуре и смотреть на все ее глазами.

— Куда же деваться? — пожала я плечами. — Выбора у меня нет.

На самом деле, к тому что мы с Верой диаметрально разные по характеру и мироощущению, я относилась спокойно. Гораздо больше меня волновал тот факт, что за все время к Ивану я так и не приблизилась. Во-первых, я со страшной силой хотела его увидеть, а во-вторых — вопрос касался жизни Захара. Немного успокаивало то, что сегодня утром появилась крохотная надежда, что я все-таки смогу это сделать. Хотелось верить, что сон мне не приснился не просто так, а потому что я этого сильно не захотела. Если я права, то все изменилось после сегодняшней ночи, и я могу заказывать сны.

— Знаешь, этой ночью я прожила кусочек жизни Веры и поняла, что она глубоко несчастна. Только жалости я к ней не испытываю. Парадокс, да?

— А за что ее жалеть? — Голос Захара прозвучал зло. — Разве не по ее вине мы оба занимаемся сейчас черте чем, вместо того чтобы жить спокойно?

Одна ли Вера виновата в том, как все сложилось? Я задумалась. Конечно, она пошла по пути наименьшего сопротивления — поддалась воле родителей, вышла замуж за нелюбимого. А так ли уж она любила Ивана? Скорее всего, это было увлечением, хоть и пылким. Уже тогда она понимала, что не сможет Иван удовлетворить ее потребности. Что ни говори, а я тоже склонялась к мысли, что был в поступках Веры

определенных расчет. И за Григория она согласилась выйти замуж не просто так, а потому что семья его считалась зажиточной. Родительская воля послужила предлогом. И возможно, веда себя Вера с мужем по-другому, все сложилось бы иначе — не пил бы он так каждый день и не получал бы свое любимыми путями. Да и свекор, возможно, оттаял бы со временем, видя нормальное отношение к сыну. А так... Да, что там рассуждать! Прошлого не переделать. Хотя, именно это мы и пытаемся повернуть.

— Что ты намерена делать дальше?

Вопрос Захара вывел меня из задумчивости.

— Не знаю пока. А у тебя есть план?

— Да, какой, к черту, план! Как думаешь, сможешь ты побороть волю Веры?

— Понятия не имею. Она утверждает, что я слабачка. Тут уже дело принципа...

Я чуть не рассмеялась. Послушал бы нас кто-то со стороны. Точно, решил бы, что сидят два сумасшедших, сбежавших из психушки, и строят планы по завоеванию мира.

— Хочу попросить тебя поехать сегодня домой, — обратилась я к помрачневшему Захару.

— Не понравилось тебе здесь?

— Не в этом дело...

Неужели он не понимает, насколько изменилась моя жизнь?! Как, тогда, я смогу ему объяснить? Мне предстояло многое продумать, на кое-что решиться. А где все это лучше проделывать, как не в родных стенах?

— Да, ладно, не напрягайся. Сам вижу. Доедим и поедем.

Вторая половина обеда прошла в молчании. Намусорить особо мы не успели, поэтому в обратный путь собрались быстро. Я уже сидела в разогревающейся машине, когда Захар тушил огонь в печке и проверял, все ли запер.

Почему дорога домой кажется всегда короче? Не потому ли, что ты точно знаешь, куда едешь, и что тебя ждет? Мне показалось, что прошло совсем немного времени, как Захар остановился возле моего подъезда.

— Поднимешься? — спросила я, выходя из машины.

— Да, нет... Домой поеду. Нужно помыться, а потом еще на работу заскочить. Увидимся.

Опять он отделился от меня, но, кажется, сейчас я правильно угадала причину. Не верил Захар, что у меня что-то получится. Тоже считал меня слабачкой.

— Может, вечером заеду, — сказал он на прощание и с визгом отъехал.

Я еще какое-то время смотрела в ту сторону, где машина Захара скрылась за углом дома. А ведь сегодня вечером и ночью мне бы пригодилась его поддержка или просто присутствие. Кто знает, как все обернется. Не застряну ли я там, во сне, надолго. Нет-нет, да мелькала мысль, что в один прекрасный момент я не смогу оттуда выбраться самостоятельно.

Дом, милый дом. Как же тут все знакомо, привычно и здорово! А если бы еще бабуля колготилась на кухне, то можно было бы сказать «Жизнь налаживается».

Первым делом, едва раздевшись, я позвонила бабуле. Так захотелось услышать родной голос с ворчливо-беспокойными интонациями. Она устроила настоящий допрос, где была, с кем, обошлось ли без эксцессов?.. Пришлось импровизировать, но, думаю, она мне поверила, потому что врала я уверенно. Когда только научилась так врать?

После этого мне захотелось обзвонить всех своих знакомых, поздравить их с Новым годом. Никогда раньше не получала такого колоссального удовольствия от обычных человеческих слов! Кто как умел, тот так и поздравлял. У кого-то это получалось просто, но с теплотой. Кто-то произносил витиеватые речи в стихах. Я напивалась теплотой и отдавала взамен свою. Неудовлетворенность, неизвестно откуда взявшаяся, таяла. Уходила тоска, что вдруг появилась и затопила меня. Если раньше я жила, как почти все, плывя по течению, то теперь я от жизни чего-то ждала. Наверное, оттуда и брало корни томление, ощущение пустоты.

Наташе я намеренно не стала звонить, голову давала на отсечение, что подруга не заставит себя ждать, придет делиться новостями. И точно, не успела я долепить пельмени, отдавая дань нашей с бабушкой традиции — лепить пельмени первого января, как в дверь мою заломились. Каково же было мое удивление, когда рядом с Наташей увидела улыбающегося парня, смахивающего на Емелю из сказки — конопатого и с русым чубом.

Когда церемония приветствий, поздравлений и знакомства прошла, и мы отправили Толика в комнату смотреть телевизор, а сами взялись долепливать пельмени, Наташа показала мне безымянный палец правой руки, на котором красовалось маленькое золотое колечко.

— Видела? — она аж задыхалась от восторга. — Толик сделал мне предложение!

— Здорово, Наташ! Поздравляю от всей души!

— Не представляешь, как я счастлива!

Ну, почему же не представляю. Не нужно иметь

стопроцентного зрения, чтобы разглядеть счастье, которое распирало мою подругу. Она не могла усидеть на месте — то и дело вскакивала и начинала пританцовывать по кухне. Помощи от нее в лепке пельменей практически не было. Но оптимизм ее заражал до такой степени, что и я начинала испытывать задатки эйфории и верить, что все смогу.

— Завтра он меня будет знакомить с родителями. Волнуюсь, как припадочная. Только бы не начать заикаться.

— А когда ты его познакомишь с отцом?

— Тоже завтра и из-за этого тоже волнуюсь. Похожа я на сумасшедшую?

— Есть немного, — усмехнулась я. — Сядь, давай, не мельтеши. А то у меня пельмени кривыми получаются. Лучше расскажи, как все было.

Наташа опять превратилась в актрису. Долго со вкусом она расписывала сцену предложения руки и сердца. Точно приврала, иначе это будет не она. Я даже знала, в каком месте — когда, по ее словам, Толик упал на одно колено и протянул ей бархатную коробочку, перевязанную алой ленточкой.

— Ленточка-то зачем? — не выдержала я, рассмеялась.

— Как зачем? — растерялась Наташа. — Для пущей важности!

Поняв, что я ее раскусила, она тоже громко засмеялась. В такие моменты ее отец говорил, что Наташка ржет, как тыгыдымский конь. И я с ним была абсолютно согласна.

— Ну ладно, ленточки не было. Но, красиво же получилось?

— Еще бы! А на колено точно падал?

— Ну... не то чтобы. Но хотел точно.

Тут я представила, как Толик хочет упасть на колено, но в последний момент передумывает, и как при этом выглядит подруга. Приступ нового смеха, готового перерасти в истерику, не заставил себя ждать.

К тому моменту, когда мы запустили пельмени вариться, у меня от смеха болел живот. Думаю, у Наташи тоже. Оставалось надеяться, что деликатно не выходявший из комнаты Толик не подумает, что смеялись мы над ним.

Наташин парень произвел на меня самое благоприятное впечатление. Его простота в общении и доброта подкупали. А когда я видела, как он смотрит на подругу, сколько в нем обожания, то умилялась до слез, ругая себя мысленно сентиментальной дурочкой.

Мы засиделись допоздна. Пельмени получились на славу. Аппетит Толика тоже порадовал — два раза он просил добавки. После этого мы еще ели торт и обильно запивали шампанским.

Без заключительного чая я их тоже не могла отпустить — какая я после этого хозяйка. В общем, ушли они в двенадцатом часу.

Я ходила по опустевшей квартире, убирала со стола и не понимала, радует меня тишина или пугает. С одной стороны, спокойно, приглушенно работает телевизор, призывно ждет разобранный кровать. С другой стороны — пугала предстоящая ночь. В этот раз я решила не поддаваться слабости и не просить свидения оставить меня в покое. Напротив, настроена была сконцентрироваться именно на том дне, когда Вера вернулась от знахарки. В ее воспаленном сознании уже тогда должен был созреть план, о котором я еще пока ничего не знала. Возможно, уже этой ночью у меня получится остановить одно преступление.

Когда слоняться по квартире надоело, я забралась в постель и принялась щелкать кнопками пульта. Сплошная реклама, по всем каналам. А еще бесконечные сериалы. С каким бы удовольствием я сейчас посмотрела доброе кино, про любовь и дружбу, про обычные человеческие взаимоотношения.

Нога болела в месте перелома — наверное, похолодает. Ветер сменил направление и дул с севера, ледяной. Спать совершенно не хотелось, хоть уже и перевалило за полночь.

Очень удивилась, когда зазвонил мобильный. Кому я могла понадобиться в такое время?

— Привет! — услышала я голос Захара в трубке. — Не разбудил?

— Нет. Я только собираюсь спать.

— Бессонница?

— Похоже на то.

— И у меня...

Я ждала, когда Захар еще что-то скажет, но он молчал. Видно, тоже ждал. Заговорили мы одновременно. Получилось смешно, и это немного разрядило обстановку и, как ни странно, подняло мне настроение.

— Хочешь, приеду? — вновь посерьезнел Захар.

— Зачем? То есть, я хотела сказать...

Неловко получилось. Готова была откусить себе язык.

— Не парься, я понял. — По голосу я угадала, что он улыбается. — Ты это... береги себя... там.

Не трудно было догадаться, что он имеет в виду под словом «там».

— И спокойной ночи. То есть... ну в общем, ты поняла.

Захар отключился. Я вдруг подумала, что он позвонил специально — поддержать меня. Чувство благодарности не заставило себя ждать. Я выключила телевизор и легла на подушку. Сколько можно оттягивать момент, если он неизбежен.

Сосредоточилась и представила себе расставание Веры с Пелагеей. Вновь ощутила неприятное чувство покалывания во всем теле, как тогда, когда знахарка вытолкнула меня из Веры. Старалась больше ни о чем не думать, пока веки не отяжелели, и сознание не начало путаться.

Обратная дорога казалась длиннее. То ли оттого, что идти приходилось в горку, то ли я сознательно замедляла шаг, словно оттягивала момент возвращения.

Любаша все еще спала, и я уже начала волноваться, все ли в порядке, не наслала ли знахарка на нее порчу какую. Хотя, вряд ли. Достаточно вспомнить, как она с ней возилась, да и свекровь говорила, что не обидит та малое дитя.

В правой рукавице прятались два свертка — тот, что побольше, для Любаши от боли в животике, поменьше — мое избавление от нежеланного плода. Про самый маленький сверток, что сжимала в левой руке, я боялась даже думать. Он тоже принесет избавление — от нежеланного мужа. Пусть это и грех, но не первый в моей жизни, не привыкать, да и не видать мне все равно рая.

Ее присутствие я сразу почувствовала. Вернулась стерва! Притаилась, думает, я не узнаю. А как тут скрыться ей, если внутри все зудит, аж выкручивает. Так бы и бросилась оземь, если бы не ноша драгоценная. У-у-у, колдунья проклятущая — специально все так сделала, чтобы знала я, что не одна, что наблюдают за мной. Только, не выйдет у вас ничего. Я сильная!

— Поняла, дрянь?!

Любаша заплакала — видно сжала я ее сильно в безотчетном порыве. Благо до дома оставались считанные шаги. Рук уже не чувствовала, укачать малышку не смогла бы.

Передала сверток свекрови, не сказав ни слова. Она что-то спрашивала, но я не слышала. Не могу ни с кем разговаривать, не хочу никого видеть.

— Уйди! — велела Григорию, зайдя в комнату. Он там чинил колыбель Любаши — скрипела она что-то сильно в последнее время.

— Чего это еще?..

— Выйди вон! — прикрикнула я тогда, сама не понимая, что со мной происходит. Знала только — хочу остаться одна.

— Совсем сдурила, баба?

Григорий хорохорился, но во взгляде его я подметила страх. Он уже встал с корточек и бочком пробирался к двери, побросав инструменты рядом с колыбелью. Видно, смогла я его напугать. От этой мысли захотелось рассмеяться — дико, в голос, так чтоб волосенки на его сивой голове зашевелились от ужаса. Но мне не позволили. И волосы на голове зашевелились у меня, когда открыла рот, растянула губы в злое, как я думала, оскал, а выдавить

ни звука не получилось. Так и стояла, как рыба, открывая и закрывая рот, пока шаги Григория не стихли за дверью.

— Ах, ты дрянь! Змеюка подколодная! — прошипела я, когда вернулся дар речи. — Думаешь, сможешь одолеть меня?

Прислушалась к себе. Тишина. Даже зуд прекратился, словно сгинула она. Но в следующий момент я повалилась на кровать и принялась извиваться всем телом, пока она не насмеялась. Загляни сейчас кто в комнату, решил бы, что двинулась я умом после визита к знахарке. А далек ли он был бы от истины? Что это, как не помешательство, когда внутри тебя находится еще кто-то?

— Хватит, перестань! — взмолилась я, когда сил терпеть уже не осталось, когда показалось, что еще чуть-чуть и сойду с ума.

Дважды просить не пришлось — она притихла, снова притаялась.

Я сидела на кровати, боясь пошевелиться. Злость клокотала внутри, хотелось рвать волосы на себе. Но что это даст? Нужно-то мне совсем другое — сделать так, чтобы она не могла мне мешать.

— Вера, что с тобой? Почему не раздеваешься? — заглянула свекровь с распеленутой Любашей на руках.

Я представила, как, должно быть, выгляжу. В шубе, валенках, с выбивающимися из-под платка космами...

— Ты чего такая? — продолжала допрос свекровь, войдя в комнату и прикрыв за собой дверь. — Зачем в одежде на кровать взгромоздилась?

Пошла вон! — хотелось заорать. Но не давала, та. Я чувствовала, как она напряглась внутри меня, по позвоночнику побежала уже знакомая рябь.

Я встала с кровати. Должно быть, выглядела совсем дико, раз свекровь попятилась к двери, крепче прижимая к себе Любашу.

— Пускай у нас поспит, раз Гришенька еще не починил люльку, — пробормотала она и выскочила за дверь.

— Довольна?! — заорала я и даже затопала ногами. — Думаешь, победила, да? Черта с два тебе!

Хотелось все крушить вокруг. Бить, ломать, рвать, кричать... Злость душила. Не могла растегнуть шубу — так тряслись руки.

— Я и тебя выправлю, сволочь! Я вас всех повыправливаю, гады! Гады! — снова проорала я.

Не успела я сообщить, как дверь распахнулась и в комнату вбежал свекор, а за ним бледный Григорий.

— С ума сошла, девка?! Хочешь ослабить нас на всю округу?

Не помню, когда в последний раз свекор со мной разговаривал. Вскоре после свадьбы, наверное. После этого все больше отмалчивался. Если и высказывал недовольство, то только через

сверковь или сына. Поэтому, только сейчас меня осенило, насколько сильна его ненависть. Всю ее он вложил в две короткие фразы. Глаза его превратились в две злые щелочки, рот ощерился, словно пасть зверя. Даже зубы напоминали острые клыки.

— Уйми эту дуру! — велел он сыну, вытолкнув его на середину комнаты. — Иначе, я вас обоих порешу!

Господи, что я творю! Какой позор! Я отвернулась от мужа, пытаюсь дрожащими пальцами справиться с завязками на шубе.

— Давай помогу, — почувствовала руки Григория у себя на плечах.

Слезы застилали глаза. Я ничего не видела и еще меньше понимала.

Он развернул меня к себе и, казалось, копошился вечность, снимая с меня шубу. Дрожь прошибала с головы до пят. И хуже всего было то, что я чувствовала, как трясет ту тоже. Голова кружилась, ноги подкашивались. Я чуть не упала, когда колени в очередной раз подогнулись. Григорий подхватил меня и уложил на кровать, продолжая раздевать.

— Родная моя, желанная... успокойся.

Только тут до меня дошло, что Григорий успел снять не только шубу и валенки. На мне уже не было чулок, и платье задрано до самой груди.

— Нет, — простионала я. Сил сопротивляться не осталось. — Помоги же мне! — обратилась я к той.

Остатки сознания уловили ее бесполезные попытки что-то сделать — помешать Григорию. Ей это было так же противно, как и мне. Она так же реагировала на боль, что причиняли мне руки мужа. Она боялась и боролась с отвращением, но ничего не могла поделать.

— Зачем же ты тогда мешаешь? — прорыдала я. — Уйди, не унижай меня еще сильнее.

* * *

Я села в кровати, ощущая покалывание во всем теле. Слезы еще не просохли, и я громко всхлипывала. Но это были не мои слезы, а Веры. Моим было отвращение с привкусом тошноты.

Зачем она позволяет так с собой поступать? Ведь можно же по-другому, я уверена. Достаточно только поговорить с Григорием, попытаться объяснить ему.

Под одеялом было жарко. Жутко хотелось пить. С удовольствием прошлась по прохладному полу. Включила свет на кухне, налила себе воды в большой стакан до верха и уселась с

ногами на стул.

Не пугали ни тени за окном, ни пустая и темная квартира. Об этом я попросту не думала. Все мысли мои были заняты Верой — ее интимной жизнью. Именно она послужила причиной ее ненависти к Григорию. Всепоглощающая страсть заставляет его делать ей больно. Но я уверена, что он об этом даже не догадывается, как не замечает ее реакции на близость с ним. Так почему она просто не поговорит с ним? Нельзя же за это убивать!

Мои познания во взаимоотношениях мужчины и женщины сводились к чистой теории и тому, что благодаря Вере испытывала во сне. Но я читала много книг. И пусть в них не расписывалась эта сторона в деталях, но наделенный воображением человек мог себе все это представить. Я точно знала, что происходит в момент совокупления. Современный мир не оставляет места для наивности и незнания. Более искушенная в этих делах Наташа нередко просвещала меня, потчую излишними даже подробностями. А дальше дорисовывало мое воображение. И все было совсем не так, как у Веры с Григорием. В моих фантазиях все было прекрасно.

Я сосредоточилась на Вере, на ее ощущениях. Вот сейчас я не сплю и точно могу представить, что бы чувствовала, окажись на ее месте. Реакция не заставила себя ждать — меня передернуло от отвращения, стоило только увидеть мысленную картину. И как бы повела себя я? Оттолкнула бы Григория? Скорее всего это получилось бы произвольно. Как ни напрягалась, не могла себе даже представить, как бы поступил муж Веры в таком случае. Может он ударить? Вполне. Что-то подсказывало мне, что есть в Григории определенная жестокость, рождаемая трусостью. Именно такие вот тихони способны причинять боль тем, кто послабее, не рискуя идти на более сильного.

Ну хорошо, представляю дальше: я отталкиваю Григория, он ударяет меня... И все, приехали. Я оказалась в тупике. Потому что мужчина, ударивший женщину один раз, сделает это еще. Так говорила моя бабушка, а ее мнению я очень доверяла. Получается, до этого доводить нельзя. Значит, по любому Вере остается терпеть? Ничего подобного! Можно же поговорить...

Трепель телефонного звонка прорезала тишину, и я чуть не упала со стула. Сердце колотилось в груди, гулом отдаваясь в ушах, когда отвечала на звонок. Только бы ничего не случилось с бабушкой!

— Ты что, бежала? — услышала я голос Захара в трубке.

— Я практически умерла, так испугалась.

— Прости, не подумал...

— Ничего, что сейчас ночь?

Мне уже полегчало. Слава Богу, с бабулей все в порядке. В таком случае, звонку Захара я даже рада.

— Намекаешь, что разбудил?

— Нет. Ты как чувствовал, что я не сплю.

— Не чувствовал, а знал.

Повисла пауза, во время которой я пыталась вникнуть в смысл последней фразы.

— В каком смысле? — решила уточнить.

— Я уже полчаса вижу твою голову в кухонном окне.

— Ты возле моего дома? — Я приблизила лицо к окну и правда, разглядела машину Захара. — Но, что ты тут делаешь?

— Сам не знаю.

— Поднимайся, раз уж нам обоим не спится.

Захар выглядел уставшим и каким-то без настроения. Скорее всего, это не первая бессонная ночь. Хотя прошлую мы и провели вместе, я не заметила, сколько он спал.

— Чай хочешь?

— Не откажусь.

Пока я хлопотала на кухне, он молча сидел тут же, рассматривая рисунок на клеенке.

— Бутерброды сделать? — спросила я скорее ради того, чтобы развеять гнетущую тишину, чем из вежливости.

— Нет, спасибо.

Я поставила перед ним бокал с чаем и уселась напротив.

— Что тебе снилось?

Захар в упор смотрел на меня. Я понимала, о чем он спрашивает. Его интересует конкретный момент из жизни Веры, в котором я только что побывала. Но как такое расскажешь?

— Что-то ужасное?

Он ждал ответа, а я не знала, как начать. Нужно рассказать ему, одной мне с этим не справиться. Но как заставить себя заговорить на эту тему? Это все равно, что рассказать о собственной неудачной попытке близости во всех подробностях. Такими вещами я бы даже с Наташей делиться не стала.

— Жень, посмотри на меня. Что тебя смущает?

Захар потянулся через стол и взял меня за руку. Его пальцы были теплыми, прикосновения приятными. Я смотрела в его глаза и поражалась, сколько в них доброты и мудрости. Почему я раньше этого не замечала? Или он никогда до этого так на меня не смотрел?

— Пошли, — он решительно потянул меня за руку.

Мы пришли в комнату, где мне мгновенно стало стыдно за разобранную кровать.

— Можешь отвернуться? — попросил Захар. — Просто,

доверься мне.

Я отвернулась. Что бы он ни придумал, это должно сработать. В такой неловкой ситуации я еще никогда не оказывалась.

Захар выключил свет. Я не поворачивалась, прислушивалась к его шагам и шорохам. Немного удивилась, когда поняла, что он трогает постель, и различила скрип дивана. Заправить ее решил, что ли? Наверное, его смущает бардак. Я почувствовала, как краснею.

— Все! Иди сюда.

Я повернулась и тут же чуть не повалилась на пол. Захар, по пояс голый, сидел в моей постели. Кажется, он не улыбался, но в темноте я видела плохо. Если это шутка, то совершенно дурацкая и не подходящая к ситуации.

— Жень, иди сюда! — Голос Захара прозвучал тверже.

— Зачем? — Мой, в отличие от его, дрожал и прерывался.

— Просто, доверься мне. Ничего плохого я не сделаю.

Я подошла к дивану и застыла. Ситуация еще та — Захар голый в моей кровати и я перед ним в одной пижаме. Увидела бы нас сейчас бабуля.

— Залезай сюда, — скомандовал Захар, откидывая одеяло.

Я невольно зажмурилась, словно ожидала увидеть там что-то неприличное.

— Жень, ну ты чего? — рассмеялся Захар. — Я не собираюсь тебя насиловать. И это всего лишь плавки.

Легко ему говорить — взрослый мужик, наверное, не одну женщину повидал и попробовал. А я... чертова девственница.

Так глупо я еще не чувствовала, по-моему, себя ни разу, особенно, когда забиралась в постель и усаживалась у Захара между ног, спиной к нему. Благо, он не растерялся — обхватил меня рукой, крепче прижимая к себе, укрыл нас обоих одеялом и уткнулся носом мне в шею.

— Давно хотел это проделать, — проговорил Захар, и его губы и дыхание зашекотали мне кожу, отчего по всему телу разбежалась толпа мурашек.

Я боялась пошевелиться, чувствуя тепло и силу его спины и ног, горячую ладонь на своем животе, прямо под грудью. Она находилась как раз там, когда подними он ее чуть выше и объятья перестанут быть дружескими. Хотя, в том, что они сейчас именно такие, я ох как сомневалась.

Он прижимался губами к моей шее, но не целовал ее. Нюхает он меня, что ли?! Внизу живота появилась непривычная тяжесть и приятная ломота. Что-то подобное я испытывала, когда обжималась в подъезде со студентом. Но реакция была не такой сильной.

Я поняла, что сильно возбуждаюсь, когда Захар пошевелил рукой, и я едва не обмякла в его объятьях, чувствуя слабость во всем теле и легкое головокружение.

— Расслабилась? — спросил он опять в шею. В этот раз, кажется, он легонько поцеловал ее.

— Не то слово!

Надеюсь, он не догадался, о чем я.

— Тогда рассказывай! — прижал он меня еще крепче, ненароком касаясь основания груди. Ну, мне хотелось верить, что сделал он это не специально. Хотя, я уже не была уверена, что именно в это мне хотелось верить.

— Мне часто снятся Вера и Григорий...

Сначала я лихорадочно подбирала слова, смущалась и путалась. В такие моменты Захар молча подбадривал меня, поглаживая мой живот или целуя в шею. Постепенно речь моя стала более плавная, стеснение куда-то отступило. То, что я сидела к нему спиной, здорово помогало. Я не хотела, да и не смогла бы сейчас, видеть его лицо, что бы оно там не выражало.

Сама не заметила, как все ему рассказала, не утаивая подробностей. Какое-то время, когда закончила, мы сидели все в той же позе, не двигаясь.

— Все. Пора тебе выгонять меня, — пошевелилась я.

— Не торопись, посиди еще немного, — попросил Захар.

Мне захотелось увидеть его лицо, и я слегка повернула голову. В следующее мгновение его губы прикоснулись к моим, и я потеряла способность соображать. Кажется, я развернулась в его сторону, или это он развернул меня... Только в следующий момент я уже крепко обнимала его за шею и обхватывала ногами бедра.

Мы оба пришли в себя, когда Захар пробрался ко мне под пижамную кофту и коснулся груди. Меня словно током прошибло — я отскочила от него, как теннисный шарик.

— Прости, увлекся. — На его лице я не подметила даже тени смущения, в то время как сама была готова сгореть от стыда.

— Ты так и не сказал, что думаешь обо всем этом? — намекнула я, что мы вообще-то тут по делу, а не ради того чтобы обниматься и целоваться.

На всякий случай отодвинулась от Захара подальше, все еще ощущая вкус его поцелуя.

— Я думаю, что мне жаль их обоих, — ответил Захар, укладываясь на подушку и поворачиваясь к стенке.

Уж не собирается ли он заснуть? В самом его желании ничего странного не видела — разгар ночи все-таки. Удивляло, что он даже попытки не делает встать и уйти.

— Давай, поспим, — подтвердил мои подозрения Захар. — Меня ужасно разморило. Только, вот что... — он повернулся ко мне, — ничего не предпринимай, поняла! Утром мы с тобой подробно обсудим все и решим, как действовать дальше.

Супер! Решение, достойное гения!

Мне ничего не оставалось, как устроиться рядом с Захаром и попытаться уснуть. Долго уговаривать свой организм не пришлось — на радостях, что его не заставляют путешествовать в прошлое, уснул он мгновенно.

Несмотря на полубессонную ночь и массу новых впечатлений, проснулась я рано. Память тут же услужливо восстановила все последние события. Краска стыда не заставила себя ждать и обильно залила мое лицо. Хорошо, Захар крепко спал. Казалось, он даже позы не изменил — так и лежал лицом к стене.

Молясь, чтобы он не проснулся, я, боясь даже дышать, вылезла из кровати, схватила домашние вещи и скрылась в ванной. Так тщательно я еще никогда не умывалась и не причесывалась. Спортивные штаны и футболка казались мне неподходящими для того чтобы предстать в них перед тем, с кем практически провела ночь. Но выйти из ванной и подобрать другой наряд я не рискнула. Пришлось велеть себе не страдать идиотизмом и не мечтать, что отныне в наших отношениях с Захаром что-то изменится.

Зря я опасалась, что выйду из ванной и увижу ухмыляющегося Захара. Он умудрился проспать до обеда. Не разбудил его ни звонок бабушки и получасовые наши с ней разговоры, ни приход соседки за стаканом муки. Я ждала его пробуждения, чтобы вместе позавтракать. К тому моменту, как это случилась, успела проголодаться так, что чуть не набросилась на него сонного с кулаками.

— Здоров ты дрыхнуть! — проворчала я, забыв даже застесняться, когда он вошел в кухню.

— Давно так не высыпался, — потянулся Захар. — Кофе напоишь?

Я налила кипятка в чашку из раз пятый только что вскипевшего чайника, поставила ее и банку растворимого кофе перед Захаром со словами:

— У нас самообслуживание. — Правда, тут же добавила: — Сейчас будет яичница.

Я бы на его месте тоже предпочла сделать вид, что ничего не замечаю во избежание дальнейших конфликтов.

К тому времени, как мы расправились с глазуньей из шести яиц, я изрядно подобрела и на Захара поглядывала с интересом и примесью смущения. Не могла не вспоминать, как он вчера обнимал меня и чем это закончилось. Даже себе боялась признаться, как хочу повторения поцелуя. И так странно, сегодня мне Захар внешне напоминал Ивана. Такой же смуглый, в глазах есть что-то общее... только первый чуть ниже и в плечах шире.

Я в открытую позволила себе залюбоваться Захаром, когда он решил помыть посуду и не мог видеть меня. Не считая вчерашней

ночи, с голым торсом он впервые расхаживал по моей квартире. Надо же, какой он рельефный — каждую мышцу видно. Он не надел ремень, и брюки сползли на бедра, открывая плоский живот. Не многие в его возрасте могут похвастаться такой фигурой. Большинство мужчин к тридцати годам уже превращаются в этаких мужичков.

Я чуть не рассмеялась, осознав, о чем сижу и размышляю. И когда же я успела рассмотреть столько тридцатилетних мужиков? Я и внимания-то на них раньше не обращала. А туда же — всех под одну гребенку. А все сегодняшняя ночь — это она во всем виновата. До вчерашнего вечера я и в Захаре-то толком мужчину не видела. А теперь не могу отвлечься — все время ловлю себя на мысли, что нахожусь с ним наедине в одной квартире.

Когда он домыл посуду и принялся натирать раковину и плитку вокруг нее, я не выдержала и сбежала в комнату. Это уже слишком — теперь мне его движения напоминают танец. Специально он что ли выпендривается передо мной?

Получилось немного отвлечься, пока убирала постель и раскладывала вещи по местам. Батник Захара мне показался таким мягким. Еле удержалась, чтобы не понюхать его. И вовремя развесила его на спинке кресла, потому что следующую секунду появился его хозяин.

— Поедешь со мной? — спросил он с порога.

— Куда?

Лягнула, не подумав. Стараюсь никогда не произносить этого слова. Бабушка с детства отучила. Она говорит: «Не кудыкай, дороги не будет». А тут, на тебе. Но Захар, по всей видимости, ничего особенного в этом коварном слове не находит.

— Да мне тут лом нужно забрать. Дешево предлагают. Одному ехать скучно, да и обсудить можно все по дороге.

Оказалось, что ехать нужно в соседний город, до которого чуть больше ста километров. Я прикинула, что заняться мне особо нечем, насидеться дома еще успею, да и поговорить нам действительно нужно.

— Тогда, собирайся, а я пойду греть машину.

Однозначно, я себя сегодня не узнавала. Стоило только закрыться двери за Захаром, как я побежала в ванную — быстренько нанести макияж. Сто лет не красилась, даже тушь успела высохнуть. Пришлось разбавлять ее кипятком. В идеале бы вымыть голову, но на это точно не было времени.

Гардероб свой я тоже продумала до мелочей. Теплые штаны надевать не стала, решив, что в машине не замерзну. Захотелось выглядеть элегантно, поэтому остановилась на узкой юбке до

колена и короткой, до талии, куртке. Если Захар и заметил мое преобразование, то виду не подал. А жаль.

Настроение зашкаливало. Хотелось петь и пританцовывать. Еле сдерживалась, чтобы сидеть спокойно. Я любила все: однообразный, в неизменно-белом убранстве, пейзаж за окном, приглушенный шансон, льющийся из динамиков, удобное сидение, принявшее меня, как родную, и теплый воздух печки, обдувающий колени в капроновых колготках.

Захар молчал, лишь временами посматривал в мою сторону. Я терпеливо ждала, когда же он заговорит, и наслаждалась дорогой. В копилку хорошего настроения добавилось еще и то, что бабуля, наконец-то, определилась с датой отъезда и даже взяла билеты на обратную дорогу на двадцатое января. Еще чуть больше двух недель, и я снова перестану быть одна.

Такое чувство, что кто-то все-таки наблюдает за нами свыше, потому что, как только я испытала вселенское счастье, меня тут же посетили грустные мысли. Словно кто-то решил, что для одного человека слишком много положительных эмоций, надо бы разбавить их чем-нибудь негативным. Стоило мне в очередной раз представить те минуты, что пережила ночью, которые показались мне сейчас самыми прекрасными, как нагрянула мысль, что никогда больше этого не повторится. Только я захотела посмаковать каждую подробность, вспомнить все до мелочей, как в сознании поселилась горечь невосполнимой утраты. Что это, как не постороннее вмешательство для наведения баланса?

Наверное, нервозность моя достигла пика, потому что на глазах выступили слезы. Это не укрылось от внимания Захара.

— Что с тобой? Ты плачешь, что ли? — удивился он.

— Нет, конечно, — заверила я, некстати шмыгнув носом. — В горле запершило.

— Я тут все думаю... о том, что ты вчера рассказала.

Надо же! А я решила, что он и думать об этом забыл. Всю голову сломала, как снова вывести его на этот разговор.

— В общем, я правильно понял, что помешать Вере что-то сделать ты можешь, а вот заставить ее делать по-твоему — нет?

— Ну, вроде того...

— Благодаря той колдунье ты теперь можешь захотеть или не захотеть видеть сон? Так?

— Да. Причем я могу пожелать попасть в определенный момент жизни Веры.

— Это хорошо... — протянул Захар и снова задумался.

— А вы что... с Верой как-то общаетесь? — вновь заговорил он через какое-то время.

— Не то чтобы... — Настала моя очередь задуматься. Я пыталась понять, что испытываю, находясь в сознании Веры. — Мы не разговариваем, если ты это имеешь в виду. Да и как это возможно, если одновременно мы являемся одним и тем же человеком. Это как чувствовать настроение друг друга и облачать его в слова. Что-то типа мысленного диалога.

Я опять задумалась. С одной стороны, во сне я — это она. С другой стороны, я постоянно выступаю в роли стороннего наблюдателя, готового в любой момент вмешаться. Причем, так было не всегда. Какое-то время я вообще не осознавала, что проживаю моменты жизни Веры. Какая-то странная психология и природа сна получается.

— Знаешь, — снова заговорила я, — какие-то странные сны... Иногда я точно знаю, что посмотрю фрагмент ее жизни и вернусь в свою. А временами мне становится страшно, что застряну там надолго, если не навсегда. Особенно, когда мне снится не один эпизод, а целая череда...

— И часто так бывает?

— Один раз. Но было же! И снова может быть.

— Это понятно. — Что он хотел этим сказать, я не поняла. И сочувствия в его голосе не различила, хотя сама себя жалела напропалую. — А как ты вступаешь с ней в контакт?

— Да толком никак.

Я, как могла, объяснила ему, что каждый раз, оказываясь в сознании Веры, испытываю такой шок, что покидаю его раньше, чем что-то успеваю предпринять. Словно срабатывает защитная реакция. Мне даже не удалось еще побороть ее отвращение. А в том, что именно это она испытывает, стоит мне появиться, я не сомневалась.

— Ну и?.. Какие будут предложения? — напомнила я о себе, когда молчание вновь затянулось.

Мы уже въезжали в город, появились первые светофоры. Трасса была на удивление свободной, наверное, потому что праздники, и народ еще всюю отмечает.

Я не до конца была откровенна с Захаром. Оставалось кое-что еще, о чем я ему не рассказала, в чем даже себе боялась признаться. Каждый раз, когда оказывалась Верой во сне, я отчетливо осознавала, что ее уже давным-давно нет в живых. От этой мысли меня обуревал неконтролируемый временами ужас. А если я пыталась задуматься еще глубже, то становилась близка к панике.

Я и раньше была впечатлительная, постоянно рисовала в сознании картинки чего-то, о чем читала или слышала. Порой они получались ужасными, но я точно знала, что это всего лишь

игра моего воображения. А в последнее время реальность переплелась с чем-то, объяснения чему я не находила. Точно знала, что во всем этом мне отведена определенная роль, избежать которой не получится. Как бы я ни сопротивлялась или ни боялась, мне все равно придется выполнить предназначение. Но стойкости духа это не добавляло. Напротив, я чувствовала, как все больше расшатываются мои нервы. С недавних пор у меня даже появилась новая вредная привычка — кусать нижнюю губу. Вот и сейчас я искусала ее до крови.

— Хорошо, не надо плутать по городу. Тут все время пробки. Терпеть не могу! Кучу времени теряешь.

Мы припарковались возле остановки. Я не знала, какой реакции ждать от Захара, но то, что он заговорил на отвлеченную тему, обидело меня по-настоящему. Я отвернулась к окну, чтобы он не заметил слез.

— Я быстро, — сказал он и выскочил из машины.

Дура я, дура, раз решила, что после сегодняшней ночи что-то изменилось. Я смотрела, как Захар подходит к пухлому коротышке. Обменявшись рукопожатием, они говорили о чем-то минут пять, а потом Захар протянул коротышке деньги в обмен на небольшой сверток. За всем этим я наблюдала отстраненно, все больше проникаясь собственным одиночеством.

— Все? Домой? — Вид у Захара был довольный, когда вернулся в машину.

Я же ограничилась равнодушным кивком.

Мы развернулись и поехали обратно. Я сидела мрачнее тучи, разглядывая заснеженные деревья за окном, и даже не волновалась, что может подумать Захар о перепадах в моем настроении.

— Так, Евгения!

От испуга и неожиданности я дернулась всем телом. Так меня называла только бабушка, когда была чем-то сильно недовольна. С опаской посмотрела на Захара, чтобы убедиться в полной его серьезности и сосредоточенности на дороге.

— Я тебя внимательно слушал и очень много думал, — продолжил он. Я же превратилась в слух, боясь даже дышать. — Очень надеюсь, что ты рассказала все. — «Почти все», — подумала я. — Если бы я мог, то запретил бы тебе что-либо предпринимать. Но! — остановил он жестом готовую заговорить меня. — Я не могу, потому что отчасти ты это делаешь ради себя. Хотя, ради меня одного старалась бы, наверное, с удвоенной силой, — вздохнул он.

Я снова посмотрела на него в поисках признаков иронии. Его лицо было спокойным и очень грустным.

— Еще я понял, что ты сильно боишься. Не представляешь, как меня это мучает. Ты не говоришь всего, но это и не обязательно, потому что помочь тебе я не смогу. Я могу только быть рядом, чтобы протянуть руку поддержки, если она тебе понадобится.

Только сейчас я поняла, насколько сильно он переживает. И не потому что приближается его тридцатилетие — рубеж, который ему едва можно будет перешагнуть. Его мучает мысль, что я барахтаюсь в этом одна. Природная щепетильность и врожденная мужественность не позволяют ему оставаться в стороне. Именно поэтому собственное бессилие его настолько угнетает, что он даже готов смириться с отведенной участью.

Настала моя очередь успокаивать его. Я коснулась его руки, но лишь на мгновение.

— За меня не переживай. Ко всему можно привыкнуть.

Я на самом деле верила в то, что сказала. Человек приспосабливается ко всему. И даже самые дикие жизненные ситуации со временем теряют остроту и становятся обыденными. Привыкну и я к этим снам. Перестану бояться перевоплощаться в давно умершего человека.

— Вот что! — вновь заговорил он. Мне даже показалось, что мои слова не достигли его ушей. — Хочешь ты или нет, но с сегодняшнего дня я все время буду находиться рядом с тобой.

— Не получится, — рассмеялась я. — Каникулы скоро закончатся и мне на работу. Тебе тоже надо работать.

— Это неважно. Я буду отвозить и привозить тебя. И ночью, самое главное, буду рядом.

— А бабуля? Через две недели она вернется. Ты не можешь оставаться у меня на ночь.

Я представила бабушкину реакцию. Гнев, это мягко сказано. Она будет в ярости и вряд ли захочет выслушивать какие-то оправдания.

— Значит, что-нибудь придумаем. Для этого еще есть время.

Снова в его словах я разглядела пророчество. Последняя фраза прозвучала так, что для этого-то есть время, в отличие от другого. Времени не оставалось у Захара. Каждый прожитый им день укорачивал его жизнь. Хотя, скорее всего, он совсем не это имел в виду, и всему виной моя впечатлительность.

Не доезжая до города, мы остановились у шашлычной на трассе.

— Тут готовят самый вкусный люля, — объяснил Захар. — Ужасно проголодался. А ты?

Мясо в таких заведениях я есть побаивалась. Понаслушалась рассказов о собачатинке и впечатлилась на всю жизнь. С Захаром

делиться опасениями не стала — зачем портить человеку аппетит. Ну нравится ему местный люля, на здоровье. Я могу обойтись салатом и выпечкой. В таких шашлычках, как правило, это тоже есть в ассортименте.

Внутри было тепло и уютно. От запаха еды и мой аппетит здорово разыгрался. Я выбрала салат с баклажанами и яблочный штрудель. На уговоры Захара попробовать мясо не поддавалась. Зато активно таскала гарнир в виде печеного картофеля с его тарелки. Хорошо он заказал его двойной. Запивали еду мы травяным чаем — настоящим, не из пакетиков. К концу обеда я так прониклась симпатией к кафе, что даже поверила в настоящесть люля-кебаба.

Сказалась бессонная ночь и раннее вставание. В машине меня разморило, не заметила как уснула. Проснулась от того, что Захар резко притормозил и выругался.

— Прости, что разбудил. Развелось чайников!

Мы уже были в городе и даже недалеко от моего дома.

— А знаешь, что я еще решил?

Он посмотрел на меня. Так как спросонья дар речи ко мне еще не вернулся, я только промычала и пожала плечами.

— Я отремонтирую брошь. Не знаю почему, но мне очень этого захотелось. Тем более появилось золото. Мы сделаем ей новую красивую иглу и головку.

— Мне пора...

— Побудь еще немного.

Погода портилась. На небе собирались грозовые тучи. Ветер гнул ивы и волновал поверхность озера. Того и гляди ливанет.

— Я завтра еду на ярмарку, в город.

— Завтра? А почему ты?

В объятиях Ивана было тепло и уютно. Так бы и сидела вечность. Он прижимал меня к себе, словно боялся, что убегу, уберу он руки. А так ли он был не прав?

Я посмотрела в его глаза и обожглась — столько в них было страсти и еще чего-то, опасного и манящего одновременно.

— Отец приболел, так бы он поехал. Большие ехать некому.

По телу пробежал озноб, и я поежилась, теснее прижимаясь к Ивану. Ощущение, что это уже было, не покидало, волновало душу, сжимало сердце. Не понимала, что со мной происходит, отчего так не по себе. Понятно, что я расстроилась, узнав о его отъезде. Недельку его не увижу. Но это не в первый раз. Отчего же мне так плохо, что хочется плакать и кричать от необъяснимой злости?

— Вот вернусь и зашлю сватов.

Иван принялся осыпать поцелуями мое лицо. Его руки согревали. Я подалась к нему, и наши губы слились, дыхание перемешалось. Хотелось ни о чем не думать, наслаждаться его близостью, но мозг сверлила мысль, что я должна отговорить его, не позволить ему. Но что? Я не понимала, что со мной происходит. Чем больше распалялся Иван, тем неуютнее я себя чувствовала. И тему сватов он затронул очень некстати.

— Остановишься у дядьки? — прервала я поцелуй и отвернулась от него.

— А то ж. Чать, не чужой. Примет.

Спросила просто так, лишь бы что-то сказать. Нельзя его обнадеживать, не должна я так себя вести. Но разве мое желание не такое же? Неужто не за него замуж хочу пойти? Я запуталась, сама не понимала, к чему стремлюсь. Не позволят нам мои родители быть вместе, так имею ли я право позволять ему любить себя?

— Вер, — Иван взял меня за руки и заглянул в лицо. Какие же они у него темные, почти черные. Мне вдруг стало страшно — сделай я что не так, и он пойдет на все. Вот и сейчас глаза его горят, словно у дикого зверя. — Ты так и не ответила, хочешь ли моей стать?

Хочу ли я? Сама уже не знаю. Да, я потеряла голову, как

увидела его впервые. Но любовь ли это? Не его ли слепое обожание лишило меня покоя? И зачем он только приехал в наше село?! Жила бы себе тихо, мирно, не подозревая о нем. Ведь напрасно все — не дадут нам быть вместе. И против родительской воли не пойду.

— Вань, давай потом поговорим... Вот вернешься и поговорим. Мне домой надо, мать злиться будет.

Я высвободилась из его рук и убежала, пока он не сказал еще что-нибудь. Не хотела видеть обиду на его лице — страшно становилось от предчувствия беды.

* * *

Я проснулась, испытывая раздражение. Едва сдержала рычание, усаживаясь в постели и стискивая одеяло в кулаках. Опять не получилось! В который раз уже вызывала именно этот момент жизни Веры, и все без толку. Не могу пробиться сквозь броню чего-то. Как будто блок стоит на пути к сознанию Веры.

Мой замысел был прост — заставить Веру сказать или повести себя так, чтобы Иван сам отказался от нее. Сегодня мне показалось, что она поняла, насколько неглубокое чувство, по сравнению с его, испытывает. Так нет же, опять все пошло не так. Лишь легкое недоумение у Ивана вызвало ее поведение. В этом я была уверена. Не отступит он от своего плана. Не была она убедительна.

Но она явно чувствует мое присутствие. Я ощущала ее недовольство. Я — балласт, который она все время хочет сбросить. Не получится, дорогуша. Из-за твоего легкомыслия или откровенного недоумия, мы все оказались не очень счастливыми. А некоторые, так просто несчастными. Ты тешила свое тщеславие, сначала уж точно, а мы расхлебываем.

Ночь была в самом разгаре, и я могла успеть посмотреть еще сон. Только вот, желание спать испарилось. Я прошла на кухню и съела ложку меда. Говорят, помогает от бессонницы.

Хорошо, что удалось уговорить Захара оставить затею находиться все время рядом со мной. Ни к чему это. После вчерашней ночи я вообще побаивалась его общества. Вернее, опасалась я себя. Что-то изменилось. И прежде всего, мое отношение к Захару. Я перестала воспринимать его, как просто знакомого. После той ночи я словно увидела перед собой совершенно другого человека — мужественного, обаятельного и очень сексуального. Мне хотелось с ним близости — эта мысль озарила меня внезапно. Даже печальный опыт общения с мужчинами Веры, эмоциональная и физическая стороны, которые

я постоянно теперь испытывала на себе, не могли заставить меня не хотеть Захара. Я постоянно вспоминала, как он дотрагивался до меня, целовал, что я чувствовала при этом. Все внутри меня замирало от мучительной истомы. И я точно знала, что дам ей выход, только когда снова наступит момент близости. Я не только не пыталась отдалить его, мои мысли теперь работали в одном направлении — как сделать так, чтобы повторилась та ночь, как намекнуть Захару, что я готова зайти дальше?

Шальная мысль посетила меня, и я прильнула к кухонному окну. Двор пустовал, и разочарование не заставило себя ждать, забарахталось внутри, неприятно волнуя душу. Почему он сегодня не дежурит возле моего дома? Понимала, что хотеть этого глупо и расстраиваться из-за этого не стоит, но с реакцией своей ничего не могла поделать. Как бы было хорошо, поднимись он сейчас сюда, обними меня... Дальше я не позволила себе даже думать, резко оборвала фантазии. Откуда-то пришла мысли, что мечтать об этом — верх безумства. Ну где я, и где Захар? Кто я для него — нужная девчонка, которая подарила ему призрачный шанс на спасение? И хочу ли я, чтобы его благодарность была именно такой? Нет, конечно! Благодарность мне вообще не нужна, если уж на то пошло. Я и так сделаю все возможное, чтобы над ним перестал висеть рок, потому что, кажется, умудрилась влюбиться. Мысль, что может пройти совсем немного времени, и я потеряю Захара навсегда, заставила согнуться пополам от мучительной боли. Он должен жить! Даже если у меня не будет возможности с ним видаться. Главное знать, что он есть, дышит одним со мной воздухом.

Я очнулась от тягостных мыслей, словно посмотрела на себя со стороны. Сажу с ногами на стуле, на кухне. Ночь в разгаре, а у меня ни в одном глазу. Внутреннее состояние свое вообще не бралась проанализировать. С одной стороны, хотелось петь от порхающих внутри бабочек, с другой — плакать от жалости к себе. Если это и есть настоящая любовь, которую доселе я не испытывала, то она весьма странная, я бы даже сказала, противоречивая. Всегда думала, что любовь приносит счастье. А его-то, оказывается, не так много на фоне других чувств.

Нужно спать. Еще одну бессонную ночь вынести будет сложно. Завтра я буду никакая, если сейчас же не отправлюсь в постель. Я налила стакан молока, подогрела его в микроволновке и выпила маленькими глотками. На фоне меда, оно тоже должно было спасти меня от бессонницы.

Устроившись поудобнее в постели, я всячески гнала от себя мысли о Захаре. Остаток ночи я должна использовать по назначению — выспаться и увидеть сон. Но, о чем именно? Я

задумалась. Встречать Ивана больше не хотела — слишком больно. Глядя на него глазами Веры, я представляла себе всю ту боль, что он должен испытать в скором времени. Становилось невыносимо жалко его загубленной жизни, тех немногих беспросветных лет, что он еще должен прожить. Нужно заставить Веру выбросить яд. Хочу я этого или нет, но вернуться должна к тому, на чем проснулась до этого. Что-то подсказывало — ненависти в Вере накопилось уже столько, что вряд ли она станет долго выжидать удобного момента.

* * *

Рыдания душили, выливаясь в судорожные вздохи, от которых сотрясилось все мое бедное тело. Холод сковал суставы, но я боялась пошевелиться и натянуть на себя одеяло. Боялась, что проснется Григорий, и каждое движение отдавалось болью в животе.

Сегодня он превзошел себя. Одержимость взяла верх над разумом. Он рычал, бил и щипал меня за мягкие места. Да так долго! Когда сил терпеть не осталось, я начала кричать. Тогда он зажал мне рукой рот и больно ухватил за волосы, вдавливая голову в подушку. Я почти задохнулась, но кричать перестала. Он добился своего. Голова шла кругом от пьяного угара, висевшего в воздухе.

Как же долго в этот раз длилась пытка! У него ничего не получалось. Он рыдал от бессилия, а я молилась, чтобы поскорее его проклятушее семя излилось в меня, и он откинулся бы, да уснул. Самый ад начался, когда он поставил меня на колени и устроился сзади. Каждый толчок отдавался пронзительной болью. Руки его терзали мою грудь, больно сдавливая, оттягивая соски. Казалось, Григорий перестал соображать. Он бил меня по ягодицам и ляжкам в такт своим движениям, так что я уже не чувствовала себя человеком — как скотина стояла на карачках и подвывала от боли. Только, у скотины все это происходит быстро, а тут...

Когда я уже готова была лишиться чувств от невыносимости, Григорий дернулся в последний раз и глухо застонал. Я вознесла благодарность Богу, что на этот раз все закончилась. Все дальнейшие действия мужа могла с точностью предсказать: несколько минут любования мной, растоптанной им же, с заглядыванием во все потаенные места; улыбка удовлетворения на ненавистном лице, слюнявый поцелуй и глубокий сон. Я же еще долго ощущала его в себе и его безжалостные пальцы на своем

теле.

Я уже практически окончена, когда заставила себя встать с кровати. Тошнота накатывала волнами, голова гудела. Присутствие той я отметила давно и даже испытывала мстительную радость, что она пережила все унижения вместе со мной. Я понимала, в каком настроении она находится. Она сейчас мне сочувствовала и жалела. Только, плевать я хотела на твою жалость!

Кое-как доковыляла до сундука. Там, на дне его, я схоронила порошок знахарки. Что она сказала, что яд не действует сразу? Нужно время, чтобы избавиться от ненавистного существа? Ничего, я подожду, но начну уже сегодня. Мать Григория возле его изголовья всегда ставила кувшин с водой, чтобы ненаглядное чадо не томилось ночью от жажды. Вот туда я и стану подсыпать порошок. С каким же наслаждением я буду наблюдать, как он будет слабеть на моих глазах, пока окончательно не издохнет.

Я почувствовала, как напряглось внутри меня сознание той, другой. В какой-то момент я даже остановилась, не в силах двигаться дальше. Тебе не помешать мне выполнить задуманное! Каждый шаг давался с усилием. Я даже перестала обращать внимание на боль — важно было преодолеть сопротивление той. Тело покрылось испариной, голова кружилась все сильнее.

Добравшись до сундука, потянула крышку вверх. Какая же она тяжеленная! Или силы оставили меня совсем? Или чужая воля мешает? Зло всколыхнуло душу. Что есть сил я рванула деревянную крышку, чувствуя, как напряглись мышцы. Резкая боль пронзила внезапно — живот словно ножом полоснули. По ногам потекло что-то теплое, а в глазах потемнело. Уже падая на ледяной пол, услышала грохот — массивная крышка вернулась на место, как отметило угасающее сознание.

Я то выныривала, то снова проваливалась в вязкий омут. Слышала голоса, но не понимала, о чем говорят. Кто-то бил меня по щекам, прикладывал что-то к губам. Тогда я чувствовала, как внутрь меня течет горькая жидкость. Глотала ее, чтобы не захлебнуться.

В один из моментов просветления понял, что нахожусь в своей комнате, а рядом свекровь и повитуха. Что со мной? Почему так плохо и болит живот?

А потом все стихло. То ли я опять провалилась в небытие, то ли меня решили оставить в покое.

Очнулась я от неистового птичьего щебета. Мальцы разошлись не по-зимнему, словно и не держались морозы, и не стучалась стужа в окна.

— Вернулась? — услышала я старческий голос.

Оказывается, в комнате я была не одна. Рядом с кроватью, в кресле-качалке, устроилась бабка Марфа — повитуха.

— Куда? — удивилась я.

— Не куда, а откуда, — прошамкала старуха беззубым ртом. — С того света, милочка. Думала, не откачаю тебя. Свекруха вон, твоя, в церковь помчалась, молиться.

— Пить, — попросила я. Язык не слушался. Губы потрескались и во рту все пересохло.

— На-ка, отварчика хлебни. Кровь еще не до конца остановилась.

Повитуха приподняла мне голову и заставила выпить все ту же горечь, что и раньше.

— Что это? — скривилась я.

Напиток был отвратительный. Хотелось колодезной воды, а не этой гадости.

— Знаю, что противно, но нужно. Иначе вся жизнь твоя вытечет по капле крови.

Старуха настояла, чтобы я выпила отвар до дна. Пришлось смириться, да и жажда победила.

— Что со мной?

— Выкидьш.

Вот оно, значит, что? Выкинула я нежеланный плод, и к средству не пришлось прибегать.

— Крови ты много потеряла, пока обнаружили тебя, да за мной послали. Муженек твой горазд дрыхнуть. Если бы не любопытство свекрухи, не говорила бы я сейчас с тобой. Она тебя нашла на полу, в крови.

Не надо было меня спасать. Для всех было бы лучше, умри я сегодня от потери крови. Избавила бы я от себе грешной эту землю.

— Что с лицом, голубушка? Какие мысли тебя терзают?

Я наткнулась на серьезный взгляд подслеповатых старческих глаз.

— Вижу, что недоброе надумала, — нахмурилась старуха.

— Могу ли я снова понести?

На данный момент этот вопрос интересовал меня сильнее остальных. И не меня одну. Внутри себя я по-прежнему ощущала постороннее присутствие. И думала она об одном со мной.

— Нет, горемычная. Пустая ты, — пригорюнилась повитуха. — Пришлось мне тебя почистить. Знатно выскоблила. Есть дитяtko, и то хорошо.

— Спасибо тебе, Господи! Хоть и не достойна я милости твоей.

Мысленно не получилось, произнесла благодарственные слова вслух.

— Вот оно что? Нежеланный был плод? Ну что ж, знать господь рассудил правильно — избавил тебя от него. Правда, колебался, оставлять ли тебе жизнь.

Я промолчала — смотрела, как воробышки беснуются за окном. Чувствовала облегчение той, другой, и первый раз наши мысли были созвучны.

— Сколько мне нельзя ничего будет? Ну, того самого...

— Ах, ты про это? — не сразу поняла повитуха. — Да, с недельку поберегись, а потом милуйтесь на здоровье. Заживет уж все.

— Так мало?!

Слезы подступили к глазам, хоть я думала, что и не осталось уж их совсем.

— Ах, вот оно что? — всплеснула руками старуха. — Не мил тебе муженек? А о чем думала, выходя за него?

Что я могла ответить? Моча глотала горькие слезы.

— Так и быть, скажу Гришке, чтоб месяц к тебе не призрагивался. А ты покамест подумай, девка. Не гоже мужику отказывать. Знаешь, как похоть им в голову бьет? Бешеными становятся.

Куда уж больше бить-то? Но об этом я думать не стала. Как быстро я научилась жить настоящим. Месяц передышки показался мне истинным раем. А через месяц он уже вряд ли сможет что-то сделать.

* * *

Проснулась я в отвратительном настроении. Пока готовила завтрак, все перемалывала ночные события. Впервые я была согласна с Верой в желании убить Григория. После того свинства, что он учинил, и свидетелем чего я стала, назвать его нормальным человеком не получалось. Скотство какое-то! До сих пор передергивало от омерзения, хоть я и старалась абстрагироваться во сне, чтобы не испытывать всего на себе. У меня уже получалось. Главное отключить чувства, представить, что видишь все со стороны. Тогда, действительно, как смотришь кино, а точнее, спектакль на сцене. Только, сегодняшнее представление было шокирующим, грязным и вопиющим.

Не успела я позавтракать, как позвонил Захар.

— Как спала? — спросил он, едва поздоровавшись.

— Отвратительно, — не стала скрывать я.

— Так я и думал. Тоже полночи без сна провалялся.

Хотелось верить, что бессонница его была вызвана переживаниями за меня. Но уточнять не стала.

— Если у тебя не намечено никаких дел, то я сейчас заеду, — продолжил Захар. — Брошь возьми. Поедем в мастерскую, отремонтирую ее.

Даже если бы у меня были дела, я бы их отложила, так хотелось увидеть Захара. Конечно же, я сразу согласилась. Едва положила трубку, помчалась наводить красоту, мигом забыв плохой сон.

Когда из-за угла дома показалась машина Захара, я чуть не запрыгала от радости. Специально вышла пораньше, чтобы подышать морозным воздухом и привести мысли в порядок. Я не узнавала себя, как будто резко поглупела. Ни на чем не могла сосредоточиться. Разглядывая заснеженный двор, представляла, какой он будет в период бурного цветения. На улице мело, а я мечтала о ярком солнце. Закрывала глаза и представляла, что птичий щебет звучит по-весеннему.

Захар выглядел уставшим и расстроенным. С меня разом слетела романтическая шелуха, едва села в машину. В душе заворочалось беспокойство.

— Что-то случилось?

Я разглядывала темные круги под его глазами и складку возле губ. Легкая небритость делала его лицо еще более угрюмым.

— Маме сегодня ночью стало плохо — сердечный приступ. Скорую вызывали.

Вот оно в чем дело! Мне стало стыдно за собственный эгоизм. Думаю только о себе. И ни разу до этого не пыталась поставить себя на место той женщины — матери Захара. Только сейчас меня осенило, как, должно быть, паршиво чувствует себя она. Жить и думать, что над ними висит рок. Эта мысль, наверное, настолько прочно поселилась в ее душе, что никакие занятия не помогают от нее отвлечься. Постоянно испытывать страх и горечь собственного бессилия.

— И как она сейчас?

Я не знала, что можно еще сказать. Любые слова покажутся ему пустым звуком. Остро чувствовала его настроение — боль и вина, что является невольной причиной материнского горя.

— Лучше. В больницу ехать отказалась. Упрямая. Говорит, что Ленка без нее не справится.

Захар улыбнулся, а я чуть не расплакалась — так грустно у него это вышло. Как же он любит свою семью! Оберегает ее. Это тот мирок, в котором ему абсолютно комфортно, где все его понимают и принимают таким, как есть. Но мир этот находится под постоянной угрозой, и с каждым днем она сгущается, словно грозовая туча. Уже совсем маленький кусочек неба, на самом горизонте, пока еще остается ясным. Но скоро и его поглотит чернота. Тогда не останется ничего.

— Она поправится. — Я дотронулась до руки Захара и слегка пожала ее. Не удержалась и погладила тыльную сторону ладони

большим пальцем. До боли захотелось хоть чем-нибудь его отвлечь, но ничего путного не могла придумать.

Мы подъехали к офису. Новогодняя иллюминация весело встречала нас. Но сейчас она мне казалась насмешкой и совершенно неуместной. Интересно, почему Захар до сих пор не убрал ее? Хотя, кто же разряжает елку раньше наступления старого нового года?

— Сварю кофе, — сказал Захар, едва мы переступили порог, и скрылся в кухне, предоставив меня самой себе.

Вдруг стало грустно и одиноко, словно меня обманули. Не знаю точно, чего ждала от встречи с ним, но предвкушала что-то приятное. Отлично понимала его настроение, но не могла не переживать за свое, которое тоже стремительно портилось.

Я разулась и с ногами забралась на диван. Выглядел он слишком помпезно, но сидеть на нем было удобно. Захотелось посмотреть на брошь, и я достала ее из сумки. Даже не будучи спецом в ювелирном искусстве, я понимала, что брошь выполнена мастерски. Камни гармонировали друг с другом по цвету и форме. Огранка заставляла переливаться их вместе и каждый в отдельности. Золотое плетение вилось между ними, словно прутья изящной решетки, которые крепко удерживают их в ослепительном плену.

Я перевернула брошь. Снизу она выглядела не так красиво, словно мастер все силы отдал внешнему воплощению. Поверхность была неровной, с наплывами. Сразу видно становилось, что брошь кустарного производства. В голову пришло сравнение, что наросты на внутренней стороне — это слезы мастера. Почему-то подумалось, что уже тогда, когда Иван делал эту брошь для Веры, не верил он в их совместное будущее.

Одна из капелек, на самом краю, была похожа на петельку, только не полую. Я подцепила ее ногтем, скорее машинально, чем сознательно. Каково же было удивление, когда от броши отделилась тонкая пластина, образующая щель, и на ладонь мне высыпалось немного сероватого порошка. Первым делом перевернула брошь, а потом аккуратно откинула крышечку, чем и являлось ее дно, на котором крепилась игла.

— Захар! — закричала я, не переставая рассматривать то, что увидела, чувствуя, как волосы на голове шевелятся от ужасной догадки.

Он не заставил себя ждать — тут же выбежал из кухни и выглядел не менее испуганным.

— Что случилось?

— Смотри, что я нашла.

Я протянула брошь, замечая, как дрожит рука.

— Что это? — нахмурился Захар.

— Не догадываешься?

По его лицу я поняла, что вразумительных версий у него нет.

— Это же яд, которым Вера травила Григория.

Моя догадка перерастала в уверенность. Я отчетливо представляла себе Веру, берущую щепотку яда и подсыпаящую его в кувшин с водой.

— Так давай вытряхну его... — Захар протянул руку за брошью.

Моя реакция, когда я захлопнула крышку и спрятала брошь за спину, его удивила, он даже этого не скрывал.

— Нельзя, — поспешила заговорить я. — Это же замечательно, что мы нашли яд.

— В смысле?

— В том смысле, что если у меня получится заставить Веру не травить мужа, то яд отсюда исчезнет. Потому что она его выбросит. Понимаешь?

Кажется, до Захара начинал доходить смысл того, что я пыталась втолковать ему. Складка на его лбу разгладилась и даже лицо посветлело, а губы дрогнули в едва заметной улыбке.

— Сам бы я не догадался. — Захар присел рядом и посмотрел на меня. — Ты молодец!

То ли взгляд был какой-то особенный, то ли голос Захара звучал слишком нежно, только я почувствовала, как краснею. Чтобы хоть чем-то занять себя, я принялась копать в недрах сумки, укладывая поудобнее брошь.

— Не надо пока ремонтировать ее, — бубнила я, — куда она не денется. Как разберемся с этим делом, починишь застежку...

Я бы еще долго говорила, если бы Захар не взял меня за руку. Его прикосновение показалось до такой степени приятным, что я резко замолчала и уставилась на его сильные загорелые пальцы, поглаживающие мое запястье.

— Жень, ты так и не рассказала, почему провела бессонную ночь?

Голос звучал интимно, рождая мурашки. Захар сидел так близко, что я чувствовала его дыхание на своей щеке.

— Что тебе снилось?

Я до такой степени расчувствовалась, что на глазах выступили слезы. По телу разлилась слабость, и посмотрела я на Захара сквозь туман. Природу такой реакции распознала еще вчера — я пребывала во власти сильнейшего возбуждения, когда теряешь способность двигаться и соображать. С недавних пор близость Захара действовала на меня именно так.

Он не отпускал мою руку. Пальцы его проникли под рукав свитера и поглаживали кожу выше запястья. Я чувствовала, как пылает мое лицо, и подрагивают руки. Буквально задыхалась от его близости. Хотелось оттянуть тесный ворот, а лучше выйти на балкон, глотнуть отрезвляющего морозного воздуха.

Захар неправильно истолковал мое смущение.

— Ты опять видела Веру с Григорием? — хмуро спросил он и немного отодвинулся от меня, выпустив наконец-то руку.

Я была рада передышке, потому что к тому моменту все разумные мысли разлетелись из моей головы. И на вопрос Захара мне далеко не сразу удалось ответить. Нонсенс, но на мгновение я совершенно забыла, что мне снилось.

Уговорами и бесстрастным выражением лица Захару удалось вытянуть из меня подробности. Как я ни сопротивлялась, но рассказала почти все, как на приеме у психиатра. Даже самые мерзкие нюансы, наподобие финального осмотра тела Веры, не смогла утаить.

Комментировать мой пересказ не торопились. Захар сходил в кухню и принес кофе с печеньями. Какое-то время молча прихлебывал из чашки, не глядя на меня. Я видела его профиль, как периодически шевелятся желваки, когда он уж очень сильно сжимал челюсти. Казалось, еще чуть-чуть и раздастся скрежет зубов.

— Жень, ты была с мужчиной? — наконец заговорил он.

Все это время я терпеливо ждала, даже дышать боялась громко. И чашка моя стояла нетронутой на столике. Его вопрос ошеломил — никак не ожидала, что он заговорит об этом.

— Нет пока...

Что толку скрывать очевидное и прикидываться опытнее, чем есть? Стыдно признаваться, что в двадцать лет все еще девственница. А почему, сама не знаю. Наверное, виной всему время, в котором живем, и раннее созревание в условиях информационной раскрепощенности.

— Боже мой! — Захар закрыл лицо руками и глухо застонал. Я испугалась такой реакции, потому что не ожидала. — И ты вынуждена видеть всю эту грязь. Чувствовать ее... Ты чувствуешь все, что происходит с Верой? — встрепенулс я он, резко повернувшись в мою сторону. Я заметила, какие красные, воспаленные у него глаза.

— Как тебе сказать?..

— Правду! Скажи правду, Жень! — Он схватил меня за плечи и легонько потряхнул.

— Только самый первый раз... Я уже и забыла про него, — поспешила добавить, замечая, как темнеет его лицо. — Потом я

научилась отвлекаться, как будто становлюсь зрителем. Я чувствую настроение Веры и только. Я не испытываю всего того, что испытывает она.

Я врал. Самым бессовестным образом врал. На самом деле, да, я научилась абстрагироваться, но лишь психически. Происходящее с Верой я воспринимала, как необходимое зло, не пропуская его через сознание. Больше всего на свете я боялась, что ее опыт интимной жизни заставит меня смотреть с омерзением на плотскую сторону отношений. Поэтому каждый раз говорила себе, что это только Верина проблема или даже трагедия. Что именно ей не повезло до такой степени в жизни. Что это не система, и у многих все совсем не так. Я научилась ставить блок, чувствуя все, что с ней происходит. Но Захару об этом знать совсем необязательно.

— Бедная малышка. — Он прижал меня к себе и поглаживал по спине, голове. Руки его подрагивали, выдавая нервное напряжение. — Ненормально, что ты это видишь. Ты не должна... Ты можешь решить, что по-другому и не бывает.

— Я так не думаю!

В эту фразу я попыталась вложить всю свою уверенность. Я отстранилась от Захара и посмотрела ему в глаза. Он должен понять, что со мной все будет в порядке. Иначе, чувство вины сгрызет его раньше, чем наступит тридцатилетие. А то, что он чувствует исключительно себя виноватым в происходящем, я знала почти наверняка.

— Меня не интересует, что там происходит с Верой. Это не моя жизнь!

Захар какое-то время разглядывал мое лицо, а потом улыбнулся, отчего лицо его сразу посветлело, разгладилась противная складка на лбу.

— Ты сейчас такая храбрая. Любому дашь в морду.

— Ну, не любому, — попыталась отшутиться я.

Его лицо уже снова стало серьезным. Скорее всего, последнюю фразу он даже не услышал, думая о своем. И что-то мне подсказывало, что мысли его были как-то связаны со мной.

— Знаешь, ты совсем не такая, какой кажешься вначале, — произнес он, глядя, почему-то, на мои губы.

— В смысле?

Я испытывала все большее неудобство под его пристальным взглядом и чувствуя, как крепко он удерживает меня заечи.

— Сначала ты мне показалась немного грубоватой, резкой...

Ну вот, приехали. Он думает девушке приятно выслушивать подобное о себе? Я уже готова была обидеться, когда Захар продолжил:

— А сейчас я вижу в тебе столько скрытой нежности, нерастроченной любви.

Еще хлеще! Теперь я чувствую себя полной идиоткой. Кажется, Захар догадался, что я умудрилась в него вторгнуться. Додумать не успела, потому что он поцеловал меня. А ощущение его губ и разумные мысли в моей голове — понятия несовместимые.

Его губы... Они были такими теплыми, мягкими, ласковыми. Так бы и целовала их вечность. С того момента, как увидела его сегодня утром, я мечтала именно об этом. Какие там воспоминания или сравнения! Все ушло на задний план. Я забыла про Веру, Григория... остался только Захар, сейчас и рядом. Сама не заметила, как обняла его за шею. Пальцы нащупали кромку жестких волос, таких коротких, что в них не зароешься. Но погладить-то можно, и это чертовски приятно.

Когда губы Захара переместились на мою шею, а руки пробрались под свитер, я едва не лишилась чувств, словно кисейная барышня, такую испытала бурю эмоций. Захотелось поскорее избавиться от ненужной помехи, и я чуть сама не принялась стягивать свитер. Страсть распалила меня, я даже рискнула проникнуть к нему под батник и коснулась его обнаженного тела. Он осыпал поцелуями мои плечи и пытался справиться с застежкой бюстгалтера.

— Черт! Какой же я идиот!

Фраза Захара стала ушатым ледяной воды, которой окатили меня внезапно. И произнес он ее ни раньше, ни позже, когда я уже была по пояс обнажена, а молния на моих джинсах расстегнута. Он разве что не оттолкнул меня, но отвернулся так резко, что я пошатнулась. Краска стыда залила лицо, в голове и ушах запульсировало. С армейской скоростью я натянула бюстгалтер и свитер. Такого стыда я еще, по-моему, ни разу не испытывала. Только и способна была сидеть, не шевелясь, и рассматривать дрожащие руки, сложенные на коленях. Все правильно! Порыв жалости с его стороны я приняла за проблески чувства. Слава богу, он вовремя опомнился, не унижая меня еще сильнее. Хотя сейчас мне казалось, что сильнее некуда.

Захар встал с дивана и подошел к окну. Он молчал, и я никак не могла справиться со стыдом. По-хорошему бы встать и уйти, но и этого я не могла сделать — мешала малюсенькая искра надежды, что все не так, что причина в другом.

— Жень, мы не должны... Я не должен этого делать, — заговорил он, и я не узнала его голос — хриплый и грубый.

Я заморгала от навернувшихся на глаза слез. Хорошо он продолжал стоять ко мне спиной. Наверное, он ждал ответа, но

меня словно парализовало. Я не могла ни пошевелиться, ни заговорить. Одна мысль мелькала по кругу: он жалеет, что поддался слабости. Подействовали все эти разговоры об извращенном сексе, и он решил доказать, что так бывает не всегда. Сыграла роль жалость и моя неопытность. На чувства с его стороны не было даже намека. Но тогда, почему я так расстраиваюсь? Не потому ли, что влюбленному человеку естественно желать ответного чувства? Но и насильно мил не будешь — тоже прописная истина. И даже если он заметил мое к нему влечение, то это ничего не значит. Ни словом, ни жестом я не подтвердила его догадки. Так что гордость моя может успокоиться и перестать травмировать душу. По сути, ничего не изменилось — мы по-прежнему остаемся друзьями по несчастью, которым какое-то время предстоит пересекаться.

Усилием воли я заставила себя посмотреть на Захара. Унижение испарилось, не успев толком зародиться. Осталась толика неудовлетворенности, вызванная, скорее, не остывшим возбуждением.

— Все нормально, — произнесла я и даже попыталась улыбнуться. — Я с тобой согласна.

Сейчас я, действительно, так думала. Никогда не была сторонницей случайного секса. А наш обоюдный порыв считала именно таким, уверяясь в этом все сильнее.

— И ты не проклинаешь меня на чем свет стоит? — повернулся он. Я плохо видела его лицо, но в голосе прозвучало недоверие.

— Правда, все хорошо. Это было недоразумение.

Последняя фраза мне далась с великим трудом, потому что с моей стороны все было осознанно, это уж точно.

— Другое! Но... В общем, не будем мусолить эту тему. Рад, что ты согласна со мной, хоть я и полный идиот.

Я не понимала, что он сейчас пытается мне сказать, да и не хотела понимать. Откуда ни возьмись накатила такая усталость, что захотелось оказаться дома, подальше от всех и вся. И мне бы встать и уйти, но в ногах угадывалась предательская слабость, что и неудивительно. Пришлось унизиться еще раз и попросить Захара отвезти меня.

Только оказавшись в родных стенах, я дала волю чувствам — завалилась на диван и прорыдалась как следует. Ближе к вечеру мне полегчало, даже смогла приготовить ужин и проглотить его. Потом уже, глядя в телевизор, я пришла к выводу, что нужно перестраивать тактику поведения с Захаром.

Все пошло не так. Не могла избавиться от этой мысли. Я застряла на одном месте. Как машина буксует в топкой почве. Только ее рано или поздно вытаскивают — находятся смельчаки, желающие помочь. Мне же приходилось рассчитывать исключительно на себя.

Каждую ночь я засыпала с надеждой, что сегодня уж точно у меня получится достучаться до сознания Веры, заставить ее отказаться от мысли травить Григория. И каждый раз я просыпалась ни с чем — с ощущением бесполезности и бессмысленности попыток. Я словно пыталась замесить тесто без муки. В моих попытках тоже не хватало главного — вяжущего.

Я дала себе установку — проникать в сознание Веры до того момента ее жизни, как она решится первый раз подсыпать порошок Григорию. Благодаря стараниям знахарки, получалось у меня это отлично. Слава богу, я больше не переживала тот ужас, связанный с потерей ребенка. Становилась Верой чуть позже, когда она уже шла на поправку.

Уже на следующий день после выкидыша Вера почувствовала себя гораздо лучше, только виду не подала. Для всех она играла роль тяжелобольной. И плевать она хотела на то, что свекровь, эта несчастная женщина, ходила по дому, как тень, опасаясь самого страшного, что невестка помрет, а сын ее останется вдовцом с сироткой на руках. Мучения Григория доставляли Вере мстительную радость, которую порой она даже скрыть не могла. Если бы была возможность убить его горем, то она согласилась бы умереть ради такого. Один свекор оставался бесстрастным. Но он и раньше не любил невестку. Не думаю, что мысль о ее возможной скорой кончине, сильно его печалила. Скорее он видел избавление в этом для своего сына, которого тоже не особо любил.

Несколько раз к Вере навевывалась мать. Даже ее слезы не способны были растопить заледеневшее сердце. А ведь мать она когда-то любила, да и та ее понимала лучше остальных. Но и ей она не могла признаться. Это значило рассказать все, полумеры тут не допустимы. А как такое расскажешь? Тут я с Верой была солидарна.

Единственным существом в этом доме, которое нашло место в скупой душе, была Любаша. Неделью, которую отвела себе Вера на «умирание», она мучилась от невозможности прижать к себе родной комочек, втянуть такой любимый запах, ощутить приятную тяжесть в руках.

Каждый раз, оказываясь в сознании Веры, я пыталась наладить с ней мысленный контакт — пообщаться с ней таким образом. Она уже точно определяла момент, когда я приходила, и даже приветствовала меня в своей саркастической манере. Типа, явилась, когда тебе не рады. Она даже разговаривала со мной, но диалогом назвать это нельзя. У меня не было возможности ответить ей. Наш разговор сводился к одностороннему потоку, в основном ругательств. Я пыталась приоткрыть ее сознание, но безуспешно. А ей было не интересно, зачем я так настойчиво лезу в ее жизнь. Наверное, недоразвитое любопытство явилось следствием общей забитости людей того времени. Потому что будь я на месте Веры, непременно заинтересовалась бы, что же нужно от меня кому-то, зачем кто-то так настойчиво вторгается в мою жизнь.

Закончились новогодние каникулы. В работу я втянулась быстро, словно и не было месяца перерыва. Январь — один из самых спокойных периодов для торговых компаний. Правда и прибыль минимальная, если есть вообще. Но зато появляется возможность передохнуть, настроиться на новый рывок по завоеванию рынков. Торговых агентов жалко — целыми днями им приходится ездить по клиентам и умолять отдать деньги за товар, который давным-давно продан. А денег нет. Так отвечают нерадивые торговцы и разводят при этом руками, мол, праздники, что вы хотите. А агент, который добросовестно загрузил под завязку этого засранца в декабре, проглатывает горькую пилюлю и уходит ни с чем, чтобы через день снова приехать с этим же вопросом. Вот как это называется? Форменное свинство! Мне до боли было жалко агентов, которые не могли получить зарплату из-за дебиторской задолженности.

Я скучала на работе. Лучше бы у меня оставалось меньше свободного времени, тогда и думать столько не получалось бы. Так нет же — думала я так много, как никогда до этого. Иногда даже на работе не могла сосредоточиться от переизбытка мыслей в голове. Тогда допускала грубые ошибки, чего раньше за мной не водилось. Начальница косилась подозрительно, когда я «впадала в протрацию», как сама называла свое состояние. Один раз она даже не выдержала и поинтересовалась:

— Жень, у тебя все в порядке? Какая-то ты странная в последнее время. Бабушка здорова? Дома все хорошо?

Пришлось убеждать ее, что, да, все хорошо, и ничего особенного в моей жизни не происходит. Хотя, это было неправдой. Жизнь моя изменилась до такой степени, что я даже всерьез задумалась о смене работы. Понятия не имела, кем еще, кроме оператора, могу быть, но и здешняя повседневная

рутинность меня больше не устраивала.

Захар каждый день дожидался меня после работы. Как будильник, приезжал в одно и то же время. Я выходила, садилась к нему в машину, и он вез нас ужинать. Каких усилий мне стоило непринужденное общение с ним, знала только я. Очень надеялась, что он об этом даже не догадывается.

После той памятной встречи, ни один из нас ни разу не обмолвился ни о Вере, ни о моих снах, ни о дальнейшей судьбе Захара. словно кто-то наложил табу на эту тему. Видимо, он испытывал не меньшую неловкость. Хотя для меня по-прежнему оставался темной лошадкой. И подозрения, что меня используют, начали терзать с новой силой. Я, конечно, гнала их, но они упорно возвращались.

Я видела нежелание Захара разговаривать на интересующую меня тему. И сама бы не заговорила ни за что, если бы не назрела необходимость.

Как-то раз он приехал раньше и не преминул выказать раздражение, когда я вовремя вышла с работы. Видимо, настроение у него в этот день было дерьмовее некуда. Но больше всего не люблю, когда из меня делают козла отпущения.

— Если тебе так не хочется, чего таскаешься сюда каждый день?

Я даже не пыталась говорить сдержанно. Меня взбесило его поведение. Кем он себя возомнил, что считает вправе так разговаривать?! В общем, ответила я грубо и сделала это намерено. Правда сразу же пожалела, когда заметила, как побледнел Захар.

Он молчал, и я тоже больше не пыталась нарушить тишину. Так и доехали до площади, где, как обычно по вечерам, было шумно, и велась активная торговля пирожками и всякими сладостями.

— Сиди тут, — буркнул Захар и вышел из машины.

Вернулся он минут через десять, когда я уже измучилась от неловкости и самоедства. Я проклинала себя на чем свет стоит — за несдержанность, грубость и отсутствие гибкости. Одно успокаивало, что я тоже человек, и мое настроение может быть далеко от идеального.

— Ты не против, если мы поужинаем тут?

Я уставилась на гору пакетов в руках Захара. Один он протянул мне, из другого достал бутылку холодного чая и положил на приборную панель напротив меня.

— Не хочу никого видеть. Надоели шум, суета...

Он словно оборвал себя на полуслове. Я ждала, когда он продолжит, но не дождалась. Вместо этого, Захар достал вилку,

открыл лоток с салатом и принялся методично его уплетать.

Мне же кусок не лез в горло. Никогда раньше не видела его таким. То ли он злился и едва сдерживался, то ли отчаяние завладело им настолько, что того гляди раздавит, морально изничтожит. Тридцать лет Захару исполнялось тридцатого марта, и времени у нас практически не осталось. Скорее всего, он считал дни и ни о чем больше не мог думать. Или наоборот, думал обо всем сразу, и голова его разрывалась от переизбытка мыслей. Я покосилась на Захара. Как бы он ни старался выглядеть спокойным, мне казалось, что он близок к помешательству. И ума не прилагала, как облегчить его состояние. Не могла подобрать слова, которые были бы к месту. Я и сама-то находилась на грани отчаяния, что все идет не так, что действуем мы не в том направлении.

А еще я жутко боялась. Запрещала себе даже думать об этом, но мысли всегда забежали вперед, и я представляла себе, что Захара не стало, и что будет тогда со мной. Я привыкла, что он есть в моей жизни. Незаметно он стал неотъемлемой частью меня самой. И пусть между нами не возможно что-то большее, но он есть, живой, я могу протянуть руку и дотронуться до него. И даже когда его нет рядом, я знаю точно, что он где-то есть.

Сердце скрутило болью, что на время мне нечем стало дышать. Едва сдержалась, чтобы не застонать.

— Что с тобой? Тебе плохо?

Захар смотрел на меня с тревогой. И эгоистическое чувство, что ему не плевать на меня, радостно трепыхнулось в груди.

— Все нормально. Просто жарко... — Я расстегнула пуховик.

Захар выключил печку, лишь мотор продолжал монотонно гудеть.

— Нам нужно поговорить.

Фраза далась с трудом. Я понимала, что он не хочет вспоминать, но не могла иначе. Если сейчас не расставить все точки над «і», потом станет только хуже. Поэтому набрала в легкие побольше воздуха и заговорила первой, тем боле, что он продолжал хранить молчание:

— То, что произошло тогда в мастерской...

Захар заметно дернулся, пытаясь заговорить, но я остановила его жестом и впервые за последние дни твердо посмотрела в его глаза, подметив, какие они печальные.

— ...ни к чему тебя не обязывает. Как и меня тоже. Считай, ничего не было. Мы оба оказались в непростой жизненной ситуации, вот и потеряли голову.

Мне казалось, что я рассуждаю серьезно и по-взрослому. Поэтому, очень удивилась, когда Захар рассмеялся.

— Потеряли голову, говоришь? — зло произнес он. — Я думал, это называется по-другому.

И смех, и злость в голосе меня так обидели, что я не сдержала слез. Сразу же расхотелось разговаривать, такой несчастной я себя почувствовала. Я отвернулась к окну, чувствуя, что готова разрыдаться.

— Жень, прости меня. Я идиот!

Захар взял меня за руку и потянул, пытаюсь заставить повернуться. Истерика не заставила себя ждать.

— Ты думаешь, мне легко?! — прокричала я сквозь рыдания. — Думаешь, я каменная? Что только я ни пыталась сделать, о чем только не думала... Все без толку! Мне так плохо, что жить не хочется. А когда я вижу тебя таким, становится еще хуже. — Слезы душили, мешали говорить. Но и молчать не могла, чувствовала, если не выскажусь — умру на месте. — Я не могу допустить, чтобы ты умер, понимаешь? Не могу! Я тогда тоже не смогу жить, потому что я тебя...

Чуть не сделала самую большую глупость в жизни. Вовремя прикусила язык, собирая остатки разума в кучу, чтобы не признаться ему в любви. Я больше не могла говорить — рыдания прорвались, сотрясая мое тело. Я закрыла лицо руками, чувствуя, как сквозь пальцы струятся слезы.

Захар прижал меня к себе и держал так крепко, что трудно было дышать. Он ничего не говорил, только поглаживал по спине и голове и покачивал, как дитя.

Я бы могла еще долго плакать, предаваясь жалости к себе. Это я любила и умела делать. Но с ним так нельзя поступать. Сейчас я отчетливо понимала, насколько ему хуже. И сырость, что я тут развела, только усугубляет ситуацию. Кроме того, в его объятьях было так хорошо, что слезы закончились сами собой. На смену им пришла улыбка, которую я прятала в куртке Захара, вдыхая его запах.

— Успокоилась, маленькая истеричка?

Так по-доброму он это сказал! Захотелось прижаться к нему еще теснее и сидеть так вечность. Но Захар уже оторвал меня от себя и заглядывал в лицо. Хорошо, что в салоне машины было темно, иначе его бы шокировал мой видок.

— Ну ты даешь! — усмехнулся он и тут же поцеловал меня в лоб. — Вот уж от кого не ожидал. Всегда такая сдержанная...

— Как видишь, не всегда.

— Ты удивительный маленький человечек. И мне так повезло, что я тебя встретил!

Это, конечно, не совсем те слова, которых я от него ждала. Но сказаны они были с такой теплотой, что я мгновенно оттаяла. И

даже тоска немного развеялась. Но больше всего меня порадовало, что Захар улыбается и, наконец-то, разговаривает со мной.

Он предложил закончить ужин. Не стала сопротивляться, потому что поняла, как проголодалась. Наверное, нервные потрясения способствуют разжиганию аппетита.

Мир воцарился, и я решила выяснить еще несколько вопросов, которые не давали мне покоя в последнее время. Сначала беседа не клеилась — Захар сопротивлялся, не хотел говорить на тему проклятий. Но я настояла. Мне необходимо было с ним поделиться своими опасениями. Уж лучше пусть думает вместе со мной, чем занимается медленным угасанием.

Я рассказала ему, как застряла на одном месте, и что Вера оказалась непрошибаемой упрямницей. Как меня беспокоит мысль, что занимаюсь не тем, не на том сконцентрировала усилия. Что сейчас гораздо важнее подобраться поближе к Ивану и каким-то непостижимым образом отвести его нож от Григория. Я вылила такой поток информации на голову бедного Захара, что под конец, как мне кажется, он даже перестал меня слушать.

— Стоп! — не выдержал он. — Я понял! Да, замолчишь ты или нет? — повысил он голос.

Я поняла, что перегнула палку. Молчания нескольких дней вылились в словесный поток.

— Зачем ты себя изводишь? — Захар говорил строго, но суровым не выглядел. — Ты не сможешь подобраться к Ивану, раньше чем заставишь Веру отказаться от мысли отравить Григория. Все имеет свою поступательность. Как это совершалось когда-то, в каком порядке происходило, точно так же должно и не совершиться. Понимаешь? Нельзя ломать логику и переворачивать все с ног на голову.

— Но что же мне делать?

Я и сама так думала, но не могла с этим смириться. Слишком мало у нас осталось времени.

— А ничего. Пусть все будет, как будет.

Ну уж нет! На самотек я все не пущу. Придется мне устроить такую сладкую жизнь своей прародительнице, чтобы ей мало не показалось. Раз она не понимает по-хорошему, буду действовать иначе. Но Захару я об этом говорить не стала. Хватит с него на сегодня потрясений.

Он расценил мое молчание по-своему, что тема разговора закрыта, и я согласилась с его неоспоримыми доводами. Поэтому и заговорили о другом:

— Когда приезжает твоя бабушка?

Бабушку я ждала завтра. Вчера она села в поезд и сейчас

находилась где-то на середине пути. Я по ней ужасно соскучилась, не хватало родного человека. Хотелось просто посидеть с ней рядышком, пусть даже помолчать. Приятно удивилась, что Захар вспомнил.

— Завтра заеду, тогда, за тобой. Встретим твою бабушку.

Домой ни я, ни он не хотели. Да и пятница, куда торопиться. Решили покататься по вечернему городу.

Меня мучили сомнения. Не была я до конца откровенна с Захаром. Осталось кое-что, о чем я умолчала. Правда, я и сама не понимала, почему все время об этом думаю. Что будет, если нам удастся снять проклятия? Не изменится ли наша жизнь? Что если мы вмешаемся в естественный ход истории? И еще много вопросов, которые меня пугали. Я понимала, что думать об этом преждевременно, но и не думать не могла — мысли сами лезли в голову.

Я уже почти засыпала, когда мы подъехали к моему дому. Захар не спешил уезжать, а я покидать теплую машину. Так хотелось пригласить его к себе, но я боялась. Страшно стало, что между нами может произойти близость, о которой он потом пожалеет. Я-то хотела этого всей душой. Была бы моя воля, не отпускала бы Захара от себя. В последние дни мне казалось, что только я могу его хоть как-то привести в чувство. А нет меня рядом, и он ходит сам не свой.

Я уже открыла дверцу, когда Захар придержал меня. А потом поцеловал, и не как на площади — в лоб, а в губы. Как же я давно мечтала об этом, что чуть не разревелась от счастья. Надеюсь, поцеловал он меня не из жалости. А почему, я боялась даже думать.

Хорошо, что не пригласила Захара к себе. На площадке, прямо на полу, я обнаружила Наташу. Она сидела, поджав ноги и положив на них голову. Или спала? Я аккуратно потрогала ее, а она сразу накинута:

— Ну где тебя носит? Подруга называется.

— А чего здесь? Почему не дома?

Экстравагантность подруги порой загоняла меня в тупик. Ну почему она сидит тут, если можно пойти домой? Там отец — не прогонит же родную дочь. И почему не позвонила? Я бы приехала.

— У меня телефон еще разрядился, как назло, — тут же получила ответ.

Я уже сама с ног валилась от усталости и устраивать разборки в подъезде не было никакого желания. Все дома: вот разденусь, лягу на диване и, может быть, выслушаю подругу, если не усну. Честно говоря, ее высосанные из пальца проблемы начинали меня раздражать.

Наташа жаловалась на Толика, на его мещанские замашки, как он требует от нее хозяйственности — чистоты в доме, борща на обед. Не иначе, как у нее начался предсвадебный мандраж, как и у него, впрочем. Нашли из-за чего ссориться. Через два месяца свадьба, а они туда же... Помирятся, даже не сомневалась, поэтому слушала ее вполуха. Сочувствовать не хотелось, как и обсуждать ее проблемы. Своих хватает. Наверное, она обиделась, потому что замолчала и отвернулась к стенке. Но это я уже зафиксировала, засыпая.

Когда я перестала быть Верой? С недавних пор я четко все чувствовала, знала, о чем она думает, видела окружающее ее глазами, но не была ею. Я оставалась самой собой, но в ней. И такое положение вещей устраивало меня больше — появилась относительная свобода действий. Правда, очень относительная. Пробриться сквозь броню ее сознания у меня пока не получалось.

Мы находились на кухне. Именно мы, а не она или я. Теперь нас было двое, и мы обе об этом знали. Вера держала в одной руке кувшин с водой, а в другой сжимала порошок. Костяшки пальцев побелели. Она силилась разжать кулак, а я напрягла всю свою волю и не давала ей этого сделать. Наступил кульминационный момент, когда она решила подсыпать яд в воду. Странно, но я чувствовала, как вспотела от напряжения. Или это ее ощущения?

Вид у нее был совершенно дикий: волосы свисали неряшливыми прядями, глаза таращились и вращались, губы кривились. Она ругалась, как портовый грузчик, пытаясь сдвинуться с места. Но я ей мешала. Напрягла, как смогла, волю, разведя ее руки в стороны, а ноги заставила замереть на ширине плеч. В любое другое время ситуация показалась бы мне забавной. Но сейчас было не до смеха. Я боялась, что она победит, и поражение окажется сокрушительным. Важно было разобраться с ней здесь и сейчас. Что-то мне подсказывало, что другого шанса не будет.

— Пошла прочь, гадина! — шипела Вера, не прекращая осыпать меня проклятиями. — Я все равно найду способ сделать это. С тобой или без тебя.

А вот и неправда твоя. Плохо ты меня знаешь. Вернее, не знаешь совсем. Думаешь, только я тебе надоела? Не представляешь, как ты мне осточертела. Ни видеть тебя, ни слышать не могу. Не хочу больше даже вспоминать о тебе. Поэтому заставляю тебя поступить по-моему в этот раз!

— Ты лезешь не в свое дело, змеюка!

Ошибаешься. Это ты решила за нас всех. И именно ты загубила жизнь многих поколений после себя.

— Уйди, по-хорошему прошу!

Если бы не боялась ослабить хватку, рассмеялась бы. Это называется по-хорошему? Да, ты никому и ничего не сделала хорошего со времен замужества. Разве что родила Любашу.

— Дочь не тронь! — закричала не своим голосом Вера. — Она моя и больше ничья.

И поэтому ты делаешь ее несчастной?

— Я люблю ее и хочу избавить от папаши-урода. Богом прошу, уйди.

Себя ты любишь больше всех, а о других даже не думаешь. Мать делаешь несчастной, дочь обрекаешь на невеселую жизнь. Любишь, говоришь? Богом просишь? А есть ли для тебя Бог? Не отвернулся ли он от тебя?

Вера затряслась всем телом — то ли от усилия сбросить мою волю, то ли мысли мои на нее подействовали. В этот момент и заглянул в кухню Григорий. Увидев жену, он затрясся разве что не сильнее ее. Силился что-то сказать, но лишь открывал и закрывал рот, загипноотизированный ее видом.

Его вторжение отвлекло и меня тоже. Я ослабила хватку, чем Вера не преминула воспользоваться. С криком «Уйди, проклятый!» она запустила в мужа тяжелый кувшин. Слава Богу, он успел увернуться, иначе убила бы на месте. Я слышала, как он убегает и кричит: «Она тронулась, тронулась!»

— Вот, смотри! — с угрозой проговорила Вера, высыпая порошок в печь. Пламя вспыхнуло и тут же опало. — Думаешь, твоя взяла? Как бы не так! Я все равно найду способ от него избавиться.

Ты не найдешь. Но очень боюсь, что это сделают другие.

— Думаешь, только ты можешь заставить меня поступить по-своему? — зло усмехнулась Вера. — Моя очередь. Ты не уйдешь, пока я этого не захочу.

Смех ее прокатился по кухне — хриплый, каркающий.

Я попыталась проснуться и поняла, что не могу. Вера не пускала меня. Как я могла быть такой наивной, думать, что в любой момент смогу вырваться?

Она рассмеялась еще громче и неистовее. Поняла, о чем я думаю.

— Ты будешь тут, пока на то моя воля. Не бойся, недолго...

Она выбежала из кухни, пронеслась мимо заплаканной свекрови и испуганного мужа, заскочила в комнату и принялась натягивать на себя первые попавшиеся вещи. Даже волосы не пригладила — обмотала их платком как были. На Любашу не взглянула, хоть та и вякала недовольно в колыбели.

Через пять минут мы уже спешили по улице. Не сразу догадалась, что направляется Вера к дому знахарки. А когда поняла, испугалась. Что она задумала?

Пелагея словно ждала нас — дверь распахнула, не успела Вера постучать. Смотрела насмешливо — дикий вид моей пращурки ее явно забавлял.

— Ты сейчас же убереешь ее из меня! — велела Вера, едва

переступив порог.

— Что так? — спокойно спросила знахарка и направилась вглубь комнаты.

Даже я не ожидала такой реакции. Думала, она выйдет из себя, накричит на Веру или еще чего похуже. А тут полнейшее спокойствие, даже равнодушие. Оно-то и бесило мою тюремщицу больше всего, я чувствовала, как Вера начинает закипать, и последствий опасалась все сильнее.

— Если не уберешь!..

— Помолчи! — прикрикнула Пелагея и прислушалась.

Я почувствовала, словно к голове моей прикоснулось что-то липкое и холодное. Сразу стало трудно дышать и расхотелось жить. Ненависть Веры, по сравнению с этим новым ощущением, казалась детской забавой. Рядом со мной сейчас находилось что-то очень сильное и пугающе злое.

— Вижу, ты смогла ее побороть, — удовлетворенно улыбнулась знахарка.

Голова моя мгновенно прояснилась, словно ничего и не происходило. Но страх остался и становился все сильнее, по мере того как росло удовлетворение Пелагеи.

— Все получилось даже лучше, чем ожидалось, — тихо сказала она, но я расслышала и почувствовала, как шевелятся волосы не на моей голове.

— Что ты там бормочешь?! — снова выкрикнула Веры, ослепленная собственной злобой. — Избавишь ты меня от этой дряни или нет? Предупреждаю, не избавишь, тебе же хуже будет.

Знахарка рассмеялась — тихо и презрительно. Уж лучше бы она это сделала громко, может, мне тогда не было бы так страшно.

— И что ты сделаешь?

— Ославлю тебя на весь свет. Расскажу, какими делишками ты тут занимаешься.

— Дура ты, Верка! И вряд ли поумнееешь. — Пелагея колко уставилась на нее, вмиг перестав смеяться. — И злоба твоя тебя же и погубит.

Скажи она мне такое, умерла бы на месте. А Вера даже бровью не повела, лишь ухмыльнулась:

— Мне твои предсказания не страшны. Пуганая... Да и терять мне нечего, — добавила тише. — Вырви из меня ту и живи спокойно. А со своей жизнью я как-нибудь сама...

Почему-то в тот момент мне подумалось, что не такая она и глупая. Запутавшаяся по жизни, озлобленная, да, но не глупая. А еще я поняла, что прощаюсь с Верой навсегда, и даже немного загрустила. Каково же было удивление, когда душа ее

откликнулась на мою грусть — в кои-то веке наши чувства на мгновение стали созвучны. А потом Вера взяла себя в руки и снова замкнулась, отворачиваясь от меня, закрывая свой разум. И снова я оказалась в темном колодце под тяжелой крышкой люка. Отпусти она меня в тот момент добровольно, может и не случилось бы ничего.

* * *

— Ты чего такая хмурая? — поинтересовалась Наташа за утранным кофепитием.

Я не просто была хмурая — места себе не находила. Нехорошие предчувствия преследовали меня с момента пробуждения. Они мешали сосредоточиться на чем-то, все валилось из рук, когда готовила завтрак. Да и руки сами тряслись, как при сердечной недостаточности.

— Жень, ты вообще где? Ты меня слышишь? — снова спросила Наташа и помахала у меня перед лицом рукой.

— Слышу, не глухая, — через силу ответила я.

Больше всего мне сейчас хотелось, чтобы ей позвонил Толик, и она подорвалась и помчалась на зов любимого. Мне нужно было о многом подумать и кое-что проверить. А она мешалась, как никогда. Я же не могла ее выгнать и терпела из последних сил.

— И долго ты собираешься так сидеть — уткнувшись в стол? У меня проблемы, а она...

И тут меня понесло. Это у нее-то проблемы?! Да что она знает о проблемах в частности и о жизни в целом?! Заиклилась на себе любимой и дальше собственного носа не видит! Эгоистка чертова, у которой в жизни все прекрасно, только она этого не замечает, ну или с жиру бесится! Я еще много чего неприятного ей сказала, пока не заметила, как вытянулось у подруги лицо, задрожали губы и глаза наполняются слезами. Только тогда я поняла, что перегнула палку.

— Наташ, прости меня.

Я схватила ее за руку, но она ее тут же выдернула и встала со стула. Вряд ли она хотела что-то сказать мне, раз даже не смотрела в мою сторону, пока одевалась и обувалась. Даже не попрощалась — молча вышла за дверь и аккуратно ее прикрыла. Я стояла в коридоре и не могла сдвинуться с места, словно меня придавило бетонной плитой.

Что это было? Неужели это я сейчас прогнала свою лучшую, да что уж там, единственную подругу? Надо бы догнать ее, еще раз попытаться вымолить прощение. Скорее всего пошла она

домой. Но ничего предпринимать не стала. С Наташей разберусь потом, а пока есть более срочные дела.

С самого пробуждения мне хотелось проверить брошь, а при подруге я этого сделать не могла. Зная ее неумемное любопытство, на меня посыпался бы шквал вопросов, ни на один из которых я бы не смогла ответить. Ну разве что соврала бы на все сразу, что без ума от этой броши и решила еще раз на нее полюбоваться. Как ни крути, а ссора — единственная возможность избавиться от нее хоть на время.

Руки дрожали, когда доставала украшение, что чуть не разбила старинную немецкую сахарницу. Бабуля бы расстроилась. Бабуля! Совершенно забыла, что она сегодня приезжает. Да что это со мной? Я как будто потеряла связь с действительностью. Физически я здесь, а мыслями нахожусь там, в другом времени. Поэтому и бутерброд на завтрак с кофе показались мне пресными, словно я хотела чего-нибудь посущественней — жаркого или жареных перепелов. Вздрогнула, когда ощутила прилив слюны от соблазнительной картинки, подброшенной воображением. Опять затряслись руки. Покрепче вцепилась в сахарницу и присела на диван — не ровен час, могу и расколомшматить.

Время приближалось к одиннадцати. Кажется, поезд прибывает в половине третьего... или второго? Что-то я запамятовала? Запамятовала?! Я бросила сахарницу на диван и вскочила. Тупо смотрела, как отлетела крышка, а пузатое изделие несколько раз подпрыгнуло на не очень упругих пружинах. Но не это меня разволновало. Когда я начала так думать, вернее мыслить? Это же ретроград какой-то! Неужели время Веры настолько меня заразило и изменило мышление?

Я прижала пальцы к вискам, чувствуя, как пульсирует кровь. Голова разболелась, и мысли ворочались в ней с трудом. Нужен душ — прохладный бодрящий душ. Все остальное потом.

В ванной я долго стояла под упругими струями, достаточно холодными, чтобы остудить пылающее тело и прояснить мысли. Кажется, становилось легче. Я даже вспомнила слова бабушки: «... Сейчас гляну в билете. Ага, в четырнадцать тридцать...» Ну точно! И Захар сказал, что заедет в половине второго, что часа нам с головой хватит, даже с запасом. Ну хоть с этим разобралась.

Из ванной выходила другим человеком и собственные странности оправдывала излишней впечатлительностью.

Брошь выглядела обычно, ни капельки не изменилась, с тех пор как я рассматривала ее в последний раз. Правда, показалась мне еще красивее, если такое возможно. Я аккуратно поддела ногтем крышку. Больше всего на свете боялась, что порошок

может оказаться все еще внутри. Дурацкая игла мешалась, и я больно укололась, в очередной раз откидывая ее. На пальце выступила капля крови, про которую я тут же забыла. Глазам своим не верила — внутренность брошки была пуста. Аллилуйя! Свершилось! Часть проклятия снята. Я тут же с опаской оглянулась, как только радостная мысль упрочилась в мозгу. Вроде ничего не изменилось. Те же вещи, так же стоят. Везде чувствуется заботливая рука бабушки. Значит, все в порядке, ход истории я не нарушила.

Палец все кровоточил. Пришлось обработать место укола перекисью водорода, но и потом еще кровь долго не останавливалась. Не знала, что у меня такая отвратительная свертываемость. И тут меня осенило! Я же никогда больше не смогу попасть в тело и сознание Веры! Как же мне спасти Захара?

Ни разу в жизни мне еще не было так плохо. Я места себе не находила. Плакала, даже рыдала, заламывала руки, разве что не билась головой о стену. Ну почему я ей не помешала? Как я могла допустить такое? И главное, как теперь быть?

Захар должен был приехать с минуты на минуту, а я все мерила шагами комнату. И думала, думала, но все безрезультатно. Кое-как заставила себя одеться и причесаться. На душе было паршивей некуда. Вся радость от снятия проклятия улетучилась, стоило представить размеры катастрофы.

Не заметить моего состояния Захар не мог. Потому и спросил с порога:

— Что случилось?

Вместо ответа я снова заплакала. Даже смотреть на него было больно, а уж представить, что скоро и вовсе не увижу, невыносимо.

— Так. Пошли отсюда. В машине все расскажешь.

Пока Захар помогал мне одеваться, я все думала, как скажу ему. Это же будет, прежде всего, крушением его надежд. Да еще и на фоне того, что с себя проклятие я, по всей видимости, сняла. Мне то становилось невыносимо стыдно, что подвела его, то такое безысходное горе накатывало, хоть вешайся. Ни одна мысль не казалась мне правильной, ни какие слова не подходили, чтобы смягчить удар.

— Рассказывай, — велел Захар, как только устроил меня и опустился рядом, на водительское сидение. Двигатель не заводил, видимо, решил слушать на пределе внимания.

Я снова заплакала, стоило только взглянуть на него. Язык не поворачивался начать разговор.

— Жень, хорош разводить сырость. Что бы там ни случилось,

я выдержу.

Он догадался! Понял, что речь пойдет о нем. Немного поbledнел, явно волнуется, но готов услышать правду.

Путаясь в словах, периодически принимаясь лить слезы, я кое-как рассказала ему о ночных событиях.

— Теперь ты понимаешь всю глубину моего отчаяния?

И плевать, что прозвучало пафосно, или что Захар может догадаться об истинных моих чувствах к нему. В этот момент меня волновало совершенно другое. Я ломала себе голову, что можно придумать, костерила себя на чем свет стоит, что не использовала ту единственную возможность, когда еще была Верой.

Захар молчал. Потом так же молча завел мотор и тронулся, вырывая со двора.

— Значит, ты больше не сможешь видеть те сны? — наконец, заговорил он.

Голос его звучал слишком спокойно и буднично. Это было похоже на обреченность. Я замерла от внезапной догадки, что он может возненавидеть меня.

— Одно хорошо, что у тебя получилось заставить Веру выбросить порошок.

И все? Больше он ничего не скажет?

— А как же ты? — вырвалось у меня.

— А что я? — усмехнулся он. — Жил же я как-то до встречи с тобой, когда надеяться было не на кого. Что-нибудь придумаю.

Как же больно мне было это слышать! Короткой фразой он перечеркнул все мои надежды, что когда-нибудь он начнет испытывать ответное чувство ко мне, что у наших отношений есть будущее. Хотя, в само будущее он, походу, уже не верил. Та искра, что тлела в нем, потухла сегодня, после моего рассказа.

Наконец-то вернулась бабушка. Как же я, оказывается, соскучилась! Весь вечер не отходила от нее, как привязанная. Она много рассказывала про подругу, ее непутевую дочь, малыша... А я все слушала, слушала и не могла наслушаться и наглядеться на нее. Рассматривала каждую морщинку, постоянно целовала и еле сдерживала слезы. Сейчас мне месяц, что ее не было дома, казался годом, вечностью.

— Женечка, что с тобой? — не выдержала бабуля. — Ты какая-то странная. Я тебя не узнаю. Почему глаза на мокром месте?

Она внимательно рассматривала меня, пока я, наконец, не осознала, что веду себя мягко говоря необычно. Тогда я решила сменить тему:

— А пойдёмте пить чай?

Стол на кухне был завален гостинцами. Бабуля в своем репертуаре — понакупила всякой всячины, будто здесь всего этого нет.

— А что, кроме нас есть еще кто-то? — бабуля картинно огляделась и рассмеялась. — Почему пойдёмте-то?

А вот мне было не до смеха. И фраза эта вылетела не случайно, я сознательно так сказала, потому что думала в тот момент именно так.

— Женя, посмотри на меня!

В голосе бабули появились стальные нотки. Либо она сердится, либо волнуется. А может и то и другое.

— Можешь объяснить, что происходит? Что случилось, пока меня не было? Почему ты на себя не похожа? Осунулась, похудела... Глаза печальные, как у побитой собаки.

Как же быть? Что сказать такого, чтобы она поверила? Я не могу и не должна рассказывать ей все. Бабуля будет волноваться, места себе не находить. А с ее-то сердцем... Кроме того, сейчас не время для постороннего вмешательства. Мне предстоит многое обдумать, принять какое-то решение. Да и не расскажешь всего, что произошло со мной и Захаром.

— С Наташкой поссорилась, — ляпнула я первое, что пришло в голову. Если и покривила душой, то совсем чуть-чуть. Правда, про ссору с подругой я вспомнила только что.

— И все? — Бабуля смотрела испытующе, хоть я и пялилась куда угодно, лишь бы не на нее.

— Сильно поссорилась, — решила уточнить я.

— Не впервой, помиритесь. Или есть еще что-то?

— Еще соскучилась ужасно.

Это уже было чистой правдой, потому и посмотрела ей в глаза, как надеялась, открыто.

— И все равно это не повод обращаться ко мне на «вы», и выглядеть при этом так, словно ты выпускница пансионата благородных девиц.

Слава богу, бабуля шутила и даже улыбалась. Полегчало, но совсем немного. Для самой меня так и осталось загадкой такое поведение. Решила, что нужно следить за своей речью, думать, прежде чем ляпать.

Засиделись мы допоздна, все никак не могли наговориться. А потом я еще долго лежала в постели без сна. Из головы не шел Захар, и то, как он выглядел в момент расставания, когда довез нас с бабулей до дому. Он так смотрел на меня, словно прощался. И всю дорогу от вокзала молчал, отвечал лишь на дежурные вопросы, которые бабушка задавала ему из вежливости. Говорят, депрессия овладевает человеком, когда организм перестает вырабатывать гормон радости. Опасное состояние, и без помощи специалиста не обойтись. Мне казалось, что Захар был близок к депрессии. Еще немного, и она завладеет им без остатка.

* * *

— Ну здравствуй, девица!

Я находилась в доме Пелагеи и не понимала, как тут очутилась. По избе разносился запах тушеного мяса, обильно сдобренного пряностями. Мои рецепторы реагировали как положено — аппетит разыгрался не на шутку.

Знахарка возилась с тестом — лепила пирожки и складывала их на небольшой противень. Выглядела при этом, как обычная деревенская баба — с выбившимися из пучка прядями волос, в переднике, с закатанными рукавами и перепачканная мукой.

— А ты думала, я только зелье да порошки умею готовить? — усмехнулась она. — Извини, дорогая, угостить тебя не смогу, хоть и хотела бы. Так что потерпи — вернешься в человеческий облик, отобедаешь.

А сейчас я какая? Все вижу, могу смотреть в разные стороны, вниз, вверх... Но я не вижу себя, вернее Веру. Не могу поднять руку или ногу, дотронуться до головы...

— Не терзайся, — вновь заговорила Пелагея. — Нет тебя тут. Здесь только та часть тебя, которую принято величать душой, а сама ты далеко.

А как же она-то меня видит? И где мое тело?

— Не переживай, спишь ты крепко в своей кровати. А знаю я, что ты тут, потому что сама же и призвала тебя, — ответила знахарка на невысказанные вопросы.

Получается, она читает мои мысли или что там может делать душа. Не уверена, что она может думать. Но судя по всему, кое на что способна, раз даже запахи я различаю.

— А ты смешная, — рассмеялась Пелагея. — Нет бы спросить, зачем оказалась тут, забиваешь голову всякой ерундой.

Хорошо, зачем я тут?

— Верку я от тебя освободила. Не переживай, она безвредна, как пареная репа. Не сделает ничего мужу своему. Правда, так и доживет век свой в злобе и ненависти. И не угрозы ее на меня подействовали, как и не доброта душевная...

Кто бы сомневался! Добротой тут и не пахнет. Несмотря на аромат еды, атмосфера в доме знахарки царила зловещая. Она пропитывала меня насквозь, словно покалывали мое тело тонкими иголками — вроде и не больно, но ощутимо.

— А вот ты мне нужна. Я это сразу поняла, как только почувствовала тебя. Плохую службу сыграла для тебя родственница твоя, зря явилась ко мне с тобой внутри.

Я понимала все меньше. Немного мешала радость от победы над Верой. Жалко ее, конечно, что жизнь свою все равно погубила, но хоть свою мне удалось спасти.

— Ой ли... Не тем твои мысли заняты, девица. Не о том ты должна думать.

Пелагея взяла хват и достала из печи черный пузатый казан. А потом на его место задвинула противень, полный пирожками, и закрыла заслонку. И только после этого посмотрела на меня, впервые с того момента, как я тут оказалась.

Мне казалось, что в груди прожигают две огромные дыры. Боль была адская, но закричать я не могла. Черные глаза знахарки смотрели, не мигая. Воздух вокруг меня или того, что я сейчас из себя представляла, наполнился дымом, и я почувствовала запах гари. Сил терпеть не осталось, но я не могла ни пошевелиться, ни застонать, ни перестать смотреть в эти сатанинские глаза. Когда наступил предел, и я решила, что умираю, Пелагея отвернулась. Сразу же полегчало. Появилась эйфория, что я все еще жива.

— Так больно только первый раз, — заговорила она, и голос ее прозвучал хрипло. Только тут я заметила, что она еле стоит, пошатываясь. Вытирает крупные капли пота со лба. — Потом будет легче...

Знахарка присела на сундук и откинулась на стену. Грудь ее вздымалась, как жабры у рыбы, выброшенной на сушу. Руки и

ноги подрагивали, словно она пробежала кросс, удерживая тяжеленные гири.

Любопытство оказалось сильнее страха. Не думала, что такие, как Пелагея, могут выглядеть настолько немощными. Она же разваливалась на глазах, превращалась в старуху.

— Я не рассчитала свои силы. И всего-то... В следующий раз подготовлюсь получше, — пробормотала знахарка, не двигаясь и не открывая глаз. — А знаешь ли ты, что не яд, которым хотела травить мужа Вера, явился проклятием? Что он тут вообще не причем? Чары с себя ты сняла, когда укололась брошью. На игле была кровь Веры. И заговорил брошь тот, кто дарил ее. Не желал он ей счастья без себя, как и всему ее роду. Злая душа у него, достойная настоящего колдуна. Только не наш он — житель степей.

Вот оно что?! Вот почему все прошло так плавно, и опасения мои не оправдались? Получается, только с того момента, когда брошью уколется кто-то из потомков, проклятие считалось аннулированным. Неужели, все так просто?

— А ты думала! Жизнь она вообще гораздо проще, чем мы себе домысливаем. Только мало кто это понимают. И еще меньше знают, чего хотят от жизни. Вот ты, например, столько сил потратила впустую. Ради чего? Почему не спросила в нашу первую встречу? Я бы ответила.

Начать нужно с того, что я вообще не знала, что могу заговорить с тобой.

— Это все скудоумие человеческое, — вздохнула Пелагея и открыла глаза. Правда, на меня, слава богу, не посмотрела. Я отвлеклась и не заметила, что ей довольно быстро полегчало. — Ну ничего, скоро ты сможешь наговориться со мной вволю.

Да не хочу я этого! От таких, как ты, вообще предпочитаю держаться подальше.

— Это временно. Скоро привыкнешь. Кто знает, может и я тебе полезной окажусь.

Пелагея встала и прошлась по кухне, разминая кости, выполняя нехитрые наклоны.

— Все! Иди! На сегодня хватит!

Она взмахнула рукой, и я оказалась в черноте.

* * *

Я чувствовала, как меня тормозят, но глаза упорно отказывались открываться. В голове шумело от того, что кто-то рядом говорил. Только слов я разобрать не могла, словно

находилась под водой. Оставьте меня в покое, хотелось крикнуть. Дайте спокойно поспать. Что вам всем от меня нужно?

Меня снова тряхнули, на этот раз сильнее и ощутимее. Плечо прострелила боль. Злость всколыхнула душу, и я открыла глаза.

— Ну слава богу! Насилу добудилась. До двух часов спать, где ж это видано.

Кто эта старушка, и что ей от меня нужно? И где я? Мысли ворочались лениво, и видела я все, словно в тумане, даже щурилась, чтобы разглядеть внимательнее.

— Давай, голубушка, просыпайся. Это ж как ты спала, если никак соображать не начнешь! Вставай, умывайся и живо на кухню. В чем только душа держится?

В мозгу щелкнуло, и пелена спала с глаз. Бабуля, кряхтя, поднималась с дивана, ворча, что молодежь пошла слишком беспечная, ничем не интересующаяся. Как можно спать до обеда, когда в жизни столько интересного? И все в том же духе.

Слава богу, я дома! Пахнет воскресными блинами и топленным молоком. Как же хорошо! Я потянулась в кровати, испытывая ни с чем несравнимое наслаждение. Тело приятно отозвалось, разминаясь. Оно так затекло, как будто я всю ночь проспала, не меняя положения... Сколько бабуля сказала времени?! Я подскочила в кровати и уставилась на часы. Без пяти минут два. Получается, проспала я больше двенадцати часов. Это же кошмар! Права бабуля — так всю жизнь просплю.

— Сходи, погуляй, — проворчала бабуля, когда я усаживалась за стол. — Бледная, как поганка. Хоть воздухом подышишь. Да с Наташкой помирись.

— С кем?

М-м-м, какие вкусные блины! А с клубничным вареньем — просто объедение.

— Что значит с кем? Разве не ты вчера сказала, что поссорилась с ней.

Ах да, Наташа! Перспектива идти к ней, выяснять отношения и подписывать мировую не радовала. Не хотелось омрачать день подобными мелочами. Куда как лучше сходить в лес, покататься на санках с горы. Кажется, я со школы этого не проделывала. И погода подходящая. Я посмотрела в окно. Снег крупными хлопьями падал на землю, ветра не было. Ребяшня бесилась во дворе — катались с ледяной горки, которую каждую зиму заливали местные энтузиасты-взрослые. Красота!

Только, идти в лес одной стремно, а с Наташей мы в ссоре. Позвонить Захару? Конечно, вчера он был не в лучшем настроении, но может сегодня ему лучше, и он не откажется составить мне компанию? В конце концов, я ничего не потеряю,

позвонив ему. Я покосилась на бабулю. Сердитая такая — губы поджала, на меня не смотрит. Значит, надо тикать из дому.

К моей великой радости Захар сразу согласился погулять. Только на санках кататься отказался. Вместо этого предложил поехать на лыжную базу — отдохнуть по-взрослому. Скажите пожалуйста! Санки ему не нравятся. А из меня лыжник никудышный. Да и инвентарь отсутствует — сроду дома лыжи не держали. На что Захар ответил, что будет разрешать мне спускаться только с пологой горы, и на базе работает пункт проката. Согласилась, потому что перспектива провести день дома, с бурчащей бабушкой, мне не улыбалась.

Он заехал через час. База находилась за городом, но по пустым дорогам добрались мы туда быстро. А народу-то сколько! Словно полгорода решили покататься на лыжах. Склоны усыпаны спускающимися.

От инструктора мы отказались, Захар пошутил, что и сам прекрасно обучает дилетантов. Свои лыжи он привез с собой — профессиональные горные, а мне сам выбрал в прокате. Я уже начинала побаиваться, особенно когда он сказал, что на подъемнике не поедет, а будем взбираться в гору пешком.

На лыжах я последний раз стояла в школе, на физкультуре — достаточно расхлябанных, тоже школьных. Тут же, когда Захар закрепил ботинки на моих ногах, я удивилась, насколько они удобные по сравнению со школьными. Закончив возиться с моими лыжами, Захар надел свои и показал, как взбираться на склон «елочкой», опираясь на палки. С этой частью задания я художественно справилась, правда, наверху небольшой горки еле дышала от усталости, чем очень его насмешила.

Когда Захар приступил к обучению меня правильному падению, смеялась уже я над тем, как он заваливается набок, нелепо раскидывая руки. Месть его не заставила себя ждать — упасть он заставил меня раз десять, пока не получилось правильно с его точки зрения. Мне уже к тому времени перехотелось спускаться с горы. Впрочем, об этом я вообще старалась не думать, так как от одной мысли умирала от страха. Но как бы я не оттягивала момент, он все равно настал. Показав мне, как ставить лыжи, приседать и сжимать палки, Захар плавно, волнообразно съехал с горы. Получилось у него это так естественно, что я решила, что тоже запросто так смогу. Разочаровалась ровно через пять секунд, когда начала спускаться и упала, да не так, как учил Захар, а вперед — лицом в снег.

— Ты же сказал, что я упаду набок! — накинута я на Захара, когда он, смеясь, помог мне сесть.

— Я забыл про силу инерции, прости, и то, что ты новичок.

Лицо горело от снега, и, слава богу, это было единственное неудобство, вроде я больше не ушиблась. Захар помог мне подняться, продолжая задорно улыбаться. Я поняла, что веду себя, как ворчливая старуха, не получая удовольствие от прогулки. Наверху я снова засомневалась, глядя вниз.

— Боязно как-то...

Захар не ответил, только как-то странно на меня посмотрел и подтолкнул в спину. Испугаться я не успела, как снова завалилась, на этот раз набок. Так я падала еще раз пять, пока совершенно не перестала бояться, и получилось нормально спуститься. А потом он меня уже не мог остановить — так мне понравилось ощущение полета и свист ветра в ушах. Но от горки побольше я гордо отказалась.

С лыжной базы мы уехали, когда стемнело. Не помню, когда последний раз с таким удовольствием отдыхала на зимней природе. Хотелось как-то отблагодарить Захара, и я пригласила его к нам — попить чаю. Он, не раздумывая, отказался. Такая поспешность меня обидела, но я старалась не подать виду. Кажется мне, или Захар намеренно пытается отдалиться? За весь день он ни разу не попытался обнять меня или поцеловать. А раньше делал это, и ему хотелось, как подсказывала мне моя недоразвитая интуиция. Я же мечтала об этом каждое мгновение. И он не мог не замечать. От этой мысли мне становилось очень стыдно, словно выставляю свою похоть напоказ.

— Жень, у тебя ничего не случилось? — спросил Захар, когда я открыла дверь машины и собиралась выйти.

— Нет, а что? Все нормально... вроде, — добавила тише, потому что сама в этом была далеко не уверена.

— Просто, ты сегодня была какая-то странная, на себя не похожая. И говорила странно.

Ничего не придумала лучше, как пожать плечами. Очень надеялась, что проделала это достаточно равнодушно. Если попытки скрыть чувства, которые никому не нужны, выглядят странными, то так тому и быть. Лучше маскироваться я все равно не смогу. На этом и распрощались.

Проходя мимо двери Наташиной квартиры, мелькнула мысль, не зайти ли. Но я ее тут же отогнала. Видеть капризную подругу по-прежнему не хотелось. Если надумаю, позвоню.

К бабушке вроде вернулось нормальное настроение. Встретила меня с улыбкой и с интересом выслушала рассказ, как я осваивала навыки горнолыжника. Мы долго пили чай и много разговаривали, пока она не спохватилась и не погнала меня спать. А на следующий день мне пришлось уволиться с работы.

Пелагея не обманула. Второй раз было не так больно, но зато очень противно. Мне казалось, что в моей душе копаются чужие руки, передвигая, перекладывая что-то, как они того хотят. И я совершенно не согласна, но ничего не могу поделать, чтобы помешать. Длилось это довольно долго, и все время я видела перед собой два бездонных черных колодца, которые засасывали меня. Но и упасть в них я не могла, впрочем, я была совершенно беспомощна.

Когда меня оставили в покое, я чувствовала сильную тошноту и покалывание во всем теле. Впрочем, в наличии этого тела я сомневалась. Вместо него я видела неясные очертания, слабый контур там, где должны быть руки и ноги, туловище... Но я четко осознавала, что это мое тело прорисовывается, а не Веры или чье-то еще. И это невероятно пугало.

— Подойди сюда. Теперь ты это можешь. — Пелагея указала на стул возле большого круглого стола.

На этот раз мы находились не в кухне, а в комнате. Я вспомнила тот день, когда приходила сюда в облике Веры. Казалось, это было так давно, хотя в моей реальной жизни прошло не так уж и много времени.

Я шевельнулась и поняла, что ощущаю свое тело, смогла сделать несколько шагов и опуститься на стул. Сразу испытала облегчение, словно стоять мне было невыносимо тяжело. Говорить я по-прежнему не могла, но в этом и необходимости не было, как догадывалась.

Знахарка выглядела величаво, я бы даже сказала красиво. В белоснежной кружевной блузе и тяжелом черном сарафане в пол, с волосами, собранными в пучок и заколотыми шпильками с большими жемчужинами. Лицо матовое, чистое и смуглое, на котором горели черные глаза. Ни грамма косметики, да и не к чему она ей. С таких бы писать иллюстрации к сказке «Аленький цветочек» или сделать лицом какой-нибудь парфюмерной компании. А она... растрчивает жизнь на глупое колдовство, в какой-то глухомани.

— Ну не скажи, — засмеялась Пелагея. — Моя жизнь не так уж и плоха. Я — одна из немногих, кто может позволить себе все. И колдовство мне оказывает неоценимую помощь. А ты забавная. Столько в тебе жизненной силы, такая воля и бурная фантазия. И человеколюбие... Ты станешь прекрасным дополнением. Будешь моей светлой половиной. И тебе откроется высший разум.

Я не хочу этого! Мне нравится моя жизнь. И если бы не эти

навязчивые сны, никогда бы не пустилась в подобные авантюры. Жила бы себе спокойно дальше.

— К сожалению, дитя мое, от тебя теперь ничего не зависит. Я так решила!

Последнюю фразу она произнесла очень громко, и глаза ее полыхнули синим пламенем. Мое тело пронзили миллионы иголок. Боль была мгновенная, но очень сильная. Могла бы, застонала, но мне даже этого не оставили.

— Ты нужна мне тут. Именно такая — более развитая, чем все те, что меня окружают. Мне некому передать мое умение. Было некому... Теперь есть ты. Почти есть... И ты станешь моей ученицей, помощницей, дочерью.

Но я не могу! Как же моя жизнь? Бабушка, Наташа, Захар?.. Захар! Я же не смогу помочь ему!

— А какая тебе теперь разница, что с ним станет? Ведь ты же все равно не сможешь быть рядом.

Если бы я только смогла заплакать. Тогда бы я упала на колени и слезами вымаливала бы у нее пощаду. Отпусти меня, молю тебя. Если в тебе осталось хоть что-то человеческое, дай мне попытаться помочь ему. И не делай бабулю несчастной на закате жизни. Как она будет жить без меня?

— Хватит ныть! — Снова меня пронзила боль. — Как ты ему поможешь? Глупая, безмозглая девчонка! Ты не можешь вернуться в тело Веры, а значит, тебе не изменить судьбы Захара.

Но ты можешь! Ведь правда? Раз ты даже меня способна сюда забрать.

— Не стану я этого делать. Опасно вмешиваться в кармическую ауру, а тем более отводить руку убийцы. Да и претит это моей натуре. Даже не проси.

Никогда я еще не чувствовала себя настолько несчастной. Больше всего хотела, чтобы все закончилось, оборвалось в один миг, здесь и сейчас. Мечтала умереть мгновенно, чтобы перестать думать. Мысли, одна чернее другой, убивали, сводили с ума. Что станет с бабушкой? Она умрет без меня. И я буду повинна в ее смерти.

— Не волнуйся, она не умрет. Какое-то время ей будет тяжело, но потом смирится и проживет еще.

Сколько еще это продлится? На какое время я могу рассчитывать?

— Осталось два сеанса, и ты станешь моей. Сегодня я вынуждена отпустить тебя. Еще большая часть твоей души остается там. В следующий раз ты тоже уйдешь, но уже не будешь самой собой. А потом завершится воплощение, и ты останешься тут навсегда.

Я должна попрощаться, как-то объяснить... Пелагея засмеялась. Без злобы. Она веселилась, забавлялась.

— Я тебе удивляюсь. В реальной жизни ты не помнишь, что с тобой происходит во сне. Я заблокировала твою память. К сожалению, не смогу заставить тебя забыть прежнюю жизнь, когда окажешься тут целиком. Это не в моей власти. Я не зверь, не думай. Увы, но ты будешь все помнить и, наверное, страдать, — добавила тише.

Я даже заметила тень сожаления, мелькнувшую в ее взгляде. Неужели сочувствует? А толку-то?.. Все равно не откажется от черных замыслов. Ну уж нет! Ты забираешь меня всю, лишаешь возможности жить там, где хочу, и так, как чувствую. А что взамен? Ты даже не оставляешь мне возможности попрощаться с близкими, сказать им, что люблю. Или ты боишься, что они помешают? Но как? Теперь уже я готова была засмеяться, нервным нездоровым смехом, если бы только смогла.

Я сосредоточилась, как только смогла сильно, напрягла всю свою волю и посмотрела на Пелагею. Если можно так сказать, направила на нее всю свою энергию, вложив одну единственную мысль — она должна дать мне возможность не забыть эту ночь. Мне нужно завершить свои земные дела. В конце концов, это единственное, о чем я прошу.

— А сможешь ли ты справиться с собой? Не наговоришь ли лишнего? — задумчиво спросила знахарка. — Хотя, что я теряю? Ровным счетом ничего. Будет у тебя один день. Постарайся использовать его с выгодой для всех.

* * *

Я не знаю, что чувствует человек, которому грозит казнь. Могла только догадываться, каково это осознавать, что завтра тебя не станет. Но почему-то была уверена, что испытываю сейчас примерно то же самое.

Я лежала с открытыми глазами и смотрела в потолок. Не хотелось ничего — ни двигаться, ни думать — ничего. Машинально улавливала звуки, доносящиеся с кухни. Вернее, их почти не было. Временами скрипел стул и раздавался тяжелый вздох. А потом снова тишина и тиканье часов на стене.

Нужно найти в себе силы и встать. Лежать еще хуже — чувствуешь себя уже мертвой. А так хочется жить дальше! Тоска сдавила сердце и долго не отпускала, пока из глаз не полились слезы. Но плакать нельзя, иначе бабушка начнет переживать... раньше времени.

На ватных ногах, испытывая слабость во всем теле, я прошла на кухню. Бабуля сидела на стуле, облокотившись на стол и подперев голову кулаком. Она смотрела в окно и не сразу заметила, как я вошла. Встрепенулась, когда я опустилась на соседний стул. И ничего не сказала, только горестно смотрела на меня. Неужели догадывается?

— Что случилось? — решила уточнить я.

— Ты знаешь, сколько времени?

На часы я не посмотрела. Честно говоря, это волновало меня в последнюю очередь, как и то, опоздаю ли я на работу. С этим вопросом я определилась — сегодня же напишу заявление на увольнение. Вот и закончилась моя карьера оператора.

— Двенадцать, — кивнула бабуля каким-то своим мыслям. — Все утро я пыталась тебя разбудить, разве что водой не поливала. Потом испугалась, что с тобой что-то неладное. Вызвала скорую.

— Скорую? Зачем?

Господи! Неужели я так крепко спала? Бедная бабуля...

— А они сказали, что ты спишь, и все показатели в норме. Женечка, что происходит? Это все сны?

Любимая ты моя, родная! Как же я смогу тебе все объяснить, если и сама-то не все понимаю? Да и имею ли я право так пугать тебя? Но тогда, как лучше поступить? Как предупредить родного человека, что скоро меня не станет? Один день, у меня есть всего один день.

— Нет, сны тут не при чем, — тряхнула я головой. — Ты имеешь в виду Веру? Так она не снится мне уже давно. А вот бессонница мучает конкретно. Наверное, нервное перенапряжение. Ночь напролет ворочаюсь без сна. Засыпаю под утро. Вот и результат.

Я решила врать. Пусть это будет ложь во спасение близкого человека. Я должна ее обезопасить. И еще мне нужно подумать, как следует все взвесить.

— Я позвонила на работу, сказала, что ты приболела.

— Спасибо, бабуль. Наверное, мне правда нездоровится. Схожу на работу, возьму недельку за свой счет.

Я сбегала, трусливо удрала с кухни. Не могла больше смотреть на сосредоточенное и обеспокоенное родное лицо. Пока не могла, потому что у меня не было плана действия.

Первым делом отправилась на работу, написала заявление на увольнение. Чего мне только не пришлось там выслушать — от упреков в непорядочности, до каких-то личных обид. И я даже не могла их осуждать за это, как и объяснять что-то. Врать пришлось изощренно, что срочно вынуждена уехать, поэтому не смогу отработать положенные две недели, что буду очень скучать по

всем. Впрочем, последнее было правдой — я действительно буду по всем скучать.

Когда с рабочими делами было покончено, я отправилась к Захару в мастерскую. Предварительно созвонилась, чтобы удостовериться, что он там.

Всю дорогу до мастерской я репетировала речь, подбирала слова, что скажу ему, с каким выражением. Представляла его реакцию, боялась увидеть отчаяние. А когда он открыл дверь, все слова разом вылетели из головы. Вот он стоит, такой знакомый, родной, любимый. Скорее всего, вижу его в последний раз. И как продлить это мгновение, не знаю.

— Жень, ты чего, а?

Только тут сообразила, что по щекам моим катятся слезы, что я стою и не смею переступить порог. Захар взял меня за руку и втянул в коридор. Как оказалась прижатой к двери, сама не поняла. А в следующий момент он уже целовал меня. Всю страсть вложила в ответный поцелуй. Таяла от блаженства и сгорала от горя. Пусть это длится вечно! Но все в жизни мимолетно, по сравнению с вечностью. И самым мимолетным оказалось мое счастье.

Захар еще долго прижимал меня к себе, пока не успокоилась. А потом заглянул в глаза и спросил:

— Расскажешь?

И я рассказала — все, без утайки. Какое-то время мы сидели молча, на его помпезном диване. Все это время Захар обнимал меня. И сейчас не выпускал из рук, прижал еще крепче. Он так побледнел, что мне стало страшно. Хотелось встряхнуть его, сказать, что еще не все потеряно. Но я не могла, словно резко онемела. Не могла, потому что сама не верила. Я понимала, что наступает конец всему. Ему, скорее всего, осталось жить не больше двух месяцев. А моя жизнь закончится завтра. И так мне было плохо от осознания бессмысленности всего. Для чего я так старалась снять проклятие с себя, если род мой на мне же и оборвется? Столько попыток приложила, чтобы облегчить жизнь Захару. А что в итоге? Вся жизнь мне сейчас казалось прожитой зря. А говорят еще, человек рождается для чего-то, что у каждого есть предназначение. Мое получается в том, чтобы показать остальным, как не нужно жить.

— Когда это произойдет? — Голос Захара звучал хрипло. Каждое слово давалось ему с трудом.

— Завтра.

— И ничего нельзя сделать?

Ответить я не смогла, чувствуя, как опять глаза наполняются слезами. Лишь помотала головой. Я могу лишь не спать как

можно дольше. Но сколько я выдержу без сна? Да и есть ли в этом смысл? Пелагея не откажется от задуманного.

— А как будет?..

Захар замаялся, но мне и не нужно было продолжение. Я и так поняла, о чем он хочет спросить. Что станет со мной в реальной жизни? Умру ли я? Сойду ли с ума?..

— Я не знаю. Думаю, сначала я просто усну, а потом...

Пройдет какое-то время, и от меня не останется и следа на этой земле. Большого не знала и сама Пелагея. Я ответила Захару ровно столько, сколько сама узнала от нее.

— А бабушке ты сказала?

— Об этом я тоже хотела поговорить с тобой.

По пути к Захару у меня созрел хоть и нелепый, но план. Нельзя бабушке говорить правду сразу. Это ее убьет. Я предложила сказать ей, что Захару нужно срочно уехать на пару недель, и он приглашает меня с собой. Это даст время, чтобы подготовить ее.

— И уехать мы должны сегодня, — добавила я, покраснев не известно отчего.

— Ты хочешь сегодня остаться у меня?

— Если можно, — покраснела я еще сильнее, за что готова была себя убить. — Только не дома, а здесь.

Захар кивнул и медленно поднялся с дивана. Мне показалось, что он постарел, даже двигается с трудом.

— Пойдем, тогда, раз решили.

Бабуля была в шоке. Она не знала, расстраиваться ей или сердиться. Подробно выпрашивала обо всем у Захара. Он вел себя молодцом, даже находил в себе силы улыбаться, хоть я и догадывалась, как ему это тяжело. Я почти все время отмалчивалась, ссылаясь на то, что тороплюсь собрать вещи. Их я оставила на кухне, а сама ушла в свою комнату. Временами принималась плакать, стараясь делать это неслышно. А когда обнимала бабулю, едва не упала в обморок, так мне стало плохо. Хорошо Захар поддержал, да и бабуля всплакнула и не заметила.

Мы заказали ужин в мастерскую. Чего только нам не доставили — и пицца, и несколько видов роллов, салаты в ассортименте, пирожные, коктейли... Не могла избавиться от мысли, что нахожусь в камере смертников, и это мой последний ужин. Глядя на Захара, становилось стыдно. Ему-то еще тяжелее. Я хоть примерно знаю, что меня ожидает. А он остается тут в полном неведении. И я видела, что ему страшно, как он старается крепиться из последних сил. Наверное, поэтому мы выпили больше, чем планировали, и, как ни странно, наговорились обо всем. Спиртное развязало языки и отодвинуло печальные мысли в

сторону. Захар даже детство свое вспоминал. А я ловила себя на том, что смеюсь. Когда понимала это, накатывала безысходность.

Засыпала я в объятьях Захара со счастливою улыбкой на губах. Наконец-то я узнала, как это — любить мужчину, отдаваться ему полностью, без оглядки. Об одном сожалела, что не сделала этого раньше. Тогда бы еще раньше поняла, что плотская сторона жизни может быть прекрасной, а не такой, как в моих снах.

Я так и не сказала Захару, как сильно люблю его. Не потому, что не хотела, а потому что такая возможность не представилась. Кто знает, может так лучше. В конце концов, он тоже не сказал, что любит. И должна ли я обременять его своими чувствами, не получая взамен ответные? Не станет ли ему от этого еще тяжелее жить?

А на следующий день я умерла.

Часть 2. Разделенные

Глава 1

Марина сидела на веранде, в плетеном кресле, и смотрела, как солнечные лучи пробиваются сквозь крону молодой листвы, ласкают траву, высушивая утреннюю росу, и радуют птиц; как те купаются в их тепле, с веселым щебетом перескакивая с ветки на ветку. Временами она отхлебывала из маленькой чашечки, протягивая руку и беря ее с такого же плетеного столика. В перерывах между созерцанием и глотками кофе рисовала карандашом на листе бумаги, прикрепленном к небольшому планшету и лежащему у нее на коленях.

Она всегда вставала рано. Будильник заводила на пять. Ей казалось, что поспи она еще часа два и проспит все самое интересное. Что утро — это то время, когда слияние с природой наиболее тесное, когда можно впитать ее в себя и зарядиться на весь день. Зимой с этим делом было сложнее — приходилось представлять себе снежное великолепие, что окружало ее дом, и слушать завывание суровых ветров. А с наступлением весны, когда только появились первые проталины, Марина выбиралась на веранду с первыми лучами солнца, одеваясь потеплее.

Несмотря на середину мая, день сегодня обещал быть жарким. Но ее это не пугало. В уголке природы, где она десять лет назад поселилась, всегда держалась приятная прохлада. Густо растущие деревья защищали дом и поляну вокруг него от зноя, как и от посторонних глаз. Совсем рядом пролегал трасса, но дом с нее не проглядывался. К нему вела извилистая тропинка, уходящая в небольшой овражек, где Марина купила участок земли и поставила срубленную избу. Всего две комнаты и небольшая кухня. Но ей хватало. Главное, что перед домом была просторная веранда, которую она обставила плетеной мебелью, стилизуя под старину. А еще был чердак, где Марина устроила художественную мастерскую. Не то чтобы она занималась этим профессионально, но рисовала с детства, хоть нигде и не училась.

Сегодня она решила запечатлеть пригорок. Очень уж он ей показался живописным, в лучах раннего солнца.

На тропинке показалась женщина, и Марина вздрогнула от неожиданности. В эту сторону можно двигаться только к ее дому. Ни перед ним, ни за ним больше ничего нет, кроме леса. Конечно, можно предположить, что женщину интересует природа и направление она выбрала случайно, но интуиция кричала, что Марине решили нанести визит. А так как случалось это довольно редко, ничего хорошего она не ждала.

Женщина остановилась, видимо, чтобы перевести дух. До

этого шла она довольно бойко. То ли запыхалась, то ли заколебалась отчего-то. Она осмотрелась, и взгляд ее снова остановился на доме. С такого расстояния уже и Марина должна просматриваться отлично.

Марина убрала планшет на стол рисунком вниз и ждала приближения незнакомки. Той на вид было лет пятьдесят. Одета опрятно, но как-то не по погоде, словно мерзнет все время. Вот и воротник на пиджаке поднят, и она придерживает его руками, хотя даже ветра нет. Лицо бледное, с синяками под глазами, и очень грустное. Сразу видно, что жизнь ее не сильно радует.

Марина встала и спустилась с крылечка. Сидеть и дальше в кресле становилось неудобно. Хочет она или нет, а гостью придется встретить. Женщина уже подходила к дому, и выглядела все более удивленной.

— Доброе утро! — сбивчиво произнесла она. Дыхание со свистом вырывалось из ее груди. Марина заметила капли пота на лбу и то, как она побледнела. Уж не сердце ли прихватило? — Скажите... а живет ли кто-нибудь поблизости?

— Нет. Рядом домов нет. Да вы проходите. Присядьте. Сейчас принесу воды.

Марина усадила не сопротивляющуюся незнакомку в кресло и побежала за водой. Она все больше опасалась сердечного приступа, так плохо выглядела женщина. Пугали бледность и слабость. В воду она добавила несколько капель сердечной настойки, что приготовила для матери, да отдать не успела пока.

— Вот, выпейте.

Руки женщины подрагивали, пока она пила воду. Марина обратила внимание на пальцы — тонкие, аристократические, с ухоженными ногтями. Явно перед ней работник интеллектуального труда.

— Спасибо!

— Полегчало?

— Да, спасибо.

Кажется, и правда отпустило. Лицо незнакомки уже не выглядело настолько бледным. А вот печаль с него не исчезла. Да и была она какая-то вековая, вьевшаяся в кожу. Горе читалось в глазах гостьи. Но плескалось оно не на поверхности, а словно запрятано было очень глубоко. Видно, приучила она уже себя не пускать его на поверхность.

— Чем еще могу помочь вам? — поинтересовалась Марина. Все же, любопытство взяло верх — зачем-то же она понадобилась этой женщине.

— Вы меня извините, — робко проговорила та, озираясь по сторонам, — но с вами кто-то еще живет тут?

— Нет. Ни тут, ни поблизости больше никто не живет. Только я, — улыбнулась Марина. Она уже догадывалась о причинах недоверчивости гостии, как и не могла не подозревать, зачем именно та к ней пожаловала.

— Но... сколько вам лет, извините за нескромный вопрос?

— Недавно исполнилось двадцать восемь, — терпеливо пояснила Марина. Посетительница по-прежнему не производила впечатление праздной любопытной, а даже напротив — угадывалась в ней какая-то тайна.

— И вы Марина Сорокина — могущественная ведунья?

Женщина пытливо смотрела на Марину, но с ответом та не торопилась. Можно ли назвать так ту, что обращается к магии только в крайних случаях, а на человеческую просьбу о помощи в последний раз откликалась и вовсе больше года назад? Но так было не всегда, и да, наверное, ее можно назвать могущественной ведуньей.

— Как вы про меня узнали? — оставила Марина вопрос женщины без ответа и задала свой.

— Совершенно случайно, — улыбнулась женщина одними губами. Глаз улыбка не коснулась. — В больнице подслушала разговор, где одна женщина рассказывала другой о чудесном исцелении своего сына. В разговоре она назвала ваше имя.

— А как узнали, где меня искать?

— Пришлось попытать вашу маму, уж извините.

Вот как? От кого, от кого, а от матери Марина такого не ожидала. Видно, случай особенный, раз она решилась выдать дочь.

— С чем вы ко мне пришли?

Женщина вдруг резко переменялась. На глазах лицо ее постарело, сморщилось. Глаза наполнились слезами. Вся она подалась вперед, заламывая руки.

— Помогите, молю вас! — прошептала она враз посиневшими губами. Марина всерьез испугалась, что случится сердечный приступ. — Мой сын в беде, и я уже отчаялась, — уронила она руки на колени и свесила на грудь голову практически всю седую.

— Успокойтесь! — твердо произнесла Марина. — Сейчас я заварю целебные травы, и вы мне все расскажете за чашкой чая.

Марина поспешно скрылась в доме. Видеть боль в глазах этой женщины и дальше становилось невыносимо. Не первый раз она наблюдала человеческое горе, но тут оно было настолько полным и неприкрытым, что невольно заражало, проникало в душу, которую целительница старалась держать наглухо закрытой.

Она вскипятила немного воды и бросила щепотку трав в заварочный чайник. Все остальное из банки пересыпала в

холщовый мешочек и стянула веревкой. Прodelала это на автомате, словно по-другому и быть не могло. Этой женщине нужна помощь, которую, увы, она не может обещать, потому что уже давно не принадлежит себе. Но то малое, чем распоряжается сама, она может для нее сделать.

— Вот. Пейте маленькими глотками, пока не остыло. Это вам поможет, — протянула Марина женщине дымящуюся настойку в кофейной чашечке. — А это возьмите про запас, — сунула она ей в руки мешочек. — Заваривайте по щепотке кипятком, настаивайте пять минут и выпивайте натошак. Это поддержит ваше сердце. А как травы закончатся, я вам еще дам...

Женщина приняла из рук Марины чашку, не переставая смотреть на нее глазами побитой собаки.

— Вы поможете моему сыну? — снова спросила она дрогнувшим голосом.

Марина не торопилась с ответом, наблюдая, как лицо гостьи постепенно возвращает первоначальные краски. Своим умением травницы она могла заслуженно гордиться. Вот и этот сбор имел поистине волшебную силу. Неважно, разрешат ли ей вмешаться в судьбу сына этой женщины. Главное, что она все равно оказалась полезной — на какое-то время продлила ей жизнь.

— Я ничего не могу обещать вам, — грустно проговорила она. — Есть ли у вас что-то, принадлежащее вашему сыну?

Посетительница смахнула крупную слезу, выкатившуюся из глаза, и открыла сумочку. В следующую минуту она протянула Марине что-то завернутое в носовой платок.

— Вот. Как знала, что вы попросите. Захватила ее из дома.

Развернув платок, Марина увидела хоть и красивую и усыпанную камнями, но довольно кустарную брошь. А взяв брошь в руки, содрогнулась от всей той злобы, что пропитывала ее.

— Чья она? — спросила она враз севшим голосом, сжимая брошь в кулаке и зажмуривая глаза. Злоба окутала уже всю ее и принимала опасную концентрацию. Такой силы колдовскую энергию Марина еще ни разу не улавливала. Но стоило только ей снова закатать брошь платком, как все исчезло.

— Для этого вам нужно выслушать историю моего сына, да и не только его, — печально проговорила женщина, допивая последние капли настойки и возвращая пустую чашку на столик. — Спасибо! Сразу полегчало...

— Думаю, вещь эта сама расскажет мне свою историю, — задумчиво произнесла Марина. — Оставьте свой телефон, я вам завтра позвоню.

— Но вы поможете? — снова взмолилась бедняжка.

— Отложим этот разговор на завтра, хорошо? Идите домой и

ждите моего звонка.

История... Любая вещь может рассказать историю. Но что-то Марине подсказывало, что тайна, хранящаяся в броши, пахнет гнильцой. Но следовало поторапливаться. Времени оставалось как раз столько, чтобы узнать историю броши к ритуальному часу, когда она снова встретится с ним...

— Нет! Об этом я точно не буду думать сейчас, — тряхнула Марина головой, схватила брошь со стола и скрылась в доме.

Гостя уже давно ушла, а она только сейчас перестала смотреть ей вслед, в то место, где та окончательно затерялась среди деревьев.

Из двух комнат, имеющих в доме, жилой была только одна, заменяющая Марине и зал, и спальню. Дверь второй комнаты открывалась в последний раз около года назад. И вот сейчас Марина сняла одинокий ключ с гвоздя, вбитого в косяк, и вставила его в замок. Легкий щелчок, и царство магической пыли пустило хозяйку в свои недра.

В центре комнаты располагался круг, описанный магическими рунами. Древние письмена мерцали в полумраке, стоило Марине к ним приблизиться. Наполнив чашу откровения сушеными листьями и ягодами рябины, она вошла в круг и опустилась прямо на деревянный пол, поставив чашу перед собой. Стоило только пламени спички коснуться листьев, как сладковатый дымок наполнил комнату. У подножья чаши Марина положила брошь и закрыла глаза.

Настроить дыхание прозрения не составило труда, помогли длительные и регулярные тренировки. Теперь она достигала этого состояния очень быстро. Четыре удара пульса — на вдох, четыре — на выдох, пока не почувствовала легкое головокружение. Теперь она могла «видеть» прошлое.

— Расскажи мне свою историю, — раздался в тишине комнаты голос колдуньи. — Покажи далекое и близкое прошлое...

Когда на землю опустились сумерки, Марина покидала ритуальную комнату. По щекам ее струились слезы. Сколько боли, страдания и несправедливости! Тщетные попытки обрести счастье, нарушенные вмешательством злой колдовской силы. Ей предстояла встреча со жрецом, к которой она теперь была готова. Использовать магию, дарованную друидами, нельзя без наивысшего благословения. Но даже этот запрет Марина готова была нарушить, если не удастся получить разрешения. А иначе, зачем все это? Годами она копила силу, лишь в редких случаях прибегая к магии. Не для того ли она это делала, чтобы помочь тем, кто больше всего в ней нуждался?

С наступлением ночи, Марина вышла из дома. Она уверенно углубилась в лес и шла по тропинке, пока не достигла дубовой рощи. На ней был длинный темный плащ, а за плечами довольно увесистый мешок, изрядно давивший на плечи.

Как только оказалась на небольшой поляне, которую сейчас заливал лунный свет, Марина скинула мешок и принялась доставать из него гладкие камни овальной формы. Ими она выкладывала круг вокруг самого древнего тут и могучего дуба. Это было ее дерево, помеченное ее руной, с ее камнями принадлежности внутри небольшого дупла. С каждым коснувшимся земли камнем дерево начинало оживать, Марина чувствовала это всей душой. А когда последний ритуальный камень замкнул круг, дерево задышало. Все было готово к вызыванию.

Начертив руны появления на коре дерева, Марина приложила к ней ладони и трижды назвала дерево по имени, которым нарекла его когда-то.

— Открой проход и другой мир. Яви мне жреца Тристана.

Просьбу она повторила тоже трижды, и вслед за этим поляна начала меняться на глазах. Желтоватый лунный свет из рассеянного превратился в яркий столп, в центре которого постепенно проступали очертания человеческой фигуры. С замиранием сердца, как это было всегда при встречах с Тристаном, Марина наблюдала, как фигура принимает все более четкие формы. И вот жрец шагнул вперед, а свет моментально погас, снова уступая место луне.

— Ты призвала меня раньше ритуального часа, — раздался его низкий голос. — Надеюсь, для этого была серьезная причина.

Марина во все глаза смотрела на высокого статного мужчину в белом длинном одеянии, что приближался к ее кругу, чтобы оказаться на ее территории. Сердце ухало в груди, отдаваясь гулом в ушах, а дыхание перехватили настолько сильные эмоции, справиться с которыми она была не в силах.

— Ты все еще не овладела техникой дыхания, — улыбнулся Тристан, кладя ей руки на плечи в приветственном жесте.

От его прикосновения и близости по телу побежали мурашки. «Овладела! — хотелось сказать ему. — Но не когда ты рядом». Но вместо этого Марина произнесла торжественное и традиционное:

— Приветствую тебя верховный жрец Тристан в моем мире!

Казалось, волшебство исчезло, и перед ней стоит обычный мужчина, с гладко зачесанными назад черными волосами, спадающими на плечи, и блестящими в лунном свете глазами. Но это было не так. Этот красивый мужчина был жителем другого мира, куда Марине вход закрыт до поры до времени.

— Ты так напряжена? Случилось что-то серьезное? — нахмурился Тристан, не переставая пристально разглядывать колдунью. — Покажи мне.

Он взял ее за руки, в одной из которых она крепко сжимала брошь, сложил их вместе и накрыл своими ладонями. Следуя его примеру, Марина сомкнула веки, всеми силами стараясь отрешиться от всего постороннего, не касающегося трагедии, свидетелем которой стала недавно. Время текло медленно, передавая картинку из одной головы в другую. Наконец, сеанс подошел к концу. Тристан выпустил руки Марины и открыл глаза. Усталость разлилась по ее телу, но она старалась не замечать ее, хоть и никогда раньше два раза подряд не окуналась в прозрение.

— Что ты хочешь сделать?

Лицо жреца оставалось непроницаемым, ни единая эмоция не нарушала его спокойствия. Марина даже усомнилась, а то ли он увидел, что она хотела ему показать? Не выдала ли она себя с головой, обнажив чувства? Не должна... Ведь она уже давно научилась прятать их в самых потаенных уголках души.

— Хочу отправить его к ней.

— Но зачем? — брови Тристана на краткий миг взлетели вверх. — Все случилось так, как должно было случиться. Ты не должна поддаваться жалости. В нашем учении ей нет места. Зло ли свершилось, добро ли... нет разницы. Ее душа отправилась в искупительный круг перерождения, освободилась от земных пут. Вернее, совсем скоро это случится. Такова природа бессмертия души — блуждать между мирами.

— Я не могу этого допустить! — упрямо сжала губы Марина, опуская глаза и разглядывая траву под ногами. — Я пока еще не одна из вас, и не все человеческое во мне уснуло. Эти двое созданы друг для друга, но не получили даже крупинцы счастья в этом мире. Разреши мне помочь им, иначе... Иначе мне придется ослушаться тебя.

— И как ты собираешься это сделать?

Марина готовилась к гневу жреца, хоть и ни разу не становилась свидетельницей такового. Но она знала по рассказам других наставников, что когда злился верховный жрец, силы стихии становились на его сторону, и тогда могло произойти все что угодно. Но кажется, сейчас был не тот случай, Тристан продолжал хранить спокойствие, разве что голос его лишился теплоты и зазвучал отстраненно. И хоть это и отозвалось болью в душе Марины, она решила твердо стоять на своем.

— Отправлю его на ладье времени.

— Он не сможет пересечь границу между мирами даже на ладье.

— Тогда я пойду с ним.

— Ученица стихий, посмотри на меня. — Тристан прикоснулся к ее подбородку и заставил взглянуть себе в лицо. Его глаза сейчас блестели сильнее обычного. — Ты наделена колдовской силой и идешь тропой познания, но ты тоже все еще человек. Граница не пропустит и тебя. Но даже если случится невероятное, как ты собираешься выбраться обратно? Веришь ли ты, что эти двое предназначены друг для друга, сможешь ли воспользоваться силой их любви?

— Я верю, — тихо отозвалась Марина.

Она не лукавила. Посмотрев историю чужой трагедии, она словно увидела себя со стороны. Ведь в ее жизни все было так же. Так же, как они, она была разлучена с любимым и даже не смела надеяться на взаимность. Десять лет назад, когда Тристан спас ее от верной смерти и сделал своей ученицей, ее сердце оказалось в вечном плену, а умение маскировать свои чувства развилось до совершенства. Она знала, что если поможет соединиться любящим сердцам и обрести счастье, то и сама станет чуточку счастливее.

— Ты ведь не отступишь от задуманного? И я не смогу тебе помешать, потому что превыше всего право выбора, — задумчиво произнес жрец. — Мне ничего не остается, как отправиться туда с тобой, как велит долг главного наставника.

— Ты... поведешь нас? — голос Марины сорвался от волнения. На секунду защита спала, но она сразу же опомнилась и даже усилила ее.

— Мы отправимся в путь через три луны, когда священное светило наполнится силой. Но дело нам предстоит сложное, и ты должна быть готова к трудностям. Встречаемся в полночь, на этой поляне.

С этими словами Тристан покинул ритуальный круг и снова оказался залитым ярким светом. Марина с тоской смотрела, как растворяется его фигура, принимая все более размытые очертания. Но одна мысль грела ее и заставляла трепетать губы в легкой улыбке — через три дня она снова увидит наставника, чтобы провести рядом с ним не минуты, а гораздо более продолжительное время.

Захар распахнул глаза и уставился в ненавистный потолок. «Добро пожаловать в ад», — мелькнула в голове ироничная мысль. Раньше, когда думал, что живет в таковом, он даже представить себе не мог, каково это на самом деле. А сейчас знал точно.

Его личный ад начался три месяца назад, и с каждым днем становилось только хуже. После самой восхитительной ночи в объятиях любимой женщины, когда он словно впервые познал прелесть плотской любви, окунулся с головой в нетронутую чувственность и понял, наконец, что значит любить по-настоящему, наутро проснулся рядом со спящей красавицей. Женя выглядела такой умиротворенной и безмятежной! Волосы ее разметались по подушке, лицо бледное и отрешенное от всего земного. Она лежала на спине со сложенными на груди руками, и в первый момент Захару показалось, что она мертва. И лишь пройдя через ужас осознания этого, он уловил едва заметное дыхание, срывающееся с ее губ. Но оно было таким легким, почти не вздымающим грудь, что сразу становилось понятно — девушка не просто спит.

И все же он попытался разбудить ее, растормошить, заранее не надеясь на удачу. И лишь потом вызвал скорую, когда она осталась так же холодна и далека от него.

Тогда у него состоялся первый серьезный разговор с лечащим врачом Жени. Не в тот же день, а когда сам осознал, что же произошло.

— Что с ней?

Вот уже пару дней Захар приходил в больницу в часы посещений и какое-то время проводил возле кровати Жени. Он смотрел на нее, не в силах заставить себя заговорить. В один из таких моментов и зашел врач. Вопрос был скорее риторический, потому что Захар лучше всех знал, что происходит с любимой, как и никому не мог рассказать об этом. Ему необходима была поддержка специалиста, обещание, дающее надежду на ее выздоровление.

— Судя по симптомам, она впала в летаргический сон.

— Так она просто спит?

— Нет, не просто. С медицинской точки зрения это заболевание.

— И чем оно вызвано? — решил уточнить Захар, сам себя ненавидя в этот момент. Ведь ему лучше всех были известны причины «болезни» Жени.

— Трудно сказать с уверенностью. Ученые так и не смогли установить причины, вызывающие у человека летаргический сон. Это может быть все что угодно. Волнения, стресс или общее истощение организма... Не произошло ли в ее жизни что-то, способное вызвать сильнейшие переживания?

Теперь уже врач смотрел на Захара испытующе.

— Не знаю. Мы с ней не так давно познакомились, — делано равнодушно пожал он плечами.

— Да? И поэтому вы часы проводите здесь? — недоверчиво прищурился врач. — Собственно, простите, меня это не касается.

— Как долго это может продлиться?

— Этого никто не знает. Пока ее состояние стабильно. Она впала в легкий летаргический сон. Дыхание ровное, на боль реагирует, частичное восприятие мира не утрачено...

— Восприятие? — уцепился Захар. — Вы хотите сказать, что она все слышит и чувствует?

— А вот этого, молодой человек, я вам сказать не могу, — развел руками врач. — Возможно, она вам сама потом расскажет.

Второй разговор с врачом произошел примерно месяц спустя.

— В моей практике подобное случается впервые. Но в медицине описаны такие случаи, когда летаргический сон из легкого перерастает в тяжелый.

Беседовали Захар с врачом в ординаторской. Жене стало заметно хуже. Это заметили все. Если раньше она выглядела крепко спящей, то теперь казалась мертвой. Кожа ее была холодная, а губы бледные. Вот уже несколько дней, как Захар не мог уловить ее дыхание, не видел, как вздымается грудь.

— Почему она такая бледная и не дышит? — уточнил Захар.

— Ну я же об этом и говорю, ее сон углубился. Сейчас он такой, что его легко спутать со смертью. Дыхание не заметно, пульс едва прощупывается. Она потеряла в весе. Биологические выделения прекратились, простите за откровенность.

— И что это значит?

— Только то, что теперь ее жизнь приходится поддерживать искусственным путем.

— Как... как долго она будет такая? И?..

Захар думал о самом страшном и все время гнал эти мысли.

— Станет ли ей хуже? Умрет ли она? — помог ему врач. — Не знаю, честно. Мы делаем все от нас зависящее. Знаете, еще Павлов описывал случай летаргии, когда больной проспал двадцать лет. Его сердцебиение замедлилось настолько, что прослушивалось не чаще двух-трех раз в минуту. Но этого оказалось достаточно для поддержания жизни в теле. У нашей пациентки не все так плохо. А потому будем надеяться на лучшее.

Спустя неделю после того как Женя уснула, Захар сообщил ее бабушке о случившемся. Решиться на это было очень трудно, но и тянуть дольше было нельзя. Конечно же, он не рассказал ей всего, а поведал официальную версию, выдвинутую врачами, что злую шутку с организмом Жени сыграли нервы.

Матери Захару пришлось рассказать всю правду, потому как та все равно не отстала бы, видя, что с сыном творится неладное. Она поверила сразу же и развила бурную деятельность. К каким только колдунам и знахарям они не обращались. Кажется, объездили всех в области. Но ни один не согласился им помочь. Все отрешивались, уверяя, что с таким колдовством справиться не в силах.

А через месяц, который Захар прожил как в тумане, его ждало очередное потрясение. День тридцатилетия он ждал с равнодушием и фатализмом. Понимал, что жизнь его подходит к концу, но и смерти не боялся. Лишь одно огорчало его, что больше не сможет заботиться о Жене. Кто будет платить за палату и лечение? Его денег на какое-то время хватит, и мать не оставит девушку в беде. Но очень быстро ресурсы закончатся, и что тогда станет со всеми? Если мама с сестрой о себе смогут позаботиться, то у Жени не останется никого, кроме бабушки и подруги.

День рождения отпраздновали скромно, в семейном кругу. Да и похоже это было больше на поминки при жизни. Мама все застолье принималась плакать, да и Ленка с трудом сдерживала слезы. И началось ожидание. Каждый день Захар просыпался с мыслью, что этот точно станет последним. Так прошла неделя, а ничего плохого с ним не случилось. По-прежнему он вставал утром, ехал в больницу. Через два часа отправлялся в мастерскую. Потом снова больница и мастерская до позднего вечера... пять часов сна для поддержания организма, и все начиналось по новой.

Когда пошла вторая неделя, Захар понял одну простую вещь. Осознание явилось озарением и не принесло с собой ровным счетом ни одной эмоции. Каким-то образом Жене удалось снять заклятье, тяготеющее над его семьей вот уже больше ста лет. И отныне ему придется привыкать жить с мыслью, что старуха с косой не подкарауливает его за углом, а ушла заниматься своими делами.

Жизнь Захара сосредоточилась в одном месте, превратилась в болезненное наблюдение и ожидание. Он просыпался с мыслями о Жене и засыпал с ней же. Каждый день разглядывал ее лицо: не осунулось ли оно еще сильнее, не заострились ли черты, не потеряли ли губы последние краски...

Бабушка Жени и ее подруга уже давно перестали приходить в

больницу, узнавая новости через Захара. И он их не осуждал. Чем больше проходило времени, тем сильнее она становилась похожа на труп. Даже тело ее окоченело и стало твердым. Врач уверял, что это естественно при снижении жизненных функций до минимума, но Захар уже понимал, что медицина тут бессильна, а его любимая находится в таком далеком и тесном плену, откуда нет выхода. И самое главное для него сейчас быть рядом с ней. Он даже работать стал меньше, почти все время проводил в больнице, хотя только в мастерской и мог отвлечься хоть ненадолго.

Вот и сегодня он проснулся с мыслью: «Как она там? Не перестало ли биться сердце?» Конечно же, он ее отогнал сразу же, но тоска моментально пробудилась тоже, прочно обосновываясь в душе. Да, собственно, и к ней он уже привык.

— Без завтрака никуда не пущу, — встретила мама словами, когда он зашел на кухню.

— Мам...

— Чего мам? Ты посмотри на себя, совсем же на тень стал похож. Ей станет легче, если загнешься?

Мама выглядела суровой. В последние пару дней она вообще как-то изменилась. Исчезла болезненность из лица и появилась какая-то решительность. А еще временами она бросала на сына загадочные взгляды, словно что-то хотела сказать, но боялась спугнуть удачу. Он знал, что ей выписали какое-то лекарство, поддерживающее работу сердца. Она сама рассказала, что благодаря этому препарату чувствует себя намного лучше. Но неужели таблетки могут творить такие чудеса? Ведь он уже и забыл, как выглядит мама, когда улыбается.

— Ешь и не придумывай отговорок, — силой усадила она его за стол. — Не хочешь, заставь себя. Силы тебе еще понадобятся.

Ну вот опять. Опять мелькнула эта загадочность, да такая явная, что не заметить невозможно.

— Мам, что происходит? — отложил Захар ложку.

— А что происходит? — пробормотала она, пряча глаза и отворачиваясь к плите.

— Не знаю, потому и спрашиваю.

— Ничего особенного. Ешь давай. И да... я сегодня тоже навещу Женечку.

— Зачем? Не надо тебе туда приходить.

— Знаешь что?! Эта девушка ведь и мне дорога, сам знаешь почему. Да и... я приду не одна, — торопливо закончила она и принялась переставлять кастрюли.

— А с кем? Мам, с кем ты придешь? — повторил Захар громче.

— Сынок, давай потом... Ты сам увидишь. Пусть это будет сюрпризом.

Ну вот опять — взгляд такой, словно боится сглазить. Но кого или чего? Да и какая разница? В общем-то он ей был даже благодарен за желание навестить Женю.

В больницу он пришел с открытием. Привычно окунулся в запах стерильности и медикаментов. Но по пути с ним произошло что-то странное. Как будто он внезапно прозрел. Только сегодня он заметил, что деревья уже стоят все зеленые, а сирень и черемуха усыпаны пышным цветом. И ведь совсем скоро лето. Что это? Желание жить? Но откуда?

Аппараты встретили его привычным писком, когда заходил в палату, погруженную в полумрак. Захара всегда раздражали зашторенные окна, но врач запретил впускать солнечный цвет, заявив, что тот губителен для Жени. А при таком освещении ее лицо выглядело землисто-серым, как маска.

— Привет! — приблизился он к кровати, опустился на стул и зажал в ладонях ее холодную руку. — Скоро лето. На улице пахнет цветами...

С недавних пор у него вошло в привычку разговаривать с ней. Очень долго он боролся с нежеланием этого делать, а теперь без этого не мог обходиться. Казалось очень важным рассказывать ей все новости, хоть их почти и не осталось в его жизни.

И опять все пошло не так. Стоило Захару только заговорить, как ком вырос в горле. В нем словно что-то надорвалось, и эмоции захлестнули мощным потоком. Он припал лицом к ее руке и судорожно произнес:

— Не могу! Не могу больше без тебя! Вернись!..

А потом заплакал, чего не делал с детства. Мужчины не плачут, — так всегда считал он. А сейчас не мог остановиться.

— Мне очень плохо без тебя.

Приход бабы Люды — уборщицы расставил все на свои места. Слезы высохли моментально. С удивлением Захар осознавал, что стало легче. Он взял с тумбочки томик О. Генри и принялся читать вслух. Уже давно он принес его в больницу, но сегодня открыл впервые. Прервался лишь во время традиционного обхода, а потом снова возобновил чтение, с удивлением подмечая, что улыбается, прочитывая самые смешные моменты.

Захар как раз решил передохнуть и смочить горло, как дверь в палату тихонько приоткрылось, впуская маму и какую-то девушку.

— Сынок, познакомься. Это Марина, — представила их друг другу мама. — Она нам поможет.

Перед ним стояла и ласково улыбалась высокая, удивительно

красивая женщина. Черные как вороново крыло волосы были гладко зачесаны и заплетены в тугую косу. Идеально правильные черты лица словно вылеплены умелой рукой мастера и раскрашены бежевой пастелью. Но больше всего поражали миндалевидные глаза, отливающие янтарем. Даже в полумраке палаты они мерцали призрачным загадочным светом, и казалось, что в глуби их сокрыта вся мудрость мира. На первый взгляд она казалась моложе, но приглядевшись, Захар понял, что женщина примерно одного с ним возраста.

— В каком смысле поможет? — заговорил Захар, поняв, что молчание затянулось, а его разглядывание гости рискует стать неприличным.

— Я отведу тебя к ней, — перевела Марина взгляд на Женю, а потом направилась к кровати.

Она коснулась лба спящей, прошлась руками по щекам и шее. Проскользила ладонями вдоль всего ее тела и приподняла веки, заглядывая в глаза. Все это время Захар боялся дышать, бросая косые взгляды на мать и понимая, что та тоже старается ничем не нарушить тишину. Марина же словно к чему-то прислушивалась. В районе сердца Жени ее руки замерли и какое-то время не двигались. Так же она остановилась, когда осматривала голову. Когда странный сеанс подошел к концу, Марина отвернулась от кровати и посмотрела на мать с сыном. Она не улыбалась, но и признаков беспокойства на ее лице Захар не подметил.

— Не бойся, — обратилась Марина к нему. — Она не умрет. Жизнь ее не висит на волоске. Но и проснуться сама она не сможет, слишком сильные чары держат ее там.

— Что значит, ты отведешь меня к ней?

Захар и сам не понимал, почему относится к женщине с недоверием. Казалось бы, все должно быть с точностью до наоборот, и он ноги должен целовать ей, за то что единственная согласилась помочь. Но то ли то, с каким равнодушием она говорила о самом дорогом для него существе, то ли срабатывало неверие, но избавиться от скепсиса никак не получалось.

— То и значит, — улыбнулась она, снова становясь обычной девушкой. Улыбка раскрашивала ее лицо и делала намного моложе. — Мы отправимся туда сегодня в полночь. Мама расскажет тебе, где меня искать. Дело предстоит трудное, — вновь посерьезнела она, — но с нами будет наставник, сильнее и могущественнее которого не найти. И еще... не забывай про время, в котором окажешься, оденься во что-нибудь подходящее, — с этими словами она вновь повернулась к кровати и что-то сделала с волосами Жени. — Это нужно, чтобы не заблудиться и найти ее, — показала она прядь волос, а потом

спрятала ее в кожаный мешочек, подвешенный на цепочку на манер кулона.

* * *

Время близилось к полуночи. Марина сидела на веранде, вдыхая свежесть майской ночи и кутаясь в теплую шаль. Она ждала Захара, приближение которого уже почувствовала. Он ей понравился. С вымотанной душой, очень несчастный, но поразительно мужественный и не сломленный. И в нем жила такая сила любви, которая только и могла свернуть горы на пути к счастью. Нужно его только немного подтолкнуть, что она и собирается сделать.

Совсем скоро она увидит Тристана. Счет уже пошел на минуты. Каждый раз, думая об этом, Марина чувствовала жар в груди и томление в животе. Это плохо, что именно такие чувства она испытывает к своему наставнику. Но и ничего поделать с этим она не могла. Разве что скрывать их от всех.

Захар вынырнул из темноты внезапно. Он бодро шагал к дому, и Марина засмотрелась на его спортивную фигуру, одетую сейчас в холщовые штаны и просторную рубашу на выпуск. Сама она для путешествия выбрала белую вышитую блузку и длинную юбку. Голову на всякий случай повязала платком (кто знает, какие у них там царят нравы). Оставалось надеяться, что в таких нарядах они не будут выделяться из толпы.

Тристан уже ждал их в дубовой роще. Марина удивилась, увидев его без традиционного белого плаща. Его наряд почти не отличался от Захарова. И сейчас жрец как никогда казался ей обычным мужчиной, до ужаса привлекательным. Даже пришлось приложить двойные усилия, чтобы не позволить чувствам прорваться на поверхность.

После приветствия и знакомства Тристан обратился к Захару:

— Тебе предстоит увидеть много такого, что среди людей считается необычным и называется колдовством. Но и само наше путешествие не простая поездка в соседний город. Просто прими это как данность и думай о спасении заблудившейся души.

Захар мало что понял из слов жреца, но сразу же постарался последовать его совету. Если он и удивился, когда вокруг Тристана начал разгораться яркий свет, то виду не подал.

— Дайте ваши руки, — велел жрец, беря за руки Марину с Захаром и вводя их в круг света. — Закройте глаза. Портал может вас ослепить яркой вспышкой на какое-то время.

Захар с Мариной молча подчинились. Через несколько

секунд, в течение которых, казалось, ничего и не произошло, жрец вновь заговорил:

— Можете открыть глаза.

Они стояли на берегу совершенно круглого озера, ногами утопая в белом песке. Поверхность озера была гладкая спокойная и отливала серебром в лунном свете. А возле берега покачивалась абсолютно прозрачная стеклянная ладья. Захар даже заметил ее не сразу, до такой степени она сливалась с окружающим пейзажем.

— Мы поплывем на ладье времени по водам серебряного озера, — нараспев заговорил жрец, вытягивая руки вперед. Марина сделала Захару знак молчать, прижав палец к губам. Он догадался, что Тристан не просто толкает пафосную речь, а произносит заклинание. — Дни, недели, года промелькнут перед нами как один миг. Минувшее столетие останется за спиной, а мы возродимся в прошлом, которое ждет нас. Не-кром-боре-лоон, — уже по-настоящему пропел он низким гортанным голосом, потрясая руками в воздухе.

С виду хрупкая ладья оказалась довольно прочной и выполненной из толстого стекла. Серебряная вода красиво переливалась под днищем, отсвечивая разными оттенками, когда они отплывали от берега. Никаких весел не было. Ладья двигалась сама и даже не качалась. Первым в ней стоял Тристан. За ним Марина. А замыкающим был Захар. Так они плавно и всплыли в густой туман, который откуда ни возьмись появился на середине озера.

Раскат грома заставил задрожать стекло в окне. От этого дребезжания Женя и проснулась. Рассвет еще едва занимался, наверное, только начало четвертого. Петухи, и те пока молчали, крепко спя на своих жердочках. А за окном творилось что-то страшное — впервые за всю весну природа так разбуйствовалась. Ветер гнул деревья чуть ли не до земли. Те трещали, того и гляди переломятся в толстом стволе. В воздух поднимался мелкий мусор и летел в окно. Гонимый ветром. И даже ливень не прибавал его к земле. И все стекло было залито дождем. А часть влаги просочилась сквозь щели и стекала с подоконника на деревянный пол.

Женя сняла полотенце со спинки кровати, скрутила его жгутом и приложила к щели над подоконником. Это должно было остановить течь. Сама же она жутко хотела пить.

Зачерпнув воды в сениях, она жадно припала к ковшу. Вода стекала по подбородку за шиворот сорочки, но Женя даже не замечала этого. Каждое утро она просыпалась, испытывая сильнейшую жажду. Пелагея объяснила ей это тем, что в прошлой жизни она все еще жива и пить ей хочется за двоих.

Прошлая жизнь... Она почти не помнила ее — настойка Пелагеи хорошо справлялась со своей задачей. Разве что ей снились сны, в которых она видела его и слышала хорошо знакомый, но уже забытый голос. А на утро всегда их забывала. И в последнее время снились они ей все реже. Вот и сегодня спала беспокойно, но без сновидений.

Пелагея уже тоже не спала. Или еще не спала. Она сидела за столом и не отрываясь смотрела в стеклянный шар, что призрачно светился в полумраке комнаты. Приход Жени остался незамеченным, ну или колдунья только сделала такой вид.

— Ничего не вижу! — в раздражении прикрыла Пелагея глаза рукой. — Но не к добру все это, — посмотрела на Женю.

Значит, слышала, как она вошла.

— Чего в такую рань подскочила?

— Гроза разбудила.

— Вот и меня тоже... И не должно быть такой грозы сегодня, ничто не предвещало, — посмотрела колдунья в окно.

Тут она была права — в приметах Женя уже немного научилась разбираться, и небо вчера было спокойное чистое. А ночью вот разыгралась стихия, как будто природу кто разозлил.

— Дождь перестанет, на рынок отправляйся, а по пути к кузнецу заверни. Сбор я для него смешала от боли в пояснице...

Все это Пелагея говорила ровным и спокойным голосом, но выглядела при этом очень задумчивой. Какие такие думы ее тревожат? — задавалась вопросом Женя. Но она и раньше частенько не понимала ту, что приютила ее в своем доме, и которую считала она своей второй матерью. Первую, увы, она не помнила.

— Пойду пока воды согрею к завтраку, да чай заварю, — отозвалась Женя.

Все равно, пока не рассветет, да не закончится гроза, из дома носа лучше не совать.

— Постой, милая. Подойди-ка, — посмотрела на нее Пелагея с ласковой улыбкой.

Наконец-то озабоченность стерлась с ее чела. Аж дышать стало легче. Не любила Женя, когда хозяйка была в таком настроении.

— Как спала сегодня? — обхватила Пелагея ее лицо руками и заглянула в глаза.

Уже привычно закружилась голова, а в душе словно стало что-то перекатываться. Не больно, но неприятно.

— Как обычно спала.

— Сны видела?

— Не помню.

— Вот и ладно, — удовлетворенно кивнула колдунья и выпустила ее лицо. Сразу же стало легче дышать. — Оладий хочешь?

— Не проголодалась еще.

— А я вот глаз не смогла сомкнуть сегодня, на душе беспокойно. И голод с ночи сидит во мне. Пока будешь заниматься чаем, спеку нам оладий.

Дождь перестал только ближе к обеду, и небо немного просветлело. Но глядя на него, становилось понятно, что передышка эта временная, и вскоре снова разразится гроза.

К тому моменту, когда смогла выйти из дома, Женя переделала кучу дел. Перестирала белье, убралась во всех комнатах и измельчила высушенные травы. А еще истомилась в четырех стенах, до такой степени хотелось на воздух.

Пелагея все это время провела в подвале за тайным ритуалом. В такие часы Жене запрещено было спускаться в подвал. И поднялась колдунья перед самым ее уходом. Выглядела она больной и еле держалась на ногах.

— Попроси кузнеца навестить меня сегодня вечером. И не буди меня, пока он не придет, — велела она Жене и отправилась в спальню.

В такие моменты находиться с ней в одном доме было

страшновато, и Женя поспешила на улицу.

Воздух был пропитан весенней влагой, но как же приятно было вдыхать его. Не смущала грязь под ногами и легкий ветерок. Женя закуталась в шаль и бодро вышагивала по размытой проселочной дороге. До рынка было рукой подать, и вскоре слуха ее коснулся многоголосый гомон.

Кузница находилась при входе на рынок, и кузнец ее уже ждал.

— Спасительница моя пожаловала, — ласково приветствовал ее мужчина и по-отечески приобнял.

Лет кузнецу уже было немало, но с виду он все еще был очень силен. Только вот поясница его беспокоила, и отвар колдуньи помогал облегчить мучения.

— Помните, как заваривать, в каких пропорциях? — протянула Женя кузнецу мешочек с травами и невольно улыбнулась, глядя на его морщинистое и добродушное лицо.

— А то! Жизнь они мне спасают, девица. Порой болит так, что мочи терпеть нету.

— Отдыхать вам побольше нужно, дядька Семен, — пожурела кузнеца Женя. — А вы все спину гнете.

— Так акромя меня больше некому железо гнуть, — рассмеялся он и тут же скривился и схватился за поясницу. — На весь удел один я такой, — уже не так весело закончил.

— Не бережете вы себя, — вздохнула Женя. — Ладно, пойду я. На рынок мне еще нужно... Чуть не забыла! — вовремя спохватилась. — Пелагея просила вас заглянуть к ней вечером.

— Ну раз просила, заверну, значит, к вам. Как раз мне нужно в вашу сторону наведаться. А спасительнице своей разве ж могу я отказать. И постой-ка, красавица, подарочек у меня для тебя припасен, — взял ее за руку кузнец, а второй рукой полез в свой глубокий карман. — Вот, держи, — протянул ей миниатюрную розочку. — Сам выковал для тебя специально и покрасил... Не весть что, но я старался.

— Спасибо, дядька Семен! Очень красиво, — с улыбкой рассматривала Женя розочку и дивилась тому, что даже про шипы на капризном цветке кузнец не забыл.

— Это чтобы ты не грустила. Улыбка тебе к лицу, девица.

Не только Пелагее не может отказать дядька Семен, а и никому. Добрый потому что. Оттого и работы столько, что едва справляется с ней. Как еще на красоту время находит? — достала Женя из потайного кармашка в юбке розочку и в который раз полюбовалась искусной работой. Вот и говори потом, что кузнецы — лишь ремесленники. Нет, среди них тоже встречаются настоящие художники.

Рынок встретил шумом, суетой и специфическим запахом. Отчего-то Жене нравилось приходить сюда. Казалось, что только в этом оживленном месте и течет настоящая жизнь, а за пределами рынка она превращается во что-то искусственное, медленное и тягучее. Она неторопливо брела меж рядов, разглядывая овощи, травы, всякие разные приправы... Не отказывалась, когда предлагали попробовать творог или ряженку. Частенько покупала их домой, а Пелагея потом стряпала сырники или блины. Однако сегодня следовало поторопиться — небо опять затягивало тучами, а воздух пах грозой. Рискует на обратном пути попасть под ливень.

Прикупив сушеных ягод по списку Пелагеи, Женя поторопилась с рынка. На обратном пути она еще планировала заглянуть в церковь, о чем Пелагеи знать не полагалось. А может, и знает та уже об этих тайных походах. Поди доносят колдунье злые языки. Но раз молчит, значит, ходить в церковь не запрещается, — так для себя решила Женя. Да и ничего особенного она там не делает, она и молиться-то не умеет. Дышит ладаном, да смотрит на образа святых. Слушает потрескивание свечей и чувствует, как становится немного легче. А то слишком тяжел камень, что давит на душу неотступно.

— Часто вижу тебя тут, красавица, — заговорил с ней на этот раз батюшка. Женя и раньше его встречала в церкви, но тот лишь поглядывал на молчаливую нее, заговорить не пытался. Она же была ему за это благодарна, ведь и сама не понимала, отчего ее сюда так тянет. Но смотреть на образа святых могла долго. О чем-то они ей напоминали, но Женя не знала, о чем. — Вот, возьми, — протянул ей батюшка две свечки. — Одну поставь за упокой, другую — за здравие. И помолись, дитя, он всем помогает, — перекрестился он на образ Христа.

— Спасибо, но я не умею молиться. И свечки ставить мне не за кого, — смутилась Женя.

Разве что, пожелать здравия Пелагеи, так не простит ей та, если узнает. Не в церкви ее сила, а в неугодном богу деле.

— Вот как? — удивился батюшка. — Ну что ж, свечи ты можешь зажечь и не называя имен. Ты не помнишь, но тебя помнят... А молиться можно и своими словами, даже не произнося их вслух, — по-доброму улыбнулся и пошел своей дорогой.

Зажигая свечи и бесхитростно прося здоровья всем тем, кто был когда-то ей дорог, Женя все думала, а так ли это на самом деле? Есть хоть кто-то, кто еще помнит ее? Дорога ли она кому-нибудь еще, кроме Пелагеи? Или не осталось у нее никого на целом свете ближе колдуньи и нареченной матери?

В церкви она пробыла не долго, а выходила уже под дождь. До дома еще оставалось приличное расстояние, и Женя пошла быстрее, чтобы не промокнуть окончательно.

* * *

— Не нужен ли тебе помощник, добр человек?

По совету Тристана Захар разыскал кузницу первым делом. Не так сложно это оказалось — первый же встречный сказал, что кузнец у них один, и что работает он возле базара. Туда-то Захар и отправился.

— А ты кто будешь? — поинтересовался крепкий старик, что колотил молотом по какой-то загагулине.

— Приезжий. Вот решил обосноваться у вас тут. Работу подыскиваю, — постарался проговорить Захар просто и по-деревенски.

— Работу, говоришь? А почему ко мне пришел? — подозрительно поинтересовался кузнец. — Неужто ни на что другое не годен? — окинул он Захара взглядом с головы до ног.

— Сам не знаю, на что годен, — честно ответил Захар. — Пользу хочу принести, да силу свою применить.

— А есть она, сила-то?

— А ты проверь, кузнец.

— Поди-ка сюда, — поманил его старик.

Захар приблизился к жаровне с ярко пылающим в ней огнем. В кузнице и без того было нестерпимо жарко, а сейчас Захару и вовсе показалось, что вот-вот на нем воспламенится одежда. А кузнецу хоть бы хны, разве что, раскраснелся сильно. А ведь годков-то ему уже не мало, за семьдесят на вскидку. Крепкий старик, ничего не скажешь, и бицепсы вон на оголенных руках как у молодого.

— Подыми-ка вон ту станину, — кивнул кузнец на железный остов кровати с панцирной сеткой, — да положи мне ее на наковальню.

Станина оказалась тяжелой, но и на свою физическую силу Захар никогда не жаловался. Ухватился поудобнее, поднапрягся, да закинул железяку куда велено было.

— Молодец! — довольно цокнул языком кузнец. — А я вот так уже не могу — спина подводит, — поморщился, хватаясь за поясницу. — Беру тебя в подмастерья. На подхвате будешь — тяжести за меня таскать. Согласен?

— Согласен, — кивнул Захар. Он бы и на меньшее согласился.

— Платить много не смогу, но на хлеб с салом хватит, — испытующе смотрел на него старик.

— И на это согласен, — ухмыльнулся Захар.

— Тогда по рукам! А проявишь себя хорошо, глядишь и ремеслу моему обучишься. Приходи завтра с рассветом, мóлодец. А на сегодня я уже, почитай, закончил.

Захар вышел из кузницы и с наслаждением вдохнул вечерней прохлады. Дождь уже не накрапывал, а все усиливался. Ветер дул нешуточный, бросая брызги в лицо. Но промокнуть Захар не боялся, да и до дома, где остановились они с Мариной и Тристаном, было рукой подать. Только вот, возвращаться туда пока не хотелось.

В это село они прибыли вчера на странной ладье времени. Пока еще плохо верилось во все это. И если бы не дух старины, в который окунулся, Захар еще не скоро осознал бы, что оказался в далеком прошлом, когда еще и его бабушка не родилась. Но даже воздух тут пах иначе без единой примеси выхлопных газов. А по грунтовым дорогам катили телеги, запряженные лошадьми. И люди, одетые по-простому и как-то серо, месили грязь своими калошами.

Ладья причалила в таком же в точности берегу с белым песком, от какого они и отправились, казалось, несколько минут назад. Но с тех пор прошло больше ста лет, да еще и в обратную сторону. Сначала Захару показалось, что не испытывает ровным счетом ничего. Но нахлынуло все как-то разом, стоило ступить на берег. Тело затопила слабость, и прошиб противный липкий пот. Голова закружилась, а в глазах принялось даже не двоиться, а тройиться. Такой же бледной и несчастной выглядела Марина. И лишь Тристану было все нипочем.

— Переход дался вам тяжело, — спокойно изрек Тристан. — Ничего, день отлежитесь, полегчает. Ну а пока терпите, предстоит еще пройти через портал.

Снова они взялись за руки и ступили в круг яркого света, что разгорелся возле Тристана. Захар чувствовал, как дрожит рука Марины, но сил его не хватило даже на то, чтобы пожать ее в попытке поддержать.

— Ждите меня тут, пока не вернусь. Сами ничего не предпринимайте, — велел Тристан, когда оказались они в дубовой роще, очень похожей на ту, из которой уходили.

Какой там предпринимать — Захару показалось, что уснул он сразу, как только опустился на валежник возле дуба и откинулся на шершавую кору. Марина сделала то же. А разбудил их голос Тристана.

— Мы на месте. Переместились в нужное время. И

интересующая тебя девушка тоже тут, только аура ее очень слаба.

— Что ты хочешь этим сказать? — уточнил Захар, поднимаясь с земли. Ноги оставались слабыми, а голова продолжала кружиться.

— То, что тебя она не помнит, как и свою прошлую жизнь. Окружает ее очень сильное колдовство. И потребуется какое-то время, чтобы справиться с ним. А еще наш переход не остался незамеченным, — посмотрел Тристан на небо, которое стремительно затягивали грозовые тучи.

— Незамеченным кем? — впервые с момента перехода заговорила Марина. Выглядела она очень несчастной, и Захару стало ее жалко. Хотелось уже хоть куда-то добраться и прийти в себя.

— Колдуньей. Если она и не знает о нас, то точно о чем-то догадывается, — кивнул своим мыслям Тристан. — А теперь пойдёмте, я нашел для нас дом. Он совершенно заброшенный, но зато находится в живописном месте и на расстоянии от других домов. Как раз такой нам и нужен.

Путь до дома дался Захару с великим трудом. Еле получалось переставлять ноги. Порадовало, что идти пришлось недолго и на пути они никого не встретили. Люди попрятались по домам от разбушевавшейся на земле грозы. Сами они вымокли до нитки, когда переступили порог покосившейся избы, в которой Тристан заботливо затопил печь загодя, просушивая внутренности.

— А теперь вам нужно как следует отоспаться. Все вопросы будем решать завтра, когда станет вам легче.

Тристан собственноручно устроил Марину на единственной кровати, застеленной каким-то покрывалом. Захару досталась солома в углу комнаты, но даже ей он обрадовался, как самому удобному ложу, моментально снова проваливаясь в сон.

Чтобы не промочить сушеные ягоды, Женя сунула их за пазуху и еще прибавила шагу. Гроза усиливалась. Молнии безостановочно сверкали над головой, а гремело так, что от страха замирало все в душе. И дождь становился все сильнее. В какой-то момент Женя даже не поняла, в правильном ли направлении идет — не видно было ничего, со всех сторон были потоки воды. Ей уже казалось, что вода заливает и внутрь нее. Оставалось только надеяться, что непромокаемая накидка защитит ягоды, иначе получать ей нагоняй от Пелагеи.

В такую грозу она еще ни разу не попадала. Даже учитывая, что свою прошлую жизнь она не помнила, но ощущения подобные этим отложились бы в памяти обязательно. К тому же она в серьез опасалась молнии, которая могла попасть прямиком в нее и убить. О таких случаях Женя слышала, а небо разрезало светящимися ломаными безостановочно.

Понадеявшись, что правильно выбрала направление, Женя упрямо пошла вперед. Прятаться от дождя все равно было негде. Несмотря на популярность в селе Пелагеи, жили они особняком и ближе к окраине. Идти было не далеко, но впереди ее ждал овражек, спускаться в который в такую погоду было страшновато. И миновать его никак не получалось. И даже это не заставило Женю переждать дождь. Да и сколько придется ждать? Полночи или до самого утра? Стихия разбушевалась нешуточная, и теперь уже не только Пелагее чудилось в ней что-то колдовское, но и Жене тоже.

* * *

— Атеноукс! — воздел Тристан руки к небу. — Великая ночь, принеси нам светлую половину!

Они с Мариной сидели под самодельным навесом в ритуальных позах и лицом друг к другу. Вокруг них горел магический круг. При последних словах Тристана огонь вспыхнул, закрывая их собой со всех сторон. Небо прорезала молния, и раздался оглушительный гром. Марине даже показалось, что земля под ними завибрировала.

— Осталось потерпеть немного, — подал ей руку Тристан, помогая подняться с земли. — Завтра стихия успокоится, смирившись с нашим появлением здесь. Ну а сегодня нужно просто переждать.

Он уже давно выпустил руку Марины, но она продолжала чувствовать тепло его ладони. Каждое его прикосновение волновало кровь, даже случайное касание. Когда он так долго находился рядом, сдерживать свои эмоции было очень трудно, а порой и невозможно, как вот сейчас, когда она осталась на крыльце, чтобы унять колотящееся сердце. Ведь если так и дальше пойдет, то Тристан все поймет. И чем это ей грозит, Марина понятия не имела.

Козырек над крыльцом протекал в нескольких местах, и чтобы не промочить ноги, Марина вошла в дом. Тристан занимался тем, что и себе устраивал ложе из соломы, на каком сегодня отдыхал Захар. Неловко было занимать единственную кровать, но Марина понимала, что и женщина она тут единственная. А рядом с ней сильные мужчины, которые так или иначе будут оберегать ее от всего. И сразу же сердце в очередной раз запело — ведь им с Тристаном предстоит пробыть тут ни один день. Вместе! Рядом!

— Захар нашел себе дело и выбрал правильный путь, — проговорил через какое-то время Тристан, когда закончил с ложем.

— Что ты имеешь в виду? — с любопытством посмотрела на него Марина.

Сама она была занята тем, что чистила картошку, которой их любезно снабдил один из жителей села, когда они только искали кров. Следовало позаботиться об ужине, как и о том, чем можно заняться тут в последующие дни. Непогода путала мысли, но если верить Тристану, завтра будет отличный день.

— Он нанялся в подмастерья в местную кузню. Девушка наша часто заглядывает к кузнецу, приятельствует с ним. Глядишь, там и свидятся... А еще кузнец этот оказывает услуги колдунье...

— Откуда ты все это узнал? — не сдержалась Марина.

Тристан словно видел сквозь пространство и время. Даже в ее голове, привыкшей к самой разной магии, такое не укладывалось. Вот вроде и человек перед ней, а в то же время, существо намного выше. Лишь оболочки у них похожи, а в остальном их разделяет пропасть. И так грустно стало Марине от этой мысли, что на глаза запросились слезы.

— Я просто вижу это, — с улыбкой отозвался Тристан. Впрочем, улыбка его сразу же погасла, а сам он приблизился к Марине. — Что с тобой? — положил он ей руки на плечи и развернул к себе. — Не узнаю я что-то свою ученицу, — снова дрогнули его губы в улыбке.

Но ты же все видишь и знаешь! — хотелось крикнуть Марине. Что, если она перестанет скрываться и сдерживать свои чувства?

Как тогда поведет себя Тристан? Отругает ее, скажет, что между ними никогда и ничего не может быть? Откажется и дальше быть ее наставником?.. Ни один из этих вариантов Марину не устраивал, потому и заставила себя улыбнуться тоже.

— Волнуюсь, наверное, — повела она плечами, плавно, но настойчиво сбрасывая руки Тристана. Чувствовать его прикосновения к себе было выше ее сил. Когда он стоял так близко, Марина ничего не могла поделать с реакцией своего тела на него. Вот и сейчас только и могла думать, что о том, как он красив и величественен, и какие у него чувственные губы. — Получится ли у нас?..

— Получиться должно не у нас, а у них. Будет сложно — не помнит она его почти совсем. А он одержим ею. Но у них свой путь, мы лишь проводники, — доверительно произнес Тристан.

— Да, мы лишь проводники, — как эхо отозвалась Марина и вернулась к чистке картофеля.

Но не чувствовать она не могла — и сейчас ее душа отчетливо отозвалась тем, что и ее жизнь тоже изменится в этом путешествии. Но как — того душа не сказала.

* * *

Захар и сам не понял, что заставило его покинуть укрытие и устремиться прямо под ливень. Какая-то сила гнала его вперед, а в душе разрасталось беспокойство, мешая дышать. Толком не видя, куда направляется, он практически бежал. Чувствовал только порывы ветра, и как вода щедро заливает за шиворот рубахи.

Одинокую женскую фигурку, сопротивляющуюся ветру, он заметил издалека. Она явно шла вслепую, а впереди нее был овраг. Откуда об этом узнал, Захар и сам не мог сказать. Но сомнений не было, что если не нагонит ее вовремя, то она может серьезно пострадать. И в голове его пульсировала мысль: «Женя! Женечка! Сейчас он ее увидит! Живую, дышащую и такую родную!»

Еще быстрее Захар рванул вперед, наплевав на непогоду. Ноги увязали в грязи, но и на это он не обращал внимания.

— Женя! — крикнул он, когда понял, что не успевает, что идет она слишком быстро. Ветер выл громче, и она его не услышала. — Женя-а-а! — проорал он тогда во все горло.

Девушка замедлила шаг, а потом и остановилась. Она оглянулась и какое-то время вглядывалась в дождевые струи. А те стояли между ними подвижной стеной, Захар и сам не понимал,

как получается видеть ее настолько отчетливо.

Она не двигалась. Он же, напротив, побежал еще быстрее, насколько это было возможно. А когда настиг ее, то, видно, слишком резко появился из-за стены дождя. Девушка отпрянула от него, сделав шаг назад, и тут же начала скользит по склону оврага. Оказывается, остановилась она на самом его краю.

Не думая о последствиях, Захар ухватил ее за руку, и они вместе заскользили вниз. Благо овраг оказался совсем не глубоким, и они даже смогли удержаться на ногах. Разве что, на самом дне Захар обхватил Женю за талию, когда она потеряла равновесие.

Мокрая.

Дрожащая от холода и испуга.

Растерянная.

Но такая родная и желанная!

Захар не выдержал и прижал девушку к груди. В этот момент он забыл и про дождь, и про то, где находится. Радость, что видит ее живой и рядом, рождала в нем настолько сильные эмоции, с которыми справиться не получалось просто никак.

— Давай выбираться отсюда, пока нас не затопило с головой, — опомнился он, когда Женя принялась вырываться. Действовала она решительно, отталкивая его ладошками. Но Захар предпочел сделать вид, что ничего особенного не произошло. Ну, подумаешь, приобнял девушку. Не совладал с эмоциями — с кем не бывает. Как это выглядело для нее, догадывался, но предпочитал не ломать над этим голову.

С великим трудом у них получилось выбраться на поверхность. Пару раз они скатывались обратно в овраг. Сначала Женя ни в какую не хотела давать ему руку, но когда поняла, что без помощи не справиться, крепко сжала его ладонь. И в этом он узнал ее прежнюю — прямолинейную и смелую. Узнавание вызвало улыбку, и впервые за долгое время Захар себя почувствовал если не счастливым, то вполне себе довольным.

* * *

Мужчину, что направлялся к ней, она точно не знает. Но он позвал ее по имени. Впрочем, возможно это кто-то из односельчан, просто за дождем его плохо видно.

Он выскочил так внезапно, что напугал ее, а потом она и вовсе обмерла, когда не почувствовала землю под ногами. Ну и падение в овражек стало закономерным. Только вот, скатилась туда она не одна, а вместе с незнакомцем, который еще и

позволил себе лишнего. Теперь она опасалась его еще сильнее, но все же вынуждена была прибегнуть к его помощи, чтобы выбраться из оврага. Да и потом он ей не дал возможности хоть что-то сказать — схватил за руку и потащил за собой. И лишь в укрытии какого-то полуразвалившегося сарая, где дождь не лил стеной, Женя смогла рассмотреть незнакомца получше, да и то когда он разжег костер прямо на земляном полу, стащив в кучу все имеющиеся в сарае доски.

— Замерзла? Иди ближе к огню, погрейся, — протянул он руки к разгорающемуся все сильнее огню и искоса посмотрел на нее.

Нет, он точно не из их села. Раньше она его не видела. Довольно высок, крепко и ладно сложен. Плечи, вон, широченные. А руки хоть и крупные, но очень красивые. Как и лицо — привлекательное именно своими крупными чертами. Только, глаза какие-то грустные, даже измученные. И волосы такие короткие — в их селе мужчины так коротко не стригутся, ходят лохматые и патлатые в большинстве своем.

— Заболеть хочешь? Иди к огню, я не кусаюсь, — усмехнулся он.

— А я и не боюсь! — с вызовом ответила Женя, приближаясь к незнакомцу.

Сразу же блаженное тепло принялось лизать ее своими огненными языками, даря истому и расслабление.

— Что делаете?! — невольно взвизгнула Женя, когда незнакомец схватился за узел на ее накидке.

— Снимаю с тебя эту мокрую тряпку, — спокойно пояснил он, не убирая рук. — Так ты быстрее просохнешь. И волосы... распусти, — хмуро кивнул он на ее косу, задерживая на той взгляд ненадолго.

— Я сама, — откинула Женя от себя мужские руки и быстро распутала узел. — Ох, ты ж!.. — воскликнула, когда из-под шали вывалились пакетики с ягодой. Да прямо в огонь. Впрочем, кажется, они были безвозвратно испорчены.

— Что там было? — кивнул мужчина на тлеющие кульки.

— Ягоды, — вздохнула Женя. — Пелагея будет не довольна мной.

— Кто такая Пелагея?

— Моя названная мать. А вам-то какое до того дело?! — тут же возмутилась.

— Мне-то? — задумчиво посмотрел он на нее, и взгляд его показался Жене слишком глубоким, проникающим прямо в душу. Аж не по себе стало. Впрочем, так она себя чувствовала с момента первой встречи с ним. — Никакого, — пожал он плечами и снова

отвернулся к огню. — А ягоды твои и так испорчены, — тихо добавил.

Жене же он казался все более странным, особенно то, как вел себя с ней. То внимательный сверх меры, до неприличия, то отстраненный и пугающе холодный. И откуда он тут взялся?

— А... мы с вами раньше встречались?

Не успела она задать вопрос до конца, как он резко повернулся и к ней и буквально впился в нее взглядом. Сейчас в его глазах плескались надежда, неверие, ожидание чего-то и тоска, как ни странно. Женя аж испугалась подобной реакции.

— А ты как думаешь? — спросил он.

— Не думаю... Я вас раньше тут не видела.

— А не тут? Или ты всю жизнь тут провела?

— Всю жизнь, — невольно потупила она взор, выдавая эту ложь.

Но не за чем первому встречному узнавать ее историю. Да и стыдно это — ничего не помнить о своей прежней жизни. Ведь она даже не знала, откуда она, когда появилась у Пелагеи. Знала только, что не ее родная дочь, и что потеряла память не так давно. Как жила раньше, про то Пелагея ей ничего не рассказывала. Говорила только, что хорошего в ее прежней жизни было мало, и что в забывчивости ее спасение. Давала отвар, чтобы не тревожилась по пустякам. И все равно Жене было стыдно. Отчего-то перед этим мужчиной особенно.

— Значит, не знакомы, — снова отвернулся он.

— Откуда же вы знаете мое имя?

А позвал он ее дважды, и ей это точно не привиделось и не послышалось. Да и дождь рождает страхи, а не галлюцинации.

— А... так это... кузнец мне рассказал про тебя.

— Дядька Семен? — сверх всякой меры удивилась Женя. — А зачем это ему?

— Да кто ж его знает, — снова пожал плечами незнакомец. — Сосватать, может, тебя за меня хотел, — бросил на нее игривый взгляд.

Вот уж!.. Нашел место и время! Да и не станет кузнец ее сватать ни за кого, а тем более за чужака такого вот. Отчего же щеки так жарко запылали? Не иначе, как костер тому виной.

— Домой мне пора, — взглянула она в сторону дверного проема. Самой двери в этой сараюге не было.

— Пойдешь, когда дождь поутихнет. Сейчас еще рано...

Раскомандовался тут! Кто таков и какое имеет право? Да и она уже согрелась, как и опасное место миновала. До дома ее не рукой подать, но и не сильно далеко.

— Не сахарная, не растаю, — шагнула Женя к двери, забыв

про накидку, что так и валялась на земле возле огня.

— Да, постой ты! — быстрее молнии метнулся к ней мужчина. — Нужно переждать дождь, — навис он над ней, прижимая к стене сарая и не выпуская руки.

Вот тут Жене стало по-настоящему страшно. Она наедине с совершенно посторонним мужчиной. Рядом нет никого, кто пришел бы на помощь в случае чего. И одновременно со страхом внутри нее зародилось что-то давно и надежно забытое, словно такое уже с ней случалось, только где, когда и с кем, она не помнила.

— Сейчас же отойди, не то глаза выцарапаю, — процедила Женя сквозь зубы, глядя на незнакомца снизу-вверх.

— А ты попробуй!

И снова он был слишком быстр для нее — схватил ее обе руки и прижал своей одной к стене над головой.

— Что ты собираешься делать? — растеряла Женя моментально всю храбрость. Даже почувствовала, как задрожал подбородок. Еще не хватало разрыдаться прямо сейчас.

— Ничего, кроме того, что собираюсь тебе помешать совершить глупость, — склонился он к ее лицу слишком близко.

И снова ей почудилось в этом что-то смутно знакомое. Даже страх отошел на задний план, а к незнакомцу она пригляделась внимательнее. Нет. Раньше она его точно не встречала. Такого нахала она бы запомнила.

— Пусти! — дернулась Женя.

— Обещаешь переждать дождь?

— Да пусти же!..

— Пообещай и отпущу, — усмехнулся он.

Он стоял слишком близко. От его тела валил жар, от которого у Жени плавились кости и подкашивались ноги.

— Не уйду я, не уйду! — выкрикнула она. — Только пусти уже!

И он отпустил, но на всякий случай перегородил собой выход и дождался, когда она вернется к костру.

— Меня зовут Захаром, кстати. Будем знакомы.

— Где ты была? — вышла навстречу Жене Пелагея.

Губы ее были плотно сжаты, и Женя точно знала, что это плохой признак. Сама она тоже не была рада столь позднему возвращению, как и вынужденной задержке. Но Захар ни в какую не отпускал ее, пока дождь немного не поутих, а сама она не просохла немного у костра.

— Пережидала дождь.

— Где пережидала? — нахмурилась Пелагея.

— За оврагом есть полуразвалившийся сарай. Там и спряталась...

— Одна? — во взгляде Пелагеи появилась настороженность.

Женя и не думала по началу скрывать своего нового знакомого. Как и не ждала допроса с пристрастием. Но именно сейчас, когда собралась было рассказать всю правду, какое-то шестое чувство заставило ее этого не делать.

— Одна, — кивнула она, снимая грязную накидку и ботинки. — Да я и заметила сарай чудом, лило так, что не было видно ничего.

— И из оврага выбралась сама? — скептически разглядывала грязную одежду Жени Пелагея. — Иди в баню! Потом поговорим, — сурово велела.

Баня была жарко растоплена — Женя поняла, что ждет ее Пелагея уже давно, что баню приготовила специально для нее. Вот и жар поддерживала. Волновалась, наверное... Но только ли за нее волновалась? Или были на то еще какие-то причины? С самого утра колдунья вела себя странно. К чему-то прислушивалась, во что-то вглядывалась, видное только ей. Чувствовалась в ней какая-то нервозность. И не непогода была тому виной. В самой стихии Женя не видела ничего особенного, разве что, разыгралась та сильнее обычного. Интуитивно догадывалась, что волнуют Пелагею скорее причины стихии, чем сама она. И каким-то образом все это было связано с Женей — в этом она тоже не сомневалась.

Баня сделала не только тело чистым и распаренным, но и мысли превратила в вялые и равнодушные.

Женя сидела на лавке и вспоминала Захара. Вот вроде и провели они с ним в том сарае не мало времени, но даже толком не говорили. Он молчал и лишь бросал на нее загадочные взгляды, а она просто дулась на него за то, что повел себя грубо, не разрешил ей поступить по-своему, применил силу, можно сказать.

Тогда она этого не поняла, а сейчас казалось, что вели они себя как давние знакомые, а не те люди, что встретились впервые, да еще и при странных обстоятельствах. Вспомнился взгляд Захара — надежда, что вспыхнула в нем, когда поинтересовалась Женя, не встречались ли они раньше. Отчего? На что он тогда надеялся? И чем дальше она размышляла, тем сильнее склонялась к мысли, что явился Захар из ее забытого прошлого.

А еще ее настораживало все сильнее поведение Пелагеи. Душа у той явно была не на месте — беспокойно металась в поисках ответов. Но на какие вопросы? Что так сильно волнует приемную мать?

Женя уже давно не подбрасывала дров в печь и не плескала на раскаленные камни воды. Баня потихоньку остывала, да и засиделась она что-то. Окатив себя с головой прохладной водой, она вышла в предбанник, вытерлась насухо и оделась во все чистое, выглаженное и жестковатое. За тем, как она одевается и насколько опрятно выглядит, Пелагея следила очень пристально. Вещи ей заказывала у портнихи сама, на рынке брать запрещала. Больше одного раза не велела надевать. И контролировала, чтобы в доме всегда имелся запас мыла и муки. Она не переставала говорить, что тело должно быть чище души, в противном случае душа пачкается сильнее обычного. И отстирать ее невозможно.

Повязав на влажные волосы платок, Женя уже собиралась покинуть баню, как дверь распахнулась, и на пороге появилась Пелагея. К тому моменту Женя уже и свечу задула, лишь по очертаниям силуэта и стати узнала мать, иначе испугалась бы нешуточно.

— Что-то ты долго. Решила проверить, не случилось ли чего, — ровным голосом проговорила Пелагея, ступая внутрь предбанника и плотно претворяя дверь.

Снова их окутала крошечная темнота, и постепенно в ней разгорались два ярких пятна в том месте, где находились глаза Пелагеи.

— Матушка?.. — невольно попятилась Женя, понимая, что должно последовать за этим.

— Не бойся. Ничего нового и большого ты не испытаешь, — раздался голос Пелагеи совсем рядом и прозвучал еще более отстраненно. — Но я должна увидеть сама...

Руки колдуньи обхватили лицо Жени. Показались они ей ледяными и очень жесткими. Как ни старалась отводить взгляда, но постепенно тот все глубже погружался в слепящие точки. А воля Пелагеи проникала в самую душу, выворачивая ту наизнанку. Голова кружилась все сильнее. Женя вцепилась в край столешницы, к которой и оказалась прижатой, чтобы не упасть. А

«чтение души» все не заканчивалось. Казалось, что Пелагея вновь и вновь возвращается к чему-то в воспоминаниях Жени, словно в попытке запомнить их как следует, либо чтобы разглядеть что-то одной ей и видное.

Терпеть уже не осталось сил. Женя издалека слышала собственные же подвывания. Голова раскалывалась уже нешуточно, и появилась тошнота. Когда она уже всерьез опасалась не сдержаться, Пелагея, наконец-то, оставила ее в покое. Глаза ее сразу же потухли, но сама она не отошла от Жени.

— Почему ты меня обманула? — тихо спросила она. — Почему не рассказала, что в сарае была не одна?

Можно было раньше догадаться, что ничего скрыть от Пелагеи не получится. И как Женя об этом не подумала? Впрочем, она и подумать-то не успела — все произошло слишком быстро и само собой.

— Я не знаю...

— Кто он?

— Приезжий.

— Откуда же?

— Не знаю. Он не сказал. Но, кажется, прибыл в наше село издалека.

— Один?

— Этого я тоже не знаю.

Теперь уже Женя могла отвечать честно. Но вот беда, ни на один вопрос она и не могла ответить, потому что сама ничего не знала.

— Зачем он сюда приехал?

— Не знаю, матушка! — взмолилась Женя. — Наверное, работать. Кажется, он устроился к кузнецу в подмастерья.

— К Семену? А это уже интересно... — задумчиво пробормотала Пелагея и выпустила лицо Жени.

Когда она отошла немного, дышать стало гораздо легче.

— Иди в дом, — строго велела Пелагея.

— А вы?..

— Приду следом. Да и дождь все никак не уймется, — с досадой добавила.

Женя поняла из ее слов, что если бы не дождь, то ночь ее не остановила бы. Интересно, куда она так стремилась попасть, да еще и ночью? И почему, все-таки, так волнуется?

* * *

— Она меня совершенно не помнит, — вздохнул Захар и

зачерпнул ложкой густой похлебки.

Все они сидели за небольшим столом и ужинали. Когда Захар вернулся, в доме уже царил идеальный порядок. Тристан с Мариной выскоблили его до блеска. У каждого теперь имелось по королевскому ложу. И ничего, что у Захара с Тристаном оно было из соломы, зато застеленное чистым постельным бельем, да с пуховыми подушками и одеялами поверх. Где уж эти двое раздобыли подобное богатство, Захар не стал интересоваться, но спать сегодня ночью будет гораздо удобнее, должно быть.

Загадкой для Захара осталось и то, откуда в доме появились продукты, но ужин Марина приготовила знатный и сытный. В похлебке плавали солидные куски мяса, а хлеб источал аромат свежее испеченного. Аппетита, вот жалко, не было особого, а тоска продолжала жить в душе. Он и не рассчитывал, что все у них получится легко и сразу, но после сегодняшней встречи с Женей, когда сердце его рвануло к ней, а на пути его выросла глухая стена, к тоске примешалось еще и отчаяние. Однако сдаваться он не собирался.

— Этого следовало ожидать, — промолвил Тристан. — Очень мощное колдовство довлеет над нею. Вся она в его власти и под пристальным наблюдением колдуньи. Нужно какое-то время, просто дай нам его. А пока познакомься с ней поближе, приучи ее к себе, заставь не бояться, — тепло улыбнулся Тристан.

Нравился он Захару. С первого взгляда пришелся по душе. Молодой с виду, хранил он в себе вековую мудрость. Эта мудрость светила в его глазах и проскальзывала в речах. Тристан не бросал слов на ветер — все его рассуждения были взвешенными, а фразы — меткими и точными, бьющими в самую цель. И казалось, что есть у него ответы на все вопросы. Вот и Марина смотрела на своего наставника с таким уважением, близким к обожанию. Но что-то Захару подсказывало, что примешивалось к этому личное. Его истерзанное любовными муками сердце чувствовало и ее сердечную боль. Если их с Женей разделяло столетие, то между Тристаном и Мариной пролегли тысячелетия, да еще и магия, которая все еще продолжала оставаться за пределами его понимания, хоть он и сам лично с ней столкнулся.

— Задание тебе на завтра, друг мой, — продолжал Тристан. — Поговори с кузнецом, вызнай у него побольше о девушке своей, о ее появлении в селе, о колдунье... Особенно о последней. Как к ней относится народ? Какую магию она творит? Чем гнушается, а чем нет?.. И еще хочу попросить тебя сделать так, чтобы Женя захотела наведаться к нам в гости. Мне нужно самому увидеть ее ауру — это даст мне ключ к созданию

противоядия.

А вот это сделать будет сложно, как полагал Захар. Если подкараулить ее, чтобы встретиться, он еще и сможет, то как уговорить прийти к ним. По договоренности еще до перемещения сюда на ладье времени, Марина с Тристаном считались мужем и женой. Захар же был племянником Тристана. В это село они пришли издалека, чтобы осесть тут, найти работу и зажить лучше. Правда, особых знакомств Тристан не велел заводить, чтобы меньше было толку, когда они вернутся в свое время. Последнего Захар не очень понимал, на что Тристан сказал ему:

— Человеческая память бессмертна. Она живет вне пространства и времени. Всё в этом или каком другом мире имеет свой вес и ценность. Ну а то, чего не понимаешь, друг мой, прими как данность.

Что Захар и сделал, не задавая больше вопросов.

— Что если колдунья завтра не выпустит Женю из дома? — высказал Захар опасения.

— Думаю, что именно так ей и хочется поступить, — впервые за весь ужин заговорила Марина.

Захар невольно обратил внимание, как идет ей одежда этого времени. Простая белая блуза с воротником-стойкой и пышными длинными рукавами оттеняла ее смуглую кожу. Та сейчас, при свете нескольких свечей, просвечивала таинственностью. Волосы, заплетенные в толстую тугую косу, отливали смолой. А глаза блестели так, словно на самую их глубину запрятали по маленькому бриллианту. Марина, пожалуй, была одной из самых красивых женщин, каких Захару доводилось встречать на своем жизненном пути. Но ее красота, кроме эстетического восторга, ничего в нем больше не вызывала. Сердце его уже давно принадлежало другой — быть может не такой красивой для всех, но самой лучшей для него. Как ему сегодня хотелось сжать ее в объятьях, покрыть ее лицо поцелуями! Каких усилий стоило сдерживать этот порыв, как и свои эмоции. Наверное, у новой Жени осталось о нем не очень хорошее впечатление, ведь порой он вел себя как придурок. Но и по-другому не получилось. Оставалось надеяться, что вторая встреча пройдет лучше.

— Но она не может не понимать, что ей же на руку, если Женя снова встретится с тобой, — продолжала рассуждать Марина. — Через нее она узнала о нас и будет с жадностью ждать новостей. Девочке придется не сладко, — печально добавила она, — но мы же поможем восстановить ей силы? — с надеждой посмотрела на Тристана.

— Обязательно! — кивнул он и улыбнулся так, как улыбался только этой женщине.

Еще и поэтому Захар сделал вывод, что и сердце великого жреца друидов и наставника Марины тоже не зачерствело и находится во власти волнительных эмоций. И вызывает эти эмоции в нем именно Марина.

— Завтра будет отличная погода. Стихия уже смирилась с нашим вторжением, как и получила от нас жертву. Отправляйся с утра в кузницу. Работай так, чтобы кузнец на тебя не мог нахвалиться. А вечером жди встречи с любимой и веди свою девушку к нам в гости. Как и та, что называет себя нареченной матерью ее, мы многое узнаем от Жени. Ну и отправим с ней послание колдунье, — закончил он.

* * *

Пока Марина убирала со стола и перемывала посуду, Тристан рубил дрова на дворе. Периодически Марина застывала возле окна и любовалась им тайком. Еще и от этого на уборку потратила больше времени, чем планировала. Ну а потом вышла из дому, заметив, что все дрова Тристан уже сложил аккуратно в поленицу под лестницей. Захар к тому времени уже крепко спал.

— Посливать тебе? — кивнула Марина на бочку, куда Тристан сегодня натащил воды до верху.

— Буду благодарен, — снял он полотенце с сучка и подал Марине.

Дрова колот он голый по пояс, и Марина старалась не глазеть на его торс и в особенности на тот самый мужской треугольник мышц, что уходил под завязки штанов. Но как же он красиво выглядел! Высокий, худощавый и жилистый, с широкими плечами и узкими бедрами, с гордой осанкой... Кожа его блестела от пота и хотелось прикоснуться к ней влажной и распаренной, провести по ней ладонью, ощутить ее тепло. Прижаться к ней губами, чтобы почувствовать солоноватый вкус пота. Вдохнуть его запах, пропитаться им...

— Вода холодная, — предупредила Марина, зачерпывая из бочки полную кружку.

— Выдержу, — весело взглянул на нее Тристан.

Он уже склонился, готовый к омовениям. Ну Марина и плеснула щедрую порцию прямо ему на спину. Видела, как задохнулся он в первый момент, но тут же начал активно растираться ладонями, в то время как она поливала его уже струйкой поменьше. Вылив на него несколько кружек, Марина не сдержалась и сама отерла спину Тристана и лишь потом передала ему полотенце. Но в дом не пошла. Просто не смогла — ноги

приросли к земле, а глаз она не могла отвести от вытирающегося и довольного Тристана. И лишь когда он натянул на себя рубаху, Марина немного отошла от него. На улице уже царила ночь. И хоть небо прояснилось, а луна подарила земле немного ночного света, Марина надеялась, что того будет не достаточно, чтобы Тристан заметил, как полыхает ее лицо.

— Как насчет медитации? Не хочешь составить мне компанию? — забрал Тристан у Марины полотенце и повесил на сук.

С тобой, да хоть на край света! — закричало ее сердце.

— С удовольствием, — скромно отозвалась Марина.

— Здесь неподалеку есть дубовая роща. Я уже и дерево нам выбрал, и имя ему дал. Если ты, конечно, не сильно устала и не собираешься спать...

— Не устала и не собираюсь, — стряхнула с себя Марина сентиментальный налет и ответила уже довольно бодро. — И я с радостью прогуляюсь с тобой до рощи, как и помедитирую на сон грядущий.

— Тогда, пойдем, моя самая любимая ученица, — взял ее Тристан за руку и повел в лес.

При слове «любимая» сердце Марины забилося в волнении, но следующее слово сразу немного усмирило ритм. Любимая ученица — это уже много значит. Но она хочет стать для него любимой женщиной.

Неистовый птичий щебет разбудил Женю, когда рассвет еще только занялся. Стоило только распахнуть глаза, как сразу же внутри разлилось радостное тепло. Робкие ли солнечные лучики, что пробивались сквозь занавеску, будоражили душу или предчувствия чего-то необычного, что нес грядущий день, как бы там ни было, но встала она в отличном настроении. А омовение прохладной колодезной водой придало еще и бодрости.

Пелагеи нигде не было. Поначалу Женя решила, что спит еще та, но когда обнаружила ее кровать аккуратно заправленной, поняла, что ушла она из дома с утра пораньше. Интересно, куда? Но долго ломать голову над этим вопросом не стала — занялась завтраком, не забыв предварительно распахнуть окно в кухне, впуская утреннюю прохладу и запах приближающегося лета. Больше всех времен года она любила позднюю весну. В это время мечты особенно обострялись и пробуждались даже самые тайные надежды. Женя не знала, о чем она мечтает. Наверное, такого было не мало в ее жизни, но и это она забыла. А вот отголоски радости и предвкушения остались. Но и им она была рада.

Каша уже томила в печи, и Женя допекала последние оладьи, когда с улицы до нее донеслись голоса. Не сразу в одном и напряженном она признала голос Пелагеи. А дядьку Семена и вовсе опознала по характерному кряканью (привычка нюхать табак заставляла его это делать), до того он отделялся «угу», да «ладно» и тоже отвечал как-то слишком сдержанно. Да и не прислушивалась она, пока одна фраза не привлекла внимания, невольно настораживая.

— Ты же понимаешь, что об этом никому?..

Говорила Пелагея. Женя как раз сняла последний оладушек и приблизилась к окну. Во дворе никого не заметила. И тут она поняла, что разговор до нее доносится через маленькое окошко в подвальной части дома. Подслушивать было стыдно, но и какая-то сила не позволила отойти от окна.

— Чего ж тут непонятного, — хмыкнул Семен. — О таком не принято рассказывать. Хоть и самому странно...

— А ты лишних вопросов не задавай! — цыкнула на него Пелагея. — И забудь, чем занимался тут сегодня ночью! Понял?

— Да, понял, понял... Не дурак, чай.

— Смотри у меня!

— Не пугай, пуганый, — в голосе Семена послышалась насмешка. — Как и не дурак. Чую, не для зверя тебе это понадобилось...

— Ступай домой, Семен, да выпишь как следует...

Дальше Женя не стала подслушивать — испугалась, что Пелагея почувствует. Вместо этого принялась нарочито греметь кастрюлями. Да и разговор почти сразу прекратился. А еще через какое-то время Пелагея вошла в кухню.

— Хозяюшка! — улыбнулась она, рассматривая перепачканную в муке Женю. — Ни свет ни заря, а тут уже целый пир...

— Садитесь к столу, матушка. У меня и чай поспел.

— А я как раз проголодалась ужасно, — потерла руки колдунья. — Доставай абрикосовое варенье, раз так! — весело велела она.

Женя обратила внимание на то, что выглядит она уставшей. А еще очень довольной. Мелькнула мысль, что Пелагея снова провела бессонную ночь. И сразу же зародился вопрос — чем таким она занималась? Вот и подслушанный разговор подтверждал подозрения. А компанию ей, значит, составлял дядька Семен. И делали они что-то в подвале.

За завтраком Пелагея отдала должное не только абрикосовому джему, который сама называла праздничным, но и наливочке собственного приготовления. И после третьей стопки настроение ее приблизилось к радужному и очень сонному.

— Как же хорошо! — сыто откинулась она на спинку стула. — Даже слишком... Теперь можно и вздремнуть с чистой совестью, — широко зевнула. — Чем планируешь заняться сегодня, милая?

Милой она ее называла тоже редко, но почему-то сегодня это не радовало. Женя и сообразила не сразу что от нее ждут ответа. Крепко задумалась. А потом еще вспоминала вопрос.

— Да, ничем особенным. Воды натаскаю, в доме приберусь. Дров наколю...

Все то, чем занималась она каждый день. За работой день проходил быстро, один сменял другой, наполняя ее жизнь хоть каким-то смыслом.

— Ты ж моя трудяжка! И что бы я без тебя делала? Все сама... как раньше, — вздохнула Пелагея. — На базар не забудь сбегать, — тут же спохватилась. — За ягодой, которую вчера скормила непогоде, — добродушно усмехнулась. — Ну все, я на боковую. А то ни головы, ни ног уже не чувствую...

Пелагея ушла с кухни, а Женя какое-то время задумчиво смотрела в окно. Что же такое они делали в подвале? Вопрос этот не покидал голову, разжигая любопытство все сильнее.

Наведя порядок в кухне, Женя прокралась к комнате Пелагеи и тихонько приоткрыла дверь. Убедилась, что хозяйка крепко

спит, и только потом решила удовлетворить неунимающееся любопытство. Мысль и чем-то тайном, что прячется в подвале, не давала ей покоя. Вот туда-то она и отправилась.

Подвал в доме Пелагеи был огромный — размером с сам дом. Разве что, потолки там были гораздо ниже. И освещался он скудным светом, падающим через единственное маленькое окно под самым потолком. Чего только не хранилось в этом подвале, начиная от заготовок на зиму, круп и муки, и заканчивая старой одеждой, которую Пелагея никогда не выбрасывала, а сносила в подвал.

— Никто не знает, когда ты вспомнишь о вещах, которые уже не носят, когда они тебе потребуются. Да и давать свою другим не привыкла — в старых вещах хранятся частицы души, — говаривала Пелагея.

Вот и Жене она не выделила ничего из своего, а полностью заказала гардероб у портнихи.

Комнат в подвале было три. Первая и самая большая, где хранились все припасы. Дальше шла поменьше, куда сносились вещи. А вот тупиковая оказалась запертой, и Женя догадалась, что именно там Пелагея что-то прячет, что-то, над чем они работали всю ночь напролет вместе с кузнецом. Она даже в замочную скважину заглянула, но ничего не увидела. Насколько помнила, комнатка эта была совсем маленькой и обычно пустовала. Окон там тоже не было, так откуда взяться свету-то? Так и пришлось покидать подвал несолоно хлебавши и с еще сильнее разгоревшимся любопытством. Но потом за работой по дому Женя отвлеклась. И на базар собиралась тщательнее обычного.

Ей и самой было любопытно, чего это она крутится перед зеркалом, рассматривая свои блузу и сарафан? Почему это мысли вертятся в голове на подобие, красиво ли она выглядит, ладно ли сидят на ней вещи?.. Для кого вообще она собирается выглядеть красиво? Уж не для Захара ли? А с какой стати, если так? Ведь видеться с ним сегодня она не планирует, а вторая случайная встреча вряд ли возможна.

Выходила из дома Женя в несколько растрепанных чувствах. После непродолжительных размышлений во время одевания и причесывания пришла к выводу, что вчерашний знакомый запал ей каким-то образом в душу. Мало того, что не перестает думать о нем, так еще и надеется на встречу. Случайную встречу, конечно же.

Приходу Захара кузнец не обрадовался. Да и несмотря на раннее утро выглядел он, мягко говоря, слегка помятым. Сначала Захар решил, что перебрал Семен накануне, но очень скоро понял, что тот элементарно хочет спать, потому и зевал безостановочно.

— Все, глаза уже не могу держать открытыми, — бросил кузнец молот на наковальню и с трудом разогнул спину. — Пошел я почивать. Всех отправляй, говори, что выходной у меня сегодня. Сам ничего, смотри, не делай, не обучен еще. Покалечиться можешь, али обвариться... Приберись в кузне, да отправляйся домой.

Захар окинул взглядом просторное помещение и понял, что работы у него выше крыши. Кузница была изрядно захламлена. И за один день все расчистить не получится. И пусть такую работу даже с натяжкой не отнесешь к творческой, к какой он привык, но и она все же лучше, чем слоняться без дела и думать слишком много. От этих дум он уже готов был с ума сойти, вот и ночью плохо спал. И на первом месте стояло желание увидеть Женю, как и размышления, как это лучше повернуть. Если ничего лучше не придумает, то так и придется отправиться к ней домой вечером. Где она живет, он выяснить успел у того же кузнеца. Что скажет, когда заявится, пока не придумал, но придется импровизировать. Но планы его так и остались планами, чему Захар был несказанно рад.

Когда он выгреб весь уголь из печи и отчистил ее чуть ли не до девственного состояния, да сложил в углу все валяющиеся по кузнице железяки, день начал активно клониться к вечеру, а яркое блестящее солнце уже наполовину спряталось за горизонт, окрашивая тот желто-красными разводами. Только Захар подумал, что на сегодня, пожалуй, хватит с него работы, как дверь в кузницу тихонько скрипнула, приоткрываясь. За секунду до того, как в щель просунулась девичья голова в голубом платке, Захар нутром почувствовал Женю. И непроизвольно сделал шаг ей навстречу.

— Ой! Вечер добрый! — заметно смутилась она и замерла у порога. — А я вот... к дядьке Семену...

Поздно Захар спохватился, каким заморышем, должно быть, выглядит сейчас. Да он же весь в саже, будь она не ладна!

— Спит кузнец, — ответил Жене. — А вот ты подросла кстати, — широко улыбнулся, осененный внезапной мыслью.

— Кстати? — удивленно уточнила она.

Тому сообщению, что в это время спит кузнец, казалось, даже не удивилась. Интересно, почему?

— Да, еще как кстати! Не посливаешь на меня? А то, вон,

гляди, какой я красивый, — развел он руки в стороны, делая к ней еще небольшой шаг.

Она вела себя настороженно и казалась сейчас Захару пугливой ланью — одно резкое движение или неосторожное слово, и умчит ведь отсюда, только пятки и засверкают. А ему этого совершенно не хотелось.

— Полю, — улыбнулась Женя в ответ, и от сердца Захара отлегло немного. Но впереди-то оставалось самое трудное — каким-то волшебным образом уговорить ее навеститься к нему в гости.

Во дворе, возле бочки с водой Захар остановился и стянул через голову рубаху. Запоздало мелькнула мысль, а есть ли у него запасная? Эту он умудрился так изгваздать, что вряд ли получится отстирать. Но кажется, Марина с Тристаном и об одежде для них позаботились. Что-то такое они вчера говорили за ужином, хоть слушал Захар в пол уха.

— Я готов, — склонился он, наблюдая, как Женя зачерпывает ковшом из бочки, бросая на него любопытные взгляды.

Интересно, о чем она думает? Кажется ли он ей симпатичным? Этот вопрос его раньше как-то мало волновал, хоть и привык заниматься спортом с детства. Не раз ему говорили, что фигура у него ладная, а мышцы выгодно ее подчеркивают. Но раньше это его не заботило совсем. Зато сейчас ломал над этим голову, страстно желая понравиться девушке, которая еще не так давно любила его — Захар это чувствовал. Сам же он за месяцы разлуки стал любить ее еще сильнее, насколько это возможно.

За день вода нагрелась на солнце и сейчас приятно охлаждала разгоряченное после жаркой кузницы тело, но не обжигала.

— У тебя тут грязь, — прикоснулась к спине маленькая ладошка, оттирая пятно, и Захар затаил дыхание.

Ее касание было таким легким и очень быстро она убрала руку, но возбуждение еще долго не желало проходить. Захару больших трудов стоило справиться с ним, когда разгибался и вытирался насухо, чтобы Женя ничего не заметила. Впрочем, занята она была другим — придирчиво рассматривала его грязную рубаху.

— У тебя есть запасная? Эта совсем негодная... — посмотрела на него Женя.

— Есть, но дома, — кивнул Захар и забрал у нее рубаху. — Ничего, побуду немного трубочистом, — с улыбкой натянул ту на себя.

— Ну, я, наверное, пойду, раз дядька Семен спит... —

нерешительно переступила Женья и зачем-то посмотрела на калитку.

— А?.. Может?..

Что «а» и что «может?» Захар лихорадочно искал нужные слова, чтобы удержать ее. Искал и не находил. А Женья явно не хотела уходить так быстро — это он читал на ее лице.

— А ты живешь у реки? В заброшенном доме? — неуверенно спросила она.

— Да. А откуда ты знаешь?

— На базаре слышала... Просто... нам по пути... — и снова запнулась.

— Вот и отлично! Проводишь меня до дому? Не постесняешься идти рядом с грязнулей? — удивился Захар тому, как кокетливо прозвучал его голос. Кажется, раньше он так с девушками не разговаривал. Да и было ли это «раньше»? Жил ли он до того, как встретил Женю?

* * *

Она всего лишь хочет провести дядьку Семена. Ну еще может удался что-то выведать у него. И ее вовсе не интересует вчерашний знакомый, с которым, возможно, она встретится в кузне. Совсем не интересует, даже несмотря на постоянные мысли о нем. Вот и корзинка у нее не тяжелая — там всего-то пару свертков с ягодами. Еще совсем не поздно. Погода стоит замечательная... Так уговаривала себя Женья, направляясь к кузнице. И на то, что сердце ускоряло темп, а щеки разгорались все ярче на подходах, старалась не думать.

Опять это чувство... Ощущение чего-то естественного и закономерного. Словно именно так и должно быть — вот она льет воду на его обнаженные спину и шею; он смешно так фыркает, обдавая и ее брызгами; она улыбается, наблюдая за всем этим... Никакого стеснения уже и в помине не осталось, а его рельефное тело знакомо завораживает ее, как будто любитесь она им по привычке. Все очень знакомо и приятно волнующе. И лишь само осознание этого доставляет неудобства. Неправильно это, необъяснимо.

— Зайдешь? Хочу познакомить тебя с дядей и его женой, — предложил Захар, когда они приблизились к узкой тропинке, ведущей к реке.

Как-то очень быстро они дошли до его дома. Даже парой слов не перемолвились во власти все той же скованности, которую испытывал и он тоже — Женья это чувствовала. Казалось, что им

много о чем есть поговорить, но никак не подбираются подходящие слова. И расставаться так быстро она тоже не хотела, ведь она сама искала этой встречи, если уж быть честной с самой собой.

— Неловко как-то... — замялась Женя.

Или она хочет навеститься к нему в гости? Да ей просто хочется подольше не расставаться с ним! Это открытие немного напугало.

— Нет ничего неловкого, и я им про тебя уже рассказал, — отозвался Захар и вдруг взял ее за руку. — Идем, дядя с тетей тебе понравятся.

Женя не стала забирать руку, чувствуя, как приятно той находиться в сильной мужской. Так они рука об руку и спустились к реке. А еще через пару метров подошли к калитке в заборе, которую Захар сразу же распахнул.

Несколько раз Женя прохаживалась возле этого дома, когда спускалась к реке. Всегда он казался ей незаслуженно заброшенным и достаточно крепким еще. Странно, что никто не занимал дом. Впрочем, новые люди здесь были редкостью, вот и о появлении Захара и его родственников сразу стало известно всем. И дом преобразился. На окнах появились занавески, двор был выметен, крыльцо подремонтировано. И калитка уже не висела на одной петле, как и не скрипела. Повсюду чувствовалась рука рачительного хозяина, а из печной трубы валил дым и пахло сдобой.

Стоило Жене с Захаром переступить порог дома, как навстречу им вышла удивительно красивая женщина. Она улыбалась и вытирала руки полотенцем. Жене она понравилась с первого взгляда. И снова она ощутила укол в сердце, словно и эту женщину встречала ранее.

— Здравствуй, Женя! — протянула ей женщина руку. — Захар много про тебя рассказывал.

Когда только успел? Ведь они и познакомились только вчера.

— Это Марина... жена моего дяди, — представил женщину Захар с легкой заминкой.

Оно и понятно — его тетушка была моложе племянника, и отчего-то эта мысль вызвала у Жени улыбку.

— А это мой... муж, Тристан! — обернулась Марина к двери, в которую только что вошел высокий и очень статный мужчина.

На вид ему тоже было немногим больше Захара. И еще одну удивившую ее деталь подметила Женя — Марина покраснела, представляя ей мужа. Сразу же зародилась уверенность, что этих двоих связывают очень жаркие и нежные чувства. И рядом они смотрелись настолько необычно, что вызывали трепет в душе. Оба

красивые и яркие. У обоих глаза светятся живым умом и добротой, а еще какой-то жизненной мудростью. Рядом с ними находиться было и приятно, и опасно одновременно. Последнего чувства Женя и вовсе не поняла, ведь опасения родственники Захара ей не внушали, а понравились обоим с первого взгляда. И хоть Захар на них совершенно не был похож, но чувствовалось, что всех троих связывают крепкие узы.

— Ну, чего же мы держим нашу гостью возле порога! — спохватилась Марина. — Веди Женечку к столу, у меня уже и ужин поспел, — велела она Захару.

И только тут Женя сообразила, что тот продолжает ее держать за руку. И смотрит на нее с такой улыбкой... Сразу же обуюла неловкость, и руку свою Женя аккуратно высвободила.

— Как ты относишься к травам, Женя? — обратился к ней Тристан (имя его казалось ей странным и идущим откуда-то из глубины веков), когда все они разместились за большим и богато накрытым столом.

Трапезничать тут явно любили, и блюда все Жене показались изысканными, к каким она не привыкла. У них с Пелагеей еда была попроще.

— К травам? Хорошо отношусь. Люблю травы, их запах... — охотно ответила она. — Матушка много куда их добавляет, — скромно добавила.

И это было очень мягко сказано. В доме Пелагеи травы были повсюду. Сушеная и в виде настойки, отвары из свежих трав и снадобья из вяленых... Даже в подушки, на которых они спали, Пелагея добавила успокаивающих трав.

— Тогда, ты не будешь против, если я разожгу курильницу с травой-муравой, как я ее называю? — сдержанно улыбнулся ей Тристан, и почему-то Жене подумалось, что на улыбки этот мужчина довольно скуп.

— Я... не против...

Трава-мурава? А почему именно она? Женя уже неплохо разбиралась в травах — многому научила ее Пелагея. И про траву-мураву, как в народе называли птичью гречишку, знала, что целебная она, особенно ранним утром, покрытая росой. Хорошо ходить по ней босой, отдает она человеку свои целебные силы. Но чтобы эту траву закуривали... о таком Женя не слышала.

А Тристан, тем временем, насыпал горсть сухих листьев в плоскую лампадку и поджег их. Сразу же Женя почувствовала запах летнего костра, который всколыхнул в ней какие-то воспоминания, но какие, она так и не поняла. Из лампадки, что Тристан установил в центре стола, отходил едва заметный зеленоватый дымок. Вспомнилась давно забытая, идущая по всей

видимости из самого детства прибаутка: «Куда фи́га, туда и дым». Что она означала, Женя не могла вспомнить, но, наверное, слова эти родились потому что тонкая струйка дыма плыла в ее сторону.

Все было очень вкусно! Марина настояла, чтобы Женя отведала хоть понемногу, но всех блюд. Воздав должное кулинарным способностям хозяйки дома, под конец ужина Женя поняла, что уже с трудом дышится от переизбытка сытости.

Захар ее приятно удивил. Он много говорил за ужином. Рассказывал истории, и все они казались Жене хоть и немного странными, но очень смешными. Она даже смеялась в голос, чего с ней давно не случалось. Иногда что-то говорил Тристан, и тогда она заслушивалась, так красиво и плавно лилась его речь. И слова все будто завораживали — уносили в далекое прошлое, как и его имя. Сама Женя толком не могла поддержать беседу, да и нечего ей было рассказывать о себе. Но она чувствовала, что никто и не ждет от нее откровений. И Марина по большей части улыбалась, молчала и смотрела на Тристана влюбленными глазами. В который раз уже за этот вечер у Жени защемило сердце, и в душе зародилось чувство похожее на зависть. Хотела бы и она так же кого-то любить.

— Я тебя провожу, — проговорил Захар, когда Женя спохватилась, что время уже позднее и засобиралась домой.

Вставая из-за стола, машинально подметила, как залил водой траву в лампадке Тристан. Он и Марина вышли вместе с ней и Захаром во двор. Оба пожелали ей спокойной ночи и приглашали навестить их снова. И Женя им с радостью это пообещала. И не хотелось ей возвращаться домой, где наверняка ее уже поджидала Пелагея, и с радостным сердцем она покидала этот гостеприимный дом. Сегодня она испытала что-то новое и волнительное, о чем ей еще предстояло подумать на досуге. Ну и рядом с ней шел Захар, который сам по себе волновал Женю все сильнее. Вот и не чувствовать тепло, исходящее от него, у нее не получалось. Как и все время тянуло посмотреть на него. Да и глаза его очень красиво мерцали в лунном свете.

— Хорошие они, Тристан и Марина. Мне очень понравились, — заговорила Женя, когда молчание между ней и Захаром привычно затянулось.

Из весельчака он снова превратился в крайне задумчивого. И Женя уже не сомневалась, что именно она на него так влияет.

— Да, хорошие... Ты им тоже понравилась, — отстраненно отозвался он.

И только Женя набралась смелости спросить у него о причинах столь резких перемен, как он остановился, повернулся к

ней и взял ее за руки.

— Жень!.. — голос его прозвучал надрывно, а глаза сейчас блеснули лихорадочно, как у больного. И Женя невольно испугалась. Но руки забрать не рискнула. — Можем ли мы и завтра встретиться?

Но ведь вопрос достаточно простой, так отчего же в голосе его столько муки, как и во взгляде, устремленном на нее?

— Я не знаю...

— Пожалуйста! Я очень этого хочу! Приходи завтра снова в кузницу.

— Ну... хорошо, — помедлив немного, кивнула Женя.

И все же, забрала у него свои руки. До ее дома было рукой подать. Пелагея и так узнает, что сегодня она снова с ним встречалась, а если кто донесет ей, что держались они за руки, то и вовсе несдобровать.

— Я буду ждать тебя, — вздохнул Захар.

— Я приду, — тверже пообещала Женя. — Только провожать меня дальше не надо. Сама дойду.

Настаивать Захар не стал, поняв ее и без слов. За это Женя была ему благодарна.

— Над ней хорошо поработали. Прошное почти полностью стерли из памяти, — взял Тристан лампаду со стола и поставил на табурет. Сам опустился в кресло и накрыл лампаду руками.

Марина убирала стол и наблюдала за ним. Она знала, что наставник собирается делать дальше, но сама этого никогда не проделывала. И любопытство взяло верх.

— Можно я побуду рядом? — поинтересовалась.

— Ну, конечно, — кивнул Тристан. — Мне понадобится твоя помощь. Поработаем с сознанием озарения, поищем тропы для возвращения памяти к Евгении, — улыбнулся он, подготавливая ладони, растирая те.

Марине всегда нравилось наблюдать за магией наставника. Жаль, раньше это случалось редко, в моменты их встреч. А сейчас он был рядом, и временами Марина не верила своему счастью. Ведь счастлива она была уже потому, что могла видеть его, слышать и даже прикасаться. До сего времени она любила идола, кумира, а теперь все лучше узнавала в нем человека — мужчину. И сердце ее не переставало томиться от чувств, что с каждым днем наполняли его.

Тристан накрыл лампаду ладонями, одна над другой, опустил веки и несколько раз произнес нараспев:

— Ирнбас, ирнбас, ирнбас...

Из лампы заструился зеленоватый дымок, сначала совсем тонкой струйкой, которая стремительно густела. Но не капли из дыма воспоминаний Тристан не дал утечь на сторону — все их он поглощал своими ладонями, не переставая произносить заклинания.

— Теперь я — полный сосуд, — распахнул он глаза и сообщил Марине ритуальным голосом. При этом лицо его словно светилось изнутри. Казалось, что тот самый дым воспоминаний подсвечивает его. — Через десять минут ты должна будешь разбудить меня. Запри дверь на всякий случай. Никто не должен помешать мне стать проводником. И приготовь жертвенный камень.

С этими словами он лег на диван и прижал ладони к щекам, снова закрыл глаза и запел песню озарения. Марина знала, что в тот момент, когда тело наставника полностью расслабляется, душа покидает его. Она не остается на земле и не возносится на небо. Она проникает туда, где может существовать только душа — вне времени и пространства, в страну вечных грез, где и живут наши воспоминания, накапливаемые вечностью.

Еще через минуту руки Тристана опали с лица, и одна свесилась с дивана. Он крепко спал. Прежде чем отправляться за жертвенным камнем, Марина позволила себе прикоснуться к наставнику — она аккуратно и невесомо взяла его руку и поправила так, чтобы ему стало удобно.

Вместе с жертвенным камнем Марина достала из ритуальных вещей сосуд с живой водой и деревянный перст. Именно ими она будет будить Тристана через десять минут. По-другому из сна вечности не вынырнуть, и ее сейчас переполняла гордость от веры в нее Тристана, от того доверия, что он ей оказал.

Оставалось еще несколько минут до пробуждения, и Марина позволила себе провести их рядом с наставником, любуясь его лицом, впитывая в себя его образ. В какой-то момент, когда желание захлестнуло ее настолько сильное, сметающее разум, она склонилась над любимым лицом и припала к губам. Марина знала, что ворует сейчас поцелуй, срывает запретный плод, но не казнила себя. А уловив дыхание наставника на своем лице, едва не лишилась рассудка от счастья.

Но время неумолимо. И когда нам хочется, чтобы минуты превратились в часы, они, напротив, пролетают как секунды. Подавив вздох сожаления, Марина взяла флакон с живой водой и перст, чтобы приступить к помазанию. Она окунала перст в воду и проводила им по лбу Тристана, носу и подбородку. Попутно читала заклинание пробуждения. Прodelав все это три раза, она прикоснулась к мочкам ушей наставника и легонько потеряла те. И он открыл глаза.

Марина помогла Тристану сесть и придвинула к нему жертвенный камень. Не говоря ни слова, наставник накрыл небольшой круглый и плоский камень ладонями. Теперь, напевая заклинания, он отдавал часть воспоминаний камню, принося таким образом жертву стране грез.

— Поможешь мне? — с улыбкой протянул Тристан руки Марине.

— С удовольствием! — вложила она в них свои.

Из сомкнутых ладоней вырвался дым воспоминаний. На этот раз они отпускали его не так далеко, а лишь до того места, где и обитала хозяйка этих воспоминаний.

— Что теперь будет? — спросила Марина, когда ритуал подошел к концу, а все атрибуты были снова спрятаны в надежное место.

— Теперь осталось только ждать. Она не вспомнит все и сразу. Память будет возвращаться к ней по крупицам. Но никакая магия, даже самая сильная, теперь не сможет этому помешать. Нам же остается только ждать и помогать, если потребуется.

— Женечка, родная, ты не достанешь мне вазу с серванта? А то стара я уже по стульям карабкаться.

— Один момент, бабуля!

Стул шатается под ней, потому что старый уже, ну и пусть. Главное, не разбить вазу, ведь она дорога бабуле, как память. Только вот, она не помнит, кто подарил вазу бабуле. А может, это случилось еще до ее рождения...

Уйди, противный туман! Зачем ты застилаешь все вокруг, не позволяя разглядеть ту, чей голос кажется таким родным, что выворачивает душу наизнанку?

— Женька, ну долго ждать тебя?! Билетов же не достанется, а я так хочу посмотреть это кино. Жди потом, когда появится в интернете.

— Иду уже, иду, глаз только докрашу.

— Да плюнь ты на этот глаз — они у тебя и так красивые...

Какой заразительный и знакомый смех. Кто же это смеется, и с кем они собираются идти в кино? Почему она опять продирается сквозь туман, в котором ничего не видно?

— У тебя красивые глаза и редкий голос — низкий с хрипотцой.

— А у тебя красивые сильные руки. Как у хирурга или пианиста...

— Как у ювелира, ты хотела сказать? — смеется и обнимает ее.

Пахнет так приятно и знакомо. А на его груди так надежно, словно ни единая беда тебе теперь не страшна. Есть же он, рядом, всегда. Он защитит и спасет. Или спасет и защитит. От всего!

Кто же ты? Почему и его она не видит. Кто ты?!

Женя проснулась от собственных мычаний, в которые вылились слова, что пыталась сказать и не могла. Во сне всегда так. Она вспотела как при болезни. А ведь в комнате совсем не жарко. И за окном еще ночь.

Она встала с кровати и как была босая прошла к окну. Холодные доски пола приятно охладили ступни. Ветерок, врывающийся в комнату через открытую форточку, осушил лицо. Но мысли продолжали лихорадочно биться в голове, тесня ту.

Кто все эти люди, что говорили в ее сне? Почему их голоса

кажутся ей такими родными? Особенно мужской. Во сне ей казалось, что еще чуть-чуть, и она узнает его. Вот-вот туман рассеется, и она увидит лицо. Ведь это тот, кого она любит. Или, быть может, любила когда-то. Но нет! Она любит и сейчас, только никак не может вспомнить, кого.

Воздуха не хватало, даже когда Женя встала на мысочки и приблизила лицо к форточке. В тесной крохотной спальне она задыхалась. И ноги сами ее понесли на улицу — как была, в ночной рубаше. Разве что, платок со стула прихватила и накинула на плечи.

Улица встретила ночной прохладой. Разгоряченной голове сразу стало легче.

Женя присела на ступеньку крыльца и закуталась в платок, чтобы не простыть. На небе все еще ярко светил месяц, но совсем скоро уже начнет заниматься рассвет.

Сна не было ни в одном глазу, а мысли в голове продолжали хаотически плескаться, подкидывая фрагменты сна. И сон-то был какой-то странный. Она запомнила каждое слово из него. Все голоса продолжали звучать в голове Жени и не переставали казаться знакомыми. Но как ни силилась, ничего вспомнить не могла. А душа внутри нее томила и словно молила выпустить ее, позволить найти тех, кого потеряла.

В какой-то момент ей снова стало жарко от всех тех эмоций, что теснили душу. Тогда Женя скинула платок и расшнуровала ворот рубахи. Такой ее и застала Пелагея.

— Чего это ты полуночицаешь? — строго спросила она и потянула Женю за руку, заставляя встать. — Нечего сидеть на холодном. Застудишься, лечи тебя потом. Да и негоже девке студить то самое место.

— Муторно мне, матушка, — призналась Женя.

Она хотела хоть с кем-то поговорить о том, что видела и чувствовала. Но не было у нее ни подруг тут, ни доверенного человека, с кем могла бы поделиться. Одна родная у нее — Пелагея, ей и решила пожалиться.

— Отчего же? — вгляделась та в ее лицо.

— Сон видела... странный. Непонятный и пугающий.

— Расскажи, — велела Пелагея. — Только, в дом пойдем, воздух стылый ночью.

В большой комнате Женя хотела опуститься на диван, но Пелагея не позволила.

— Садись за стол, — велела она, прибавляя огня в лампе, фитиль которой тлел всю ночь. «Негоже погружать дом в темноту, — говорила колдунья. — Свет разгоняет духов, а тьма их привлекает». Эта фраза напугала Женю, и по ночам она старалась

не заходить в большую комнату. Благо, в ее спальню можно было попасть и из сеней. Но больше всего она боялась большого круглого стола с мерцающим по центру магическим шаром. И сейчас, когда садилась за стол, шар этот пугал всего сильнее.

— Расскажи мне свой сон, — повторила Пелагея, усаживаясь напротив нее.

Женя, как могла, поведала ей то, что видела, а вернее, слышала.

— Узнала ты голоса те? — настороженно поинтересовалась Пелагея.

— Нет, но все они кажутся мне знакомыми, родными. Они до сих пор звучат в моей голове. Не проснись я сразу же, могла бы их узнать, наверное...

— Могла бы, говоришь? — задумчиво пробормотала Пелагея. — Посмотри на меня, родная, — очень ласково попросила.

Женя редко смотрела в глаза матушки. Боялась она их черноты и пронзительности. Не то чтобы было ей что скрывать, но и душу свою обнажать не хотелось. А глаза Пелагеи видели все, что в ней творится. Вот и сейчас подняла Женя взор, преодолевая внутренние нежелание и сопротивление. И сразу же тело прострелила боль. Да такая сильная, что не сдержала она стоны.

— Матушка, больно мне!..

— Терпи, несчастная! Для тебя же стараюсь, — прогремел в комнате голос колдуньи. От ласки былой не осталось в нем и следа.

Боль все нарастала. От нее Женя уже не могла дышать свободно. Тело изнутри словно сводило судорогой, а в ушах шумело все сильнее, отчего болели барабанные перепонки.

— Матушка, хватит! — кричала она, прижимая руки к ушам.

Никак не получалось вырваться из черного плена. А чернота эта постепенно заполняла ее.

— Матушка, вы убиваете меня!..

— Проклятье! Ничего не получается!.. Как же вытравить из тебя эту дрянь!.. — отдаленно слышала Женя злые бормотания колдуньи. — Изыди же! Очистись! — и новая волна заклинаний, как и всепоглощающей боли.

Никогда еще до этого Пелагея не заставляла страдать Женю настолько сильно. Боль она и раньше причиняла, когда читала что-то в ее голове. Но та боль была лишь слабыми отголосками этой, терпеть которую не осталось уже сил.

— Смотри мне в глаза! — кричала Пелагея.

— Нет-нет! — стонала Женя, тряся головой в попытке

зажмуриться.

— Смотри, иначе побываешь в аду!..

И только тут Женя поняла, что каким-то невероятным образом у нее получилось разорвать зрительный контакт. Никогда такого раньше не случалось. И медлить нельзя было сейчас. Она вскочила со стула и стрелой понеслась в сени. Оттуда во двор и за калитку. Слышала шаги Пелагеи за спиной, ее прерывистое дыхание и неслась вперед еще быстрее. Скорость — ее помощник сейчас, только она и может спасти от верной гибели. Пелагея была сама не своя, Женя это понимала. А когда она такая, то может и убить, сама того не желая.

Камни ранили босые ступни, но этого Женя не замечала. Куда сильнее болело все внутри нее, после того как там похозяйничала колдунья.

* * *

Захар проснулся как от толчка. И сразу же та же непонятная сила заставила его покинуть ложе. Ночь еще — Марина с Тристаном крепко спали, он же торопливо натягивал на себя вещи, чтобы бежать. Куда? Зачем? Понятия не имел. Но точно знал, что надо спешить, что каждая секунда на счету. И сердце так щемило, что невозможно было терпеть.

Захар вышел на улицу и побежал, подгоняемый все той же силой. Плохо разбирал, куда именно бежит, но не сомневался, что все делает правильно.

На пустынной тропе, залитой лунным светом, он издали заметил одинокую фигуру в развевающемся на ночном ветру длинном одеянии. Сразу же узнал в ней Женю и еще быстрее кинулся навстречу. Ноги девушки путались в сорочке, и на правую она заметно припадала. Но не переставала бежать навстречу Захару, тоже уже заметив его. И где-то там, пока еще далеко, Захар видел ее преследователя. Надвигалась она на Женю большой и грозной тенью. В колдунье Захар сейчас и человека отчего-то не узнавал. Явная угроза любимой делала Пелагею зловещей, бесформенной и черной.

— Захар! — крикнула Женя, падая в его объятия.

— Все! Я тут, успокойся. Теперь все будет хорошо, — крепко обнял он ее, целуя в макушку.

Но оставаться тут и дальше нельзя было никак. И лишь одно место он знал, где они получают надежную защиту, — дом у реки, в котором спали Тристан и Марина.

— Бежим! Потерпи еще немного, — схватил он Женю за руку

и увлек за собой.

Но уже через пару шагов понял, что бежать она не может. А когда глянул на ее босые ноги, то заметил, как сильно те изранены.

— Иди сюда! — не думая долго, подхватил девушку на руки и устремился вперед с самой драгоценной на свете ношей.

— Стойте! — прогремел за их спиной голос.

Захар замер, не в силах пошевелиться. Женя на его руках тихо заплакала, обхватывая его за шею и крепко прижимаясь к нему.

— Она убьет тебя, — посмотрела на него печальными глазами, полными слез. — Ведь это ты?..

Ответить Захар не успел, новый приказ поступил:

— Повернись!

И он повиновался — сейчас им управляла другая сила — более мощная и очень злая.

— Отпусти ее, — велела Пелагея.

Она стояла перед ними, широко расставив ноги. Ее длинные черные волосы развевал ветер. Глаза на лице горели адским пламенем, ну или Захару так только казалось. Сейчас она была похожа на самую настоящую злую ведьму.

— Ты отпусти ее! — выкрикнул Захар.

Ветер усилился. Теперь он не просто создавал завихрения вокруг них, а еще и тоскливо завывал. Приходилось кричать, чтобы быть услышанным. Захару было страшно перед той силой, что несла в себе Пелагея. Он чувствовал ее на физическом уровне, как и не сомневался, что пойдет ведьма на все. Но ни за что по доброй воле он не отдаст ей Женю! Ей придется убить его, чтобы получить ее обратно.

— Она уже давно не твоя, глупец, — с презрением выплюнула колдунья. — И зря ты сюда явился. Ты все равно ее не получишь. Так что, отдай ее мне по доброй воле и сохранишь себе жизнь.

Жизнь? А нужна ли она ему без Жени? Ведь именно ей он и обязан этой самой жизнью. А также, желанием жить дальше. С ее появлением у него появился смысл этой самой жизни. И центральное место в ней занимала девушка, что сейчас плакала на его груди.

— Прошу тебя, отступись, — сделал Захар попытку разжалобить это озлобленное существо, в котором сейчас меньше всего проглядывался человек. — Отпусти ее, не приноси в жертву...

— А кто тебе сказал, что она жертва? И почему ты думаешь, что только там она сможет обрести счастье? Теперь это ее мир! — раскинула Пелагея руки в стороны, и в этот момент небо

прорезала яркая вспышка молнии. А следом раздался оглушающий гром.

— Да потому, что сердце ее все еще бьется там! Потому что там остались люди, которые ей дороги, как и она им! Ты же пытаешься разрушить не только ее жизнь!

Захар почувствовал, как злоба и бессилие душат его. Перед ним стояло бездушное существо, до разума которого никак не получалось достучаться. Все его доводы вызвали, разве что, смех у Пелагеи. И этот смех ослабил ее бдительность.

Воспользовавшись моментом, пока колдунья хохотала, Захар попытался снова бежать. Но к собственному ужасу не смог сделать и шага.

— Отпусти меня, — принялась вырываться Женя. — Она может убить тебя, а я этого не хочу.

— Как и тебя! — сжал ее Захар только сильнее.

— Я тут живу, — тихо промолвила она, приблизив губы к самому его уху. — А если она убьет тебя, то и тут я не смогу жить дальше...

Нет! Не так должно все закончиться! Где же вы — Тристан и Марина? Отчего не приходите на помощь, когда так нужны ему? Но где-то в глубине души крепло понимание, что и тут не обошлось без колдовского вмешательства. Пелагея заранее позаботилась, чтобы помощники Захара сегодня спали как младенцы.

— Не хочешь по-хорошему, дурень, будет по-плохому! — со все возрастающей угрозой в голосе проговорила Пелагея.

И несмотря на то, что слова ее заглушали гром с неба и вой ветра, Захар отчетливо расслышал каждое.

Пелагея склонила голову и смотрела на него исподлобья. Взгляд ее становился все злее и ярче. Раскинув руки в стороны, она скрючила пальцы на манер когтей хищника. И непонятные слуху заклинания полились из ее уст.

Руки Захара безвольно опали, но Женя не перестала обнимать его за шею, судорожно повторяя: «Нет! Нет!..»

— Отойди от него, Евгения! — приказала Пелагея.

Руки той разжались, как и у Захара до того. Огромные и полные слез глаза смотрели на него с мольбой. А губы только и смогли прошептать: «Прощай!» Захар все видел, слышал и чувствовал, но ни ответить, ни пошевелиться не получалось. Тоска разрывала душу, когда Женя отвернулась от него и побрела прочь. Знал он точно, что не сама она это делает, а злая сила Пелагее заставляет, подчиняет себе. Но остановить ее не мог.

— Знаешь, почему я тебя сейчас оставлю в живых? — вкрадчиво проговорила Пелагея. — Потому что, убей я тебя, она

мне этого не простит никогда, — тряхнула она головой в сторону все удаляющейся от них Жени. — Заставить забыть ее и это я уже не смогу. И виноваты те, с кем ты сюда пришел! — зло выплюнула. — Но тебе будет очень больно, дорогой, — хищно улыбнулась она. — Так больно, как никогда еще не было. Эту боль ты запомнишь на всю жизнь. И пусть это станет тебе наукой, чтобы никогда более сюда не вздумал соваться! Впрочем, совсем скоро Евгения там... испустит дух, а тут — станет для тебя недостижима, — рассмеялась Пелагея.

После она выкрикнула какое-то короткое заклинание, и Захар упал на землю. А потом все его тело словно окунули в огонь. Он закричал, не в силах сдерживаться. Боль была настолько сильной, что мольбы о смерти приходили в голову сами собой. И не желал он этой самой смерти, да только она сейчас казалась ему избавлением и утешением. Он кричал и кричал, но крики его тонули в подсвеченной рассветом ночи. Гром стих, а боль только усилилась.

Путь до дома показался Жене бесконечным. Ноги плохо подчинялись, но воля Пелагеи была сильнее ее. Приходилось идти вперед, хоть и всем сердцем она стремилась вернуться. Помочь тому, кто сейчас страдает от боли. Она не вспомнила пока еще Захара, но уже не сомневалась, что это ОН. Он пришел, чтобы спасти ее. А его дядя и тетя помогают. И пусть пока еще в голове все плохо укладывается, много Женя не понимала, потому что никак не могла вспомнить. Но как же она хотела куда-то вернуться. Об этом молило ее сердце, но разум пока еще молчал.

— Матушка!.. — взмолилась она.

Должно быть, странно выглядели они со стороны, если бы кто-то мог видеть их ночью. Женя шла впереди, а позади нее шествовала Пелагея — высокая, прямая и очень злая. Но деревня еще спала глубоко, и ни единой души, кроме них, на улице не было.

— Молчи, несчастная! Молчи и иди домой! — прошипела за ее спиной Пелагея и еще тише добавила: — Никому тебя не отдам!

Душа Жени обливалась горячими слезами, но ни пролить их из глаз, ни повернуть она не могла, как ни силилась.

На пороге дома получилось затормозить, но тут же ощутила увесистый тычок в спину. А ноги сами понесли ее к входу в подвал.

— Матушка, прошу!.. — предприняла Женя еще одну попытку разжалобить сердце колдуньи.

— Много я делала из того что ты просила? — рассмеялась Пелагея. — Не поняла еще, что всё и всегда будет по-моему?

Но ведь делала! Женя помнила и те поступки, которые можно было назвать даже добрыми. Что же с ней случилось сейчас? Почему от доброты не осталось и следа?

Двигаясь по подвалу, Женя догадывалась, куда именно идет. Там, в самой глубине, находилось то, ради чего тогда и навещал Пелагею дядька Семен. И вскоре Женя узнала, что это.

Клетка из толстых металлических прутьев начиналась сразу за дверью. Туда и завела ее воля Пелагеи. Она же заставила опуститься на тахту.

— Будешь сидеть тут, пока я не разберусь с чужаками, — смотрела на нее сверху вниз колдунья.

На лицо ее падал свет одинокой свечи, и в нем она казалось страшной.

Больше Пелагея ничего не сказала — заперла клетку, а потом

и дверь, и ушла, оставляя Женю в крошечной тьме. Через крохотное окно под потолком в темницу попадал разве что воздух, но ночной свет с собой забрала луна, спрятавшись за тучу.

* * *

Марина силилась проснуться, но никак не получалось. Тревога нарастала, кто-то кричал... а глаза все оставались закрытыми. Она балансировала на грани сна и яви, пока не начала улавливать звуки извне. Так она услышала, как пробудился Тристан и приблизился к ее кровати. А потом хлопнула входная дверь, и в доме снова повисла тишина...

А Тристан, тем временем, торопился на помощь Захару.

Над ним, как и над Мариной плотную ночную завесу создал морок засасывания. Но как его побороть и очень быстро Тристан знал. Морок уже сделал свое дело — погрузил их в слишком глубокий сон. Если такой морок наслать на обычного человека, то сон его может перерасти в беспробудный. Но то обычный человек, каким Тристан не был. Да и Марина уже наполовину принадлежала вечности, нежели человеческой жизни. Она и сама справится с колдовством через какое-то время. Куда как хуже придется Захару.

Очень скоро Тристан разглядел парня. Тот корчился посреди проселочной дороги, примерно на середине пути между их домом и домом колдуньи. Захар безостановочно стонал, находясь во власти сильнейшего костного заклинания.

— Потерпи, дружок, — склонился над ним Тристан и начертал в воздухе руну облегчения. — Полностью избавить от боли так быстро я тебя не смогу. Ведьма не проявила и толики сострадания.

Он подхватил Захара подмышки и помог ему встать на ноги. До дома шли долго — приходилось практически нести парня на себе. Дома же, опустив Захара на ложе, первым делом Тристан погрузил его в глубокий сон. Во сне он не так сильно будет страдать от боли, хоть и полностью от нее не избавится.

Затем Тристан зажег свечу и установил ту в изголовье кровати, на которой продолжала беспокойно спать Марина. Он видел, как пытается она побороть сон, и как пока еще у нее это не получается.

Воздев руки так, чтобы накрывали они свечу и лоб женщины, Тристан принялся читать заклинание пробуждения от колдовского сна. Повторить его нужно было тринадцать раз, только после этого Марина распахнула глаза.

— Что-то случилось? — встревоженно спросила она, садясь в кровати.

— Да, случилось. Мне нужно уйти...

— Надолго?

— Не думаю, но нужно торопиться, пока светит луна. Я должен наведаться в Храм мудрости, чтобы получить тайные знания. Тебе же придется заняться пробуждением и исцелением Захара.

— А что с ним? — испугалась Марина.

— Ничего такого, с чем бы ты не справилась, — улыбнулся Тристан и накрыл ее руку своей. — Сегодня колдунья прибегла к самой сильной своей магии. На нас наслала морок сна, а к Захару применила заклинание костной боли. Сейчас он не так сильно страдает, я погрузил его в сон. Тебе же предстоит исцелить его и разбудить. А там и я вернусь...

Когда Тристан ушел, Марина примерно прикинула, сколько времени ему понадобится на дорогу в мегалит мудрости. Поплывет он туда на ладье времени. Успеет ли вернуться, пока светит луна?

Она выглянула в окно. Серп месяца показался ей очень ярким. И еще была только середина ночи. Тристан должен успеть вернуться до рассвета, иначе ждать его придется до следующей ночи. А медлить нельзя — Пелагея перестала сдерживать себя. Началась война, в которой не стоит недооценивать противника. Именно потому Тристан и отправился за тайными знаниями.

Захар разметался на спине, и на лбу его выступила испарина. Даже во сне его лицо искажала гримаса боли, а с губ срывались протяжные стоны. Чтобы насылать такую боль на человека, нужно либо бояться чего-то очень сильно, либо быть напрочь лишенным сострадания. В случае с Пелагеей Марина склонялась к первому. И бояться было чего — в Тристане колдунья видела опасного противника.

Марина сходила за атрибутами ритуала — небольшая ветвь дерева, покрытая серебряной краской и увенчанная золотыми колокольчиками, и кубок из оникса. Кубок она наполнила водой и прислонила к ветви. Когда начала читать заклинания, колокольчики мелодично зазвенели. Их приятный звон привлечет на помощь богов и отпугнет злых духов. Последних он изгонит из этого дома и от Захара. А ложе из соломы на время ритуала превратится в священное.

На глазах вода в кубке становилась красного цвета. А когда уста Марины смолкли, вода стала крепким целебным вином. Оно избавит Захара от боли. Пришла пора разбудить его. Прижав большие пальцы рук к глазам спящего, Марина прочитала

заклинание пробуждения. И сразу же испугалась той боли, что открылась ей в глазах Захара.

— Потерпи немного, сейчас все пройдет, — обхватила она его голову и прижала к губам кубок. — Пей до дна и исцеляйся! — громко велела.

Каждый глоток истязаемого болью сопровождался звоном колокольчиков. И с каждым глотком Захару становилось легче. Боль из глаз исчезала, а чело разглаживалось и успокаивалось.

— Что это было? — спросил он, когда осушил кубок.

— Всего лишь сильное колдовство, — улыбнулась Марина. — А теперь Расскажи мне, что с тобой произошло?

Рассказ не занял много времени, а вот волнение Захара все возрастало.

— Не волнуйся за Женю. Даже если бы Пелагея не настигла вас сегодня, ей пришлось не сладко. Неважно, где она сейчас, и в каком состоянии ее тело. Тяжело сейчас ее душе — воспоминания всегда приносят с собой мучения. И избежать этого невозможно.

— Мне показалось, что она вспомнила меня, — с надеждой проговорил Захар.

— Пока еще нет, — улыбнулась Марина. — Но очень скоро это произойдет. Мы спасем ее, не волнуйся. Даже самое сильное колдовство не идет ни в какое сравнение с тайными знаниями, за которыми и отправился Тристан.

— Колдунья не отпустит ее, если мы не убьем ее! — ударил Захар кулаком по столу.

Марина какое-то время задумчиво смотрела на него, пока не решилась поведать ему часть своих знаний. Может, хоть так получится облегчить его боль.

— То учение, которому посвятили себя мы с Тристаном, не делает различия между добром и злом. Злая душа, высвобождаясь из тела, когда то умирает, не проходит круг искупления, как это принято считать где-то еще. Она сразу же перерождается в следующем теле из длинной цепи тел. В убиении нет смысла, хотя бы потому что следующее воплощение тоже будет злым. Смерть — это середина жизни, Захар.

Он так смотрел на нее, словно не в силах был поверить ни единому слову. Да и не мудрено это — он всего лишь человек, который считает, что жизнь одна, и ценнее ее нет ничего. Она же мечтает о Другом мире — неизменном и реальном мире вечности. Там живет Тристан, и ее место рядом с ним. К этому она готовится вот уже десять лет. И именно здесь, в прошлом, поняла, что наконец-то готова. Только, не все так просто, как кажется на первый взгляд.

— Нужно поспать, — проговорила Марина, взглянув в

— Я пойду туда! — решительно заявил Захар, как только дождался пробуждения Марины.

— И ничего не добьешься. Думаешь, дверь в дом колдуньи будет распахнута, а встретит она тебя с распростертыми объятьями? Поверь мне, нет. И если с тобой что-то случится, как жить дальше той, кого ты любишь, и которая уже, скорее всего, вспомнила все?

Марина не ругалась и не упрекала, она просто предупреждала Захара. В отличие от него, она могла себе представить, на что способна Пелагея. Ну и еще она была расстроена, ведь Тристан не вернулся ночью. А это значит, что и день ей предстоит провести без него, ибо ворота между мирами открываются только при луне.

— Что же делать? Если буду просто ждать, точно сойду с ума, — уронил Захар голову на стол.

— А зачем ждать? Отправляйся в кузню. Да и кузнец тебя ждет сегодня на работу. Глядишь, и день пролетит быстро, — вздохнула Марина. — А за Женю не волнуйся — все самое страшное у нее уже позади. Навредить сильнее колдунья ей уже не сможет.

Так и пришлось Захару сразу после завтрака, который прошел в унылом молчании, отправляться в кузницу. Но и там он не получил желанного забвения хоть на время ожидания.

Кузнец Семен сегодня явно был не в духе. То прикрикнет на Захара без видимой причины, то уронит кувалду себе на ногу и бранится потом на чем свет стоит. А иной раз так и вовсе застывал, устремив взгляд в пространство, так что не докричишься до него.

— Да что с вами такое, дядь Семен?! — не выдержал в один момент Захар.

Ему и самому было тошно, а тут еще и с чужой придурью приходилось мириться.

— Ох, чую я беду... — опустил кузнец на лавку и свесил руки между ног. Как-то разом с него сошло все раздражение, а в глазах поселилось волнение. — Натворил я глупостей, пошел на поводу у чужой злости...

Уговорами у Захара получилось добиться правды. Но получив ее, он и сам не рад был. Если до этого душа его стремилась на выручку Жени, то сейчас ее удерживать уже получалось с

великим трудом.

— Клетку? — потрясенно переспросил он.

— Большую и прочную, — кивнул Семен. — Таковую, что не сломать даже великой силой. А для чего? — вымученно посмотрел на Захара. — Точно не для дикого зверя, кто ж такого в доме-то держит. Неужто для человека я сделал темницу вот этими руками, — посмотрел Семен на свои крупные и мозолистые ладони.

— Я знаю, для кого, — пробормотал Захар, всячески стараясь подавить в себе приступ злости. Марина строго настрого велела ему ничего не предпринимать. Ослушаться ее — значит, привлечь на их головы дополнительные проблемы. А ему и так уже хотелось вернуться домой, оставив всех этих людей из прошлого столетия спокойно и дальше проживать свои жизни. Но с собой он собирался забрать ту, что не принадлежит этому времени.

Большую глупость Захар сделал, когда поведал Семену, что томится сейчас в клетке Женя. Что стало с кузнецом! Он принялся метаться по кузнице, потрясая кулаками и стеная, что обрек на мучения светлую и добрую душу. А потом и вовсе собрался идти в деревню за подмогой, чтобы всем вместе выдвинуться к дому колдуньи. В то, что получилось сдержать кузнеца, через длительное время Захар и сам не верил. Себя же ругал за длинный язык, ведь даже объяснить Семену толком ничего не мог. Для этого ему пришлось бы рассказать тому всю историю.

Но и потом еще кузнец несколько раз порывался бежать на помощь Жене, а злую колдунью проклинал всяко разное. В конечном итоге, Захару пришлось вытрясти из Семена клятву едва ли не на крови, что ничего тот не станет предпринимать, пока не придут они за ним ночью. Но о том, что не стоит ему в это ввязываться, Семен и слышать не хотел. «Я виноват — мне и спасать бедную девочку...» — твердил он.

* * *

Лязг двери и звук шагов не заставил Женю повернуть голову. Как лежала на жестком топчане, глядя в низкий и серый потолок, так и продолжала лежать. Сейчас она уже тому была рада, что мысли в голове ее успокоились и принялись плавно плескаться. И пусть их пока еще было слишком много, но голова уже не раскалывалась так сильно.

Остаток ночи и половину дня она провела в таких муках, каких еще никогда не испытывала. И болело не тело, а душа.

Сравнить эту боль Женя могла разве что с отрубленной конечностью, которую пришили, и она внезапно ожила. Точно так же и ее душе пришлось восстанавливать по крупицам все то, что когда-то из нее вычистили. И каждая крупца приносила с собой новую боль.

— Считаешь меня злодейкой? — раздался голос Пелагеи.

Вопрос этот посчитала риторическим, а ту, что задала его, — невидимкой.

— А ведь я помогла тебе... Если бы не я, то и являться сюда за тобой было бы некому.

Что правда, то правда. Сквозь боль и желание умереть все то время, что находилась в клетке, прослеживалась мысль, а вернее, непонимание, как у Захара получилось попасть сюда? Ведь это не сон, что видела Женя раньше про жизнь прапра... бабки. Это и есть жизнь, самая настоящая, только в прошлом. Она сюда попала благодаря колдовству. Получается, что и он тоже. И Тристан с Мариной никакие не родственники. Уж теперь-то Женя знала это отлично, как и всех родных Захара. Значит, именно они и вызвались помогать ему.

— Да, ты помогла мне, — села Женя на своем ложе и посмотрела на колдунью. Сейчас она чувствовала себя совершенно другим человеком, хоть и в прежнем теле. — И я бы могла поблагодарить тебя, если бы цена не была слишком высока.

Пелагея спасла от проклятья Захара, отведя от его предка руку убийцы, но она едва не убила его потом. Не на прямую, нет, а став причиной сводящих с ума и доводящих до отчаяния мыслей. Сейчас, когда вспомнила все, Женя и еще одну часть своей жизни восстановила в памяти — дни напролет в больнице, рядом с ее слабеющим и неподвижным телом. Она все слышала, что говорил ей Захар, разве что, здесь и это ее заставили забыть. Вот что несли ей тут сны — те воспоминания, которые мелькали отрывочно, хаотично, в которых она слышала и не видела, осознавала и не узнавала.

— Ты нужна мне, Евгения, — тихо проговорила Пелагея.

— Зачем?! Чтобы быть бледным пятном в твоей черной душе?

— Рядом с тобой и я становлюсь иной — добрее. А без тебя чернота поглотит меня.

— Да как же ты не понимаешь! О помощи просят, а не заставляют оказывать ее силой. И что сделала со мной ты?

Больше Женя не желала говорить с этой женщиной, которая за несколько часов вновь стала ей совершенно чужой. Как когда-то ее колдовство заставило Женю забыть все, так сейчас воспоминания о прошлом стерли настоящее. Сама она это плохо понимала, зато отлично все чувствовала. И Пелагею ей не было

жалко.

— Они все равно не доберутся до тебя! — зло выплюнула колдунья.

— Ты и сама в это не веришь, — насмешливо отозвалась Женя.

Она точно знала, что убивать ее Пелагея не станет. Это не позволит сделать разумное зерно в черной душе и надежда на победу в предстоящей схватке.

Женя осознавала, что колдунья не сможет снова наложить на нее забвение. То, что заставило ее пробудиться, было гораздо сильнее. Оно и не позволит.

Ну и приближалось время, когда за ней придут — в этом Женя тоже не сомневалась и мысленно к этому готовилась.

* * *

Тристан вернулся в полночь, когда Марина уже успела известись.

— Тебя долго не было! — кинулась она к нему навстречу, но на середине пути замерла.

Возможно, не будь тут Захара, она бы сейчас выдала себя. Но он сидел за столом — по молчаливому согласию они сегодня спать и не ложились.

— Тайные знания требуют много времени, — улыбнулся Тристан. — Да и верховный жрец был несколько занят. А потом и ночь закончилась.

— У тебя все получилось? — с надеждой спросил Захар.

— У меня все получилось! На рассвете мы спасем твою девушку. К тому времени нас уже будет ждать ладья времени. Ну а пока мы можем собрать наши вещи и подготовиться к отбытию...

— Далеке ли собрались без меня? — раздался от двери зычный голос. На пороге стоял Семен и в руках держал длинные вилы. — В долгу я перед нашей девочкой, — горестно вздохнул этот крупный мужчина.

Он уже два раза приходил, еще засветло. И оба раза у Марины с Захаром с трудом получалось выставить его. Так и пришлось сказать, что операция по спасению начнется ночью. Только, Тристана предупредить не успели, и сейчас Марина бросала на него смущенные взгляды.

— А вот и незаменимый кузнец пожаловал, — быстро нашелся Тристан и с добродушной улыбкой пригласил Семена пройти в комнату. — Давно уже нам пора познакомиться было, да

не с руки все.

— Наслышан я о вас от Захарки, — довольно крикнул Семен. По душе ему пришлись слова Тристана. — Много хорошего говаривал...

— За знакомство нужно выпить, Семен, — перебил его Тристан. — Марина, осталась ли у нас еще настойка? Принесешь? Кажись, в подвале она, в винной арке, — посмотрел он на женщину.

— Я помогу, — подскочил Захар. Сидеть и бездействовать и дальше не мог. И так за вечер в конец извелся.

Вместе они спустились в подвал, и Марина наполнила настойкой два бокала. Только, взяла ту не из винной арки, потому как сложены там были магические атрибуты. Но именно туда Марина потом и направилась. А вернулась с небольшим пузырьком, из которого и добавила несколько капель в один из бокалов.

— Что это? — поинтересовался Захар. Понял уже, что для Семена, и догадался, что не травить того надумала Марина.

— Зелье кратковременного забытья. Нужно, чтобы кузнец забыл, о чем вы с ним говорили, и зачем явился сюда. Незачем ему идти с нами, — грустно улыбнулась она.

Грустной Марина была весь день и весь вечер. Догадывался Захар о причинах. Скоро все закончится, и они вернутся домой. Это значит, что с Тристаном Марине придется расстаться. А перед долгой разлукой влюбленное сердце всегда плачет.

Семен с Тристаном чокнулись и осушили бокалы. Прошло буквально пару секунд, как кузнец хлопнул себя по ляжкам и громко заявил:

— Что-то засиделся я в гостях. Ночь уже на дворе, пора и честь знать, — встал он из-за стола и направился к двери.

— Дядь Семен, ты забыл... — догнал его Захар и вручил вилы.

— А батеньки! А это я зачем с собой взял? — округлил тот глаза, но вилы свои признал и забрал. — Знать, совсем из ума выжил. Не серчайте, — смущенно добавил, выходя в ночь.

И можно было бы посмеяться, если бы всем троем было не до смеха.

* * *

В самый темный час ночи, когда готова та уступить место дневному сну, но пока еще медлит, когда вокруг становится темнее прежнего, трое вышли из дома у реки, плотно заперев за

собой дверь.

Едва Тристан ступил на землю, как под ногами его принялся клубиться туман, быстро расползаясь в разные стороны. Туман был очень густой и ледяной. Ноги Марины и Захара сразу же стали мерзнуть.

— Потерпите, сейчас он обгонит нас и устремится к дому Пелагеи, — успокоил всех Тристан.

Из его короткого рассказа Захар понял, что это и есть те тайные знания, за которыми Тристан и отправлялся накануне. И держать знания в себе он долго не мог, потому и выпустил при первой же возможности. Кроме того, именно они должны были устранить все преграды на их пути, которые захочет выставить колдунья.

Все случилось именно так, как и предсказал Тристан — несмотря на то, что шли они довольно быстро, туман очень скоро «убежал» вперед. А когда приблизились они к дому Пелагеи, тот наполовину уже был скрыт тайными знаниями. Свет в окнах не горел, но никто из троих не сомневался, что колдунья притаилась и ждет их.

— Открывай, Пелагея, — громко постучал в дверь Тристан. — Дом у тебя хороший прочный. Портить его не хочется.

Какое-то время вокруг царила тишина, но вскоре на двери щелкнул засов, а сама она распахнулась. В дверном проеме выросла высокая фигура Пелагеи — вся в черном. И лишь глаза светились янтарем на этом черном пятне.

Не успел Тристан снова заговорить, как принялась Пелагея читать заклинания, выкрикивая те все громче. Из ладоней ее повалил серый дым, что быстро стал смешиваться с туманом. Однако просочиться сквозь туман и добраться до пришельцев дым так и не смог, сколько усилий ни прилагала Пелагея. Тайные знания были сильнее ее колдовства, и очень скоро она поняла это.

— Ты! — указала она на Тристана, перестав колдовать. — Тебе зачем это? Ты ведь даже не принадлежишь миру живых.

— В том наша разница, — спокойно заявил Тристан. — Я защищаю людей от таких, как ты. Приведи девушку, не заставляй меня применять к тебе силу.

Колебалась Пелагея не долго. Ткнув пальцем в Захара, велела:

— Пусть он идет за ней.

— Я пойду, — тут же встрепенулся Захар.

— Постой, — преградил ему путь Тристан. — Придется потерпеть холод, — раскинул он руки в стороны и принялся поднимать с земли туман.

Вскоре тот окутал Захара с головой, заставляя задрожать от холода.

— Ты должен выдержать, — шепнул ему Тристан. — Иди за искрой и поторопись. Ладья уже ждет нас, а колдунья специально тянет время.

Захар кивнул и разглядел крохотную, но яркую искорку перед собой. Из-за тумана видел он все довольно смутно.

— Уйди с дороги, — велел колдунье, когда достиг входной двери.

— Даже если ты заберешь ее сейчас, я найду способ добраться до вас после, — прошипела она и сделала шаг в сторону.

Дальше дело пошло быстрее. Искра уверенно вела Захара по дому Пелагеи. Еще бы не было так нестерпимо холодно — все тело Захара уже была крупная дрожь.

Женю он увидел, когда приблизился вплотную к клетке. До того не получалось даже разглядеть ее. Девушка спала и на призыв Захара никак не отреагировала. А тайные знания, тем временем, открыли замок в темницу, просочившись сквозь него.

Захар не стал будить Женю, а прямо спящую подхватил на руки и понес из подвала, а потом и из дома. Проходя с драгоценной ношей мимо Пелагеи, он услышал, как зашипел туман, и почувствовал, как тела его коснулось что-то обжигающее. Но все это уже мало волновало его, как и сама Пелагея, как и весь этот мир. Главное, что теперь они могут отправиться домой.

— Идите, а я вас догоню, — проговорил Тристан.

— Я с тобой! — встрепенулась Марина.

— Нет! Ты будешь охранять их, — строго велел он.

Марина подчинилась и увела Захара с Женей на руках побыстрее от дома колдуньи.

— Ни единая метка да не коснется его тела! Злая мысль обойдет стороной! Колдовская воля да останется у источника! И проклятье растворится в воздухе. Свершись!

Пока Тристан произносил заклинание, Пелагея несколько раз порывалась перебить его, но уста ей не подчинялись, как ни силилась.

— Много зла случилось с этими двумя, — проговорил Тристан уже обычным и уставшим голосом. — Это даже больше, чем иные могут выдержать. Успокойся, колдунья и живи дальше. А им позволю идти своим путем. Я же это проконтролирую, будь уверена, — усмехнулся на прощание и отправился догонять своих.

Не видел Тристан, как смотрела ему вслед Пелагея, как одинокая крупная слеза выкатилась из ее глаза. Впервые

дрогнуло ее сердце, ощутив любовь. Но она ее только что потеряла. И никто не сможет стереть образ той, что в глубине души считала своей дочерью, из ее памяти.

Дверь в палату распахнулась, впуская шум из коридора. Женя отложила книгу и с улыбкой смотрела на притворяющую дверь и воровато озирающуюся Лену. Вид у нее был самый что ни наесть заговорщицкий. Опять она что-то придумала, чтобы Женя не скучала?

— Привет! Что я тебе скажу!.. — подбежала Лена к кровати и расцеловала Женю, едва не задушив в объятьях. — Кажется, тебя сегодня ждет испытание.

— Это какое же? — рассмеялась Женя.

— Я видела, как братишка клал бархатную коробочку в карман. Сечешь, о чем я? — хитро прищурилась Лена.

— Секу, что ты выболтала его тайну, — откинула Женя одеяло и свесила ноги с кровати. Врачи ей запрещали пока часто вставать и долго оставаться на ногах, но не хотела она сегодня так встречать Захара. — А он-то где?

— Зашел к врачу, — махнула рукой Лена. — Снова будет тебе высказывать, воспитывать...

Это точно! За малейшее нарушение предписаний лечащего врача Женя от Захара получала мини взбучку. И объяснить ему, что все хорошо, и чувствует она себя отлично, никак не получалось.

Но хорошо было сейчас, а вот раньше...

Прошло почти три месяца с того дня, когда вернулись они на ладье времени из прошлого. Еще в ладье Марина сняла с Жени чары Пелагеи, пробудила ее. Сколько слез она пролила за то короткое время, что плыли между мирами, столько, наверное, Женя не плакала за всю свою жизнь. Но согревали и успокаивали ее объятия и поцелую Захара. И тогда еще она не подозревала, что ад начнется, как только ноги ее коснутся белого песка.

В тот же момент показания приборов в палате изменились — пациентка, что проспала больше четырех месяцев, начала пробуждаться. Ее мозг оживал, но до возвращения к жизни было еще очень далеко.

Началась борьба. Как по крупницам не так давно к Жене возвращалась память, так и сознание ее обретало осмысленность, а тело — силу. Но делалось это мучительно медленно. Сначала она научилась вновь самостоятельно дышать. Потом восстановился слух. Еще позже к ней вернулось зрением и осязание... Заговорить с Захаром она смогла лишь через месяц после пробуждения. И только несколько дней назад ей врач разрешил вставать и недолго прогуливаться по палате. И все это

время Захар был рядом. Он приходил с утра и уходил вечером. Постоянно разговаривал с ней, хоть слышать его Женя и смогла не сразу.

Всё и все вернулись в ее жизнь. И ценить теперь это Женя точно научилась. Бабуля, Наташка, Захар, его мама, сестра... Все они теперь были ее семьей, которых она очень любила. Они же платили ей взаимной любовью и согревали своим теплом. Даже папа Наташки несколько раз навещал Женю в больнице. А с парнем подруги Захар пару раз устраивал шахматные турниры прямо в ее палате.

Но все потихоньку налаживалось, а жизнь Жени становилась все более спокойной и здоровой. Хотелось, конечно, поскорее выписаться из больницы, но Захар внушил ей мысль, что не стоит опережать события, и врачу виднее, когда и что. Он так заботился о ней, что Женя не могла с ним даже ссориться, когда заботы этой ей казалось в излишестве. И не только о ней — Захар заботился и о ее бабушке, здоровье которой в последнее время изрядно пошатнулось. Правда, когда внучке стало лучше, то и бабушка почувствовала себя здоровее.

— Ты зачем встала? — с такими словами Захар вошел в палату.

— Ну началось... — возвела Лена глаза к потолку. — Сейчас начнет читать тебе нотации.

— Захар, ну я больше не могу лежать, — взмолилась Женя. — Не ворчи, — тут же улыбнулась и обняла его за шею. — Лучше поцелуй меня, — подставила ему губы.

— Я за пирожками, — поскакала к двери Лена, на ходу интересуясь: — Жень, тебе купить?

— Нет, я не голодна...

Да и что-то ей подсказывало, что ей будет не до пирожков. Наверное, это было то, что читала она в глазах Захара. А плескались там любовь и волнение.

— Жень, ты же не станешь меня ругать за то, что переплавил брошь? — заговорил Захар, но после того, как вернул ее в кровать и удобно устроил там.

— Нет, конечно. Давно пора... слишком много плохого с ней связано.

— Вот и я так подумал... В общем, вот! — достал он из кармана брюк коробочку и смущенно протянул ей.

Сердце Жени заколотилось с удвоенной скоростью, а в горле вдруг вырос ком. Кровь прилила к щекам, когда она открывала коробочку. Но...

— Какие красивые! — рассматривала она лежащие там серьги.

И она не лукавила — серьги можно было отнести к шедеврам ювелирного искусства. Только и от разочарования никак не получалось избавиться, ведь, ждала она кое-что другое.

— Тебе правда нравится?

— Очень! — заставила она себя улыбнуться.

— А это? — поднес к ее лицу Захар кулак и разжал его.

И вот тут Женя не сдержала восторженного вздоха. На ладони Захара лежало кольцо — в комплекте с серьгами и выполненное в том же стиле. И это кольцо! Значит ли оно?..

— Ты выйдешь за меня замуж? — прервал голос Захара ход ее мыслей. — Кажется, я это заслужил, — с улыбкой добавил.

— Мы заслужили! — прижалась к нему Женя в неконтролируемом порыве. «А точнее, выстрадали свое счастье», — добавила уже про себя.

* * *

Марина сидела на веранде и делала набросок с натуры. Золотая осень — такая, какую она больше всего любила: зелено-красно-желтая листва на деревьях с верхушками, залитыми солнцем. Светило еще не достигло зенита, и лучи его скользили лишь по самым верхушкам.

Когда на тропинке, ведущей к ее дому, появилась пара, Марина сразу их узнала. Женя с Захаром решили навестить ее, и она им рада была, как родным. В больнице Марина не часто навещала Женю, но регулярно созванивалась с Захаром и знала, что неделю назад Женю выписали. И сейчас рядом друг с другом они казались такими красивыми и счастливыми!

— Какие дорогие гости! — с улыбкой встала она им навстречу. — Рада вам в своем доме.

Женя немного стеснялась и сторонилась Марины — у них не получилось познакомиться поближе пока еще. А вот с Захаром они тепло обнялись — его Марина считала своим братом.

Пригласив гостей присесть за столик тут же на веранде, Марина быстро накрыла тот к чаю. Порадовалась, что с вечера испекла шарлотку — будет чем угостить гостей.

Первым делом она справилась о здоровье Жени, хоть и так видела, что чувствует себя девушка хорошо, от болезни не осталось и следа. Захар так и вовсе лучился счастьем — таким, какого хочется для всех.

— Марин, мы приглашаем тебя на нашу свадьбу, — протянул ей Захар пригласительный. — Придешь?

— Разве я могу пропустить такое событие! И когда же? —

раскрыла она пригласительный. — Ого! Уже через неделю?

— Мы решили не тянуть. И так слишком долго ждали, — обнял Захар Женю за плечи и прижал к себе.

Их любовь была настоящая — глубокая и вечная. Пусть пронесут они ее через всю жизнь и так и не смогут ею насытиться. Пусть согревает она их холодными ночами и оставляет в памяти счастливые моменты. Хотела бы и Марина стать такой же счастливой, но, видно, не судьба.

— Я приду, — пообещала Марина.

— Одна? — испытующе посмотрел на нее Захар.

— Одна, — грустно улыбнулась она.

Как же она скучала по Тристану. Несколько дней, проведенные с ним рядом в прошлом столетии, заставили ее полюбить его еще сильнее. И если раньше у Марины получалось скрывать свою любовь, считать ее чем-то призрачным и навевным мечтами, то теперь это делать было очень трудно. Она часто плакала, когда особенно тосковала. Вот и сейчас едва сдержала слезы.

— Мы будем тебе очень рады, — только и сказал Захар.

Марина никогда не рассказывала ему о своей любви к Тристану, но его проницательности хватило, чтобы обо всем догадаться самому.

Вечером Марина решила прогуляться в дубовую рощу, как часто делала, когда луна появлялась на небосводе. Она приблизилась к своему дубу и погладила руну, начертанную ею когда-то. Даже так ей казалось, что становится ближе к Тристану, ведь именно у этого дуба он и появляется обычно. Жаль, случается такое очень редко. Снова пришлось бороться с желанием провести ритуал и вызвать наставника. Но нельзя идти на поводу у своих желаний, за это Другой мир может закрыться для нее навсегда.

Марина прижалась к шершавой коре и закрыла глаза. Она позволила себе погрузиться в мечты, а как все было бы, если...

— Любовь сильнее, чем разум и власть над ним...

Марина вздрогнула и распахнула глаза. Перед ней стоял Тристан в одеждах жреца и улыбался. Но она не призывала его. Неужели сознание так решило над ней пошутить?

— Тристан? — прошептала она, когда иллюзия не развеялась.

— А ты ждала здесь кого-то еще?

— Вот уже долгие годы я жду только тебя, — отошла Марина от дерева и вплотную приблизилась к мужчине. А потом и прижала руку к его щеке, ощутив тепло и легкую щетину.

— А для чего ты меня ждешь, Марина, — взял ее Тристан за плечи и заглянул в глаза.

— Чтобы ты забрал меня с собой, позволил быть рядом всегда, — голос Марины дрогнул на последнем слове, хоть и старалась быть храброй. Но сейчас она открывала свое сердце, и не осталось места для тайн и недомолвок.

— Попасть в мой мир ты можешь, если полюбит тебя живущий в нем.

— Я знаю. И я чувствую...

— Что ты чувствуешь, Марина?

— Что любишь ты меня, наставник, как и я тебя, — смело проговорила она.

Сейчас она и правда чувствовала это, глядя в глаза Тристана. Она читала в них любовь, которую он даже не пытался скрыть.

— Кажется, ты поняла это раньше меня, — обхватил Тристан ее лицо руками и приблизил к нему свое. — Меня же любовь должна была лишити разума, чтобы я осознал ее, — с этими словами он прижался к ее губам.

Так соединились смертная и жрец, чтобы жить вместе и вечно. Но, посоветовавшись, они решили отправиться в Другой мир через неделю, после свадьбы Жени и Захара. А эту неделю проведут, окунувшись в земную любовь.